Аналитический центр
этноконфессиональных исследований

Владимир Семенко

Война с Россией

Большевики на службе у мировой закулисы

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Москва
2026

УДК 323.2
ББК 63.3(2)6-3
С 301

По благословению схиархимандрита Илия (Ноздрина)

Владимир Семенко.
Война с Россией. Большевики на службе у мировой закулисы. *Изд. 2-е, испр. и доп.* М.: 2026. 240 с.

Новая книга известного журналиста и исследователя Владимира Семенко посвящена некоторым малоизвестным страницам истории русской революции, связанным с деятельностью В. И. Ленина и его партии: финансированию большевиков крупнейшими международными банкирами; участию элитных военных в вооруженном перевороте октября 1917 года; эволюции трактовок Лениным вопросов национальной политики. В книге приводятся также более известные факты о массовых и крайне жестоких преследованиях Церкви со стороны большевистского режима. Автор приходит к выводу о явных параллелях между периодом революции в России и сегодняшним днем, когда нашей стране угрожает новый вариант глобализма. Большевизм был его предыдущей попыткой поработить Россию.

Существенное отличие книги в том, что при всем популярном характере и небольшом объеме она наполнена фактурой, конкретикой; в ней присутствует полноценный научный аппарат, есть много ссылок на источники. Это особенно ценно сегодня, когда на основе отвлеченных историософских схем делаются попытки реабилитации большевизма.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-0000-0000-0

© Владимир Семенко

Предисловие

В предлагаемой книге отчетливо показано, что зачастую настоящее — это хорошо забытое и еще менее понятое прошлое.

Сейчас Россия ведет, по сути, Отечественную войну с коллективным Западом за само право на самостоятельное существование. Пока эта война развертывается в рамках так называемой спецоперации по «демилитаризации и денацификации» Украины, а также освобождению русских областей Донбасса и Причерноморья.

Не вдаваясь в оценку чисто военных аспектов спецоперации, необходимо отметить, что ее информационное сопровождение, как на прифронтовых территориях, так и в наших средствах массовой информации, оставляет желать, мягко говоря, много лучшего. Причем не только в «окололиберальных» СМИ, но и в патриотических. Сама, ныне сильно нацифицированная, Украина изначально представляла собою государственное образование «имени Владимира Ильича Ленина», как справедливо сказал наш президент и Верховный Главнокомандующий перед началом СВО. Без настойчивых усилий Ленина по отделению от исторического тела России как можно большего числа территорий и населения никакой Украины в ее сегодняшнем виде в принципе бы не существовало.

И что же мы видим?

В освобождаемых от укронацистов городках и поселках восстанавливаются памятники Ленину, а также наименования улиц, посвященных ему и другим революционерам. И все это под флагом якобы восстановления «русскости». Представим на минуту, что цель, о которой мечтают патриоты России, полностью достигнута. Вся территория Украины освобождена от бандеровской власти, и страна денацифицирована. А в школах на русском языке начинается пусть запоздалое, но новое вхождение в русскую культуру. Вместо трудов бандеровских идеологов начинают изучать труды идеологов «русских». И среди них, конечно же, труды В. И. Ленина. И что же там увидят пытливые детские глаза?

Прежде всего известный ленинский тезис о черносотенном великорусском шовинизме и праве всех угнетенных им наций на самоопределение. Приехали, все по новой! Тут уж никакого

Бандеры не надо! Вечно живой из Мавзолея сам голос подает. Вещает.

Все усилия российской армии, ее героев окажутся втоптаны в грязь, процесс вновь пойдет по заданному —не нами! — кругу. На единой и неделимой России можно будет поставить крест.

Как бы уже не могильный.

Посильной попыткой противостоять такому ходу событий и является книга «Война с Россией». В ней автор достаточно четко, кратко и аргументированно, с опорой на многочисленные источники и научные монографии, показывает, что большевики никогда патриотами России не были.

В развязанной ими Гражданской войне погибло народу, преимущественно русского, в разы больше, чем во всех внешних войнах Империи за два столетия. Не говоря уже о потере территорий.

Так что, если бы не серьезная зачистка этой старой большевистской «гвардии», предпринятая в 1937-м и смежных годах, то и Великую Отечественную мы бы точно проиграли, да и не было бы нас уже, скорее всего. А так шанс еще остается.

На большевиках лежит также вина за физический погром Русской Православной Церкви и последовательное уничтожение самой памяти об исторической России. Особенно в первые двадцать лет их власти.

Фактически ленинский план преобразования бывшей Российской империи удивительно совпадает с планами русофобов с Уолл-стрит, их коллег из Сити и других мест «больших денег». Автор, с использованием немалого числа источников, убедительно показывает, что большевизм был ранним «изводом» глобализма, с поправкой на время и отсутствие технических средств глобального контроля, имеющихся сегодня.

Бороться с современными формами глобализма, апеллируя к его предыдущему варианту, — очень неудачная идея, говорит автор. И в этом заключается глубокая правда.

Трагедия сегодняшнего положения России в том, что она сама может существовать и тем более выигрывать войны только при режиме строгой централизации, при контроле центра над произволом на местах. Оптимальной формой такого режима в идеале служит православная монархия. Но для ее «овеществления» необходимо наличие православного народа, кото-

рый на сегодняшний день в России наблюдается в количестве совершенно недостаточном. И далеко не все православные, считая в том числе не просто «крестоносителей», но и людей воцерковленных, являются сознательными монархистами.

Между тем динамизм сегодняшних дней требует таких изменений в государственном устроении и управлении, которые могли бы сплотить все патриотические силы, готовые в буквальном смысле отдать жизнь за Россию.

В свое время Государь Василий III Иоаннович, отец Иоанна Грозного, произнес чеканную фразу: *«У русского народа существуют три врага: басурманство, латинство и сильные люди своей земли»*. И если первые два в этой формуле могли исторически варьироваться, то третий всегда оставался на своем месте, меняя, впрочем, также исторически, обличье и век от века понижаясь в качестве. Особенно моральном.

Узко понимаемые интересы элит, говоря шире, «образованного», или, как говорят сегодня, «креативного» класса, «сильных людей нашей земли», зачастую расходились и расходятся с интересами русского народа и русского государства.

Крушение Российской империи в феврале–октябре 1917-го и Советского Союза в августе–декабре 1991-го суть события *изоморфные*, говоря математически; если говорить о реализованной в них схеме, то они произошли не из-за военных поражений, а исключительно вследствие внутренней измены, — измены верхов, «сильных людей своей земли». Пятой колонны, говоря современным языком.

Единственным исключением в XX веке, когда «сильные люди своей земли» вели себя прилично и четко выполняли приказы и пожелания Верховного Главнокомандования, была Великая Отечественная война.

Выиграть войну сегодняшнюю, а значит просто сохранить Россию, возможно лишь повторив действия Верховного Главнокомандования той Отечественной войны.

И не повторяя ошибок Первой мировой и времен, ей предшествующих.

Книга «Война с Россией. Большевики на службе у мировой закулисы» раскрывает многие из тех ошибок и заставляет задуматься над последствиями ошибок сегодняшних.

Борис Галенин, *историк, действительный член Общества изучения истории отечественных спецслужб*

Назад в 1917-й?

Революция в России как проект Фининтерна

Бродвей, 120, Нью-Йорк. Знаменитый адрес, по которому в 1917 г. располагались офисы банков, финансировавших революцию в России

Не существует ни пролетарского, ни коммунистического движения, которые бы не действовали в интересах денег, в направлении, указанном деньгами, и, до поры до времени, разрешенном деньгами, — и при этом среди их руководителей нет идеалистов, не имеющих об этом ни малейшего понятия.

Освальд Шпенглер

Политический мир Открытого заговора должен ослабить, поглотить и вытеснить существующие правительства, стерев их с лица земли. Открытый заговор является естественным наследником социализма и коммунизма, которые были его эвфемизмами; он может установить контроль над Москвой еще раньше, чем накроет Нью-Йорк.

Герберт Уэллс. Открытый заговор

Клаус Шваб и Ленин: очевидные параллели

Все серьезные исследователи признают, что сегодня в мире происходят события поистине судьбоносные. Современный мир, как мы не раз уже указывали[1], по сути закрывается, кардинально переформатируется, и совершенно понятно, что то, что идет ему на смену, будет фундаментально отличаться от того, к чему мы привыкли. Сейчас читающей публике уже достаточно хорошо известны основные положения[2] книги Клауса Шваба «Covid-19: The Great Reset», но для наших сегодняшних целей необходимо напомнить наиболее характерные и важные из них.

1. Провозглашается, что после «пандемии» (читай: рукотворной мировой революции с использованием «фактора ковида») **никакого возврата к прошлому уже не будет**.
2. «Светлое будущее», по Швабу, — это мир, где **будут стерты различия между богатыми и бедными странами, а со временем уничтожены государственные границы. Возникнет единое планетарное государство с единым правительством:** «*Вопрос о Мировом*

правительстве — в центре всех вопросов». Кроме того, главный идеолог глобалистской революции недвусмысленно дает понять, что **«темным религиозным воззрениям и этническим предпочтениям» будет объявлена война**.

3. Экономика «дивного нового мира» должна централизованно управляться гигантскими монополиями. **Частная собственность будет отмирать**, ее место займет «экономика пользования», «экономика участия». Наличных денег не будет, будут повсеместно введены цифровые валюты.

Далее Шваб говорит: о переходе к «зеленой» энергетике, о качественном снижении демографического роста, о роботизации и цифровизации экономики, о поголовной обязательной вакцинации и, наконец, о **кардинальном «усовершенствовании человека», то есть о выходе на первый план идеологии и концепции трансгуманизма**. Без идеи и программы создания «нового человека» этот

Архитектор «глобальной перезагрузки» Клаус Шваб

глобальный план по трансформации мира был бы недоделанным, неполным.

Конечно, во всем этом есть немало нового. Цифровые и биотехнологии — это то, чего не было сто лет тому назад. Но все же в этих построениях видится нам в значительной степени что-то очень знакомое. Например, решительная война с прошлым. «Отречемся от старого мира» — это ведь не Шваб выдумал? Как и само выражение «новый человек»...

Читая Шваба, невольно вспоминаешь нечто из той, революционной эпохи. И поражаешься параллелям! Вот, например, Третья (после Циммервальда и Кинталя) Интернациональная конференция в Стокгольме, которую намеревался созвать лидер швейцарских социалистов **Гримм** в августе 1917 года. Ленин тогда в очередной раз был в бегах и, по мнению некоторых исследователей, не сидел с Зиновьевым в шалаше в Разливе, а вполне мог в то время находиться «на низком старте» для участия в конференции, пребывая где-то близ Стокгольма. Банкир **Олаф Ашберг** (о котором речь у нас еще впереди) вспоминал впоследствии о проекте резолюции, который, по его словам, они разработали тогда вместе со шведским социал-демократом («дослужившимся» в итоге до должности премьер-министра Швеции) **Георгом Брантингом**. В этом проекте:

1. Прямо использовалось столь одиозное ныне выражение «новый мировой порядок», а также говорилось о необходимости **«единого мирового руководства»** и единого мирового парламента. На эту роль, по мнению авторов проекта, и могла бы претендовать созванная в Стокгольме интернациональная конференция.
2. Странно было бы, если бы при этом не упоминалось и всеобщее разоружение.
3. Предлагалось введение **единой международной системы законов, денег**, мер и весов.

4. Утверждалась необходимость **создания международного финансового учреждения, подчиненного мировому парламенту**. Здесь авторы, с одной стороны, воспроизводили давние идеи самого старика Маркса (о чем мы еще скажем), а с другой — несколько ломились в открытую дверь, поскольку ФРС к тому времени была уже создана.

5. Ну и наконец, прямо декларировалось: «Правительства, не признавшие суверенитет общенародного представительства (то есть единого мирового парламента, который, как всякий парламент, не бывает ведь без своего правительства), — это анархисты (!) и **противники необходимого порядка. Революция сметет их со своего пути**»[3].

Правда, та конференция не состоялась, поскольку правительства стран Антанты не захотели выдать загранпаспорта своим делегатам. Но мысли интересные...

Возьмем вопрос об уничтожении национальных государств. Все, кто когда-то изучал марксизм-ленинизм, хорошо знают это краеугольное положение «великого и всепобеждающего учения». Об этом писал еще Энгельс в «Анти-Дюринге», а в «Государстве и революции» Ленина этому посвящена целая отдельная глава. Причем крайне важно, что **существование государства прямо связывается у «классиков» с существованием, так сказать, традиционного капитализма**, в котором доминирует частная собственность и налицо «классовое общество»; постепенное отмирание того и другого, согласно марксистской доктрине, как раз и приведет к «отмиранию государства». А пока еще идет «классовая борьба», пока «мы» (то есть большевики) еще не победили, такой институт, как государство, «нам» ой как необходим!..

Понятно, что рассуждения «классиков» о свободе в «бесклассовом обществе» следует воспринимать с пониманием, то есть критически; говоря об отмирании государства, они фактически говорили об уничтожении его

лишь в старом, традиционном смысле. Реальная история наглядно показала, что формы государственного принуждения в тех странах, где левые приходили к власти, были на много порядков свирепее, чем всё, что имело место прежде. Сегодняшние глобалисты тоже стремятся заменить старые национальные государства новыми, небывалыми еще формами принуждения. И кроме того, война с «религиозными предрассудками» и «этническими предпочтениями» есть то, что решительно объединяет глобалистов новых и старых (в лице сегодняшних глобалистов, с одной стороны, и марксистов и российских большевиков — с другой).

Знакомо нам и стремление демонтировать институт частной собственности. Причем решительная война с любыми формами капитализма ради народного блага — отнюдь не то, что реально привлекало Маркса и Ленина. Так, например, в 1918 году Ленин писал: «*Если бы мы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой*». А «осуществление социализма», по Ленину, «*определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма*». Что же конкретно имеет в виду Ленин? А вот что. «*В настоящее время*» (то есть при советской власти) «*осуществлять государственный капитализм — это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, которые капиталистические классы проводили в жизнь*». Именно «***учет, обобществление и контроль***» и есть, по Ленину явные, бесспорные преимущества государственного капитализма. Это советской власти необходимо взять на вооружение, поскольку «мелкая буржуазия» (то есть вообще все частные собственники, не обязательно владельцы предприятий, то бишь «средств производства») упорно сопротивляется «*учету, обобществлению и контролю*», держась за свою собственность, не желая расставаться с ней. А без «обобществления» «социализма» не построишь! Именно

«***государственный монопольный капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма***, — говорит Ленин, — *есть* ***преддверие его***, *есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом,* ***никаких промежуточных ступеней нет***».

«*К государственному крупному капитализму и к социализму ведет* ***одна и та же дорога***, *ведет путь через одну и ту же промежуточную инстанцию, называемую "народный* ***учет и контроль за производством и распределением продуктов***"». Ну, положим, насчет «народного» вождь малость загнул. Субъектом «учета и контроля» всегда была партия, и только она. При этом деньги в руках мелких собственников — страшное зло.

«*Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных "правдами" и особенно "неправдами"...*» «*Деньги – это свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный [!] слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от государства,* ***ни в какой социализм и коммунизм не веря***» (их можно понять... — *В. С.*). «***Мелкий буржуа, хранящий тысченки, враг государственного капитализма***, *и эти тысченки он желает реализовать непременно для себя*». Мечта Ленина — «***переход к принудительным текущим счетам или принудительному держанию денег в банках***...» — первый шаг на пути к будущей отмене денег при коммунизме. Ну прямо точно по Швабу! Задолго до рождения последнего...

Ну и как итог — апофеоз ленинизма: «*Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто* ***сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда,*** *а теперь видит, что может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он* ***может продать их не по шесть рублей, а дороже***, ***такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника***». Вывод — жесточайшая «***продовольственная диктатура***».

Раскулачивание

Иными словами, у всех надо всё отобрать, а потом распределять. В разумных объемах, разумеется.

Эта политика и была реализована в период т.н. «военного коммунизма», когда массовые реквизиции у крестьян произведенной ими сельхозпродукции привели, во-первых, к резкому сокращению посевов (какой смысл выращивать, если все равно отберут?), а, во-вторых, к массовому голоду при огромной смертности, небывалой в истории России. Впоследствии большевики не раз прибегали к испытанной тактике пытки людей голодом (самый страшный — это так называемый голодомор начала 1930-х), с помощью которой они стремились сломить волю народа к сопротивлению. Вопреки лжи современных необольшевиков, сезонно-климатические факторы здесь были не главной причиной, а, так сказать, «подспорьем». Последний раз это было сделано в 1946 году, когда надо было сломить и запугать фронтовиков, познавших вкус

свободы и увидевших, как процветает побежденная нами Европа. Государственная Дума РФ официально признала, что голодомор 1930–1933 гг. унес жизни не менее 7 млн. человек. А всего, по независимым оценкам, жертвами голода за 70 лет большевистского правления стали около 15 млн. чел.[5].

Чем это отличается от швабовской «перезагрузки», при которой 99 процентов всего населения планеты уравниваются в фактической нищете, в идеале не имеют никакой частной собственности и кормятся с руки мирового хозяина, послушно выполняя все необходимые для этого условия, не очень понятно. Конкретные средства достижения не вполне идентичны (несколько разные формы насилия), а цели очень даже похожи.

Не может не броситься в глаза и еще одна крайне существенная деталь, делающая очень похожими большевистскую политику времен «военного коммунизма» и «великую перезагрузку» по Клаусу Швабу. (Отчасти мы уже вскользь ее коснулись.) В обоих случаях активно используется **социалистический тезис о всеобщем благе**. Как Ленин в своих, по сути, вполне глобалистских планах по кардинальному переустройству жизни в России, а затем — и во всем мире (в 1918 году, когда писались приведенные выше строки, у большевиков еще не угасла вера в мировую революцию) постоянно апеллирует к «сознательным рабочим», «трудящимся», так и Шваб со своими соавторами в своей теории «инклюзивного капитализма» говорит о «всеобщем участии». Понятно, что в обоих случаях реальным субъектом управления становится узкая группа «посвященных», а все разговоры о народном благе в итоге оказываются лишь приманкой для большинства. В связи с этой очевидной общностью глубоко не случайно, что некоторые исследователи сегодня уже прямо говорят[4] о «коммунистическом радикализме адептов инклюзивного капитализма».

Тоталитарный, погромный большевизм существенно опередил свое время, не сумев в эпоху «военного комму-

низма» довести начатое до конца. Сегодня мы прекрасно понимаем, что одна из причин (наряду с массовым сопротивлением подавляющего большинства народа) — это отсутствие в руках большевиков тех средств тотального электронного, цифрового контроля, которые имеются у глобалистов XXI века.

Карл Маркс и Ротшильды: начало «всепобеждающего учения»

Немалое созвучие марксизма-ленинизма и глобалистского проекта «великой перезагрузки» по Клаусу Швабу — отнюдь не случайное идеологическое совпадение. Ибо за спиной того и другого стоят и стояли **хозяева мировых денег**, элитные кланы, контролирующие банковский, точнее финансовый, капитал.

Сегодня уже достаточно хорошо известна **связь Маркса и клана Ротшильдов**. Достаточно указать, что всю подготовительную работу для создания любимого детища Маркса — Первого Интернационала негласно профинансировал[6] один из лидеров английских иллюминатов, глава крупнейшего банкирского дома **Натаниэль Ротшильд**, в 1885 году возведенный в лорды.

Русский революционер М. А. Бакунин, противостоявший Марксу в Первом Интернационале, писал: «*Я уверен, что Ротшильды, с одной стороны, ценят заслуги Маркса и что Маркс, с другой, чувствует инстинктивную привлекательность и большое уважение к Ротшильдам*»[7]. Но дело было, конечно, отнюдь не только в простой симпатии. Профессор В. Ю. Катасонов[8] со ссылкой на известного американского исследователя **Энтони Саттона** напоминает, что тот в своих книгах аргументированно показал: «основоположник» получал от финансистов деньги под «социальные заказы» последних. Достаточно сослаться на знаменитый «Манифест Коммунистической партии» Маркса. (Касатель-

но авторства здесь существуют разные предположения. Так, Саттон утверждает, что основные положения этого документа были заимствованы автором из «Принципов социализма» малоизвестного французского социалиста **Виктора Консидерана**[9]. Другие исследователи полагают[10], что «Манифест» есть не что иное, как доработанный вариант программного документа общества баварских иллюминатов, написанный **Адамом Вейсгауптом** в 1776 году. Баварские иллюминаты были, в свою очередь, предшественниками системы лож «Великого востока», стоящей за спиной всех главных «буржуазных» революций конца XVIII–XIX в. О тесных связях Маркса с орденом иллюминатов пишет также **Ральф Эпперсон** в книге «Невидимая рука»[11].) Так вот, в этом основополагающем документе, своего рода Библии марксистов и коммунистов, в **пункте пятом** по сути предлагается «схема резервной центральной банковской системы, которая напоминает структуру Первого банка Соединенных Штатов, общие принципы закона о Федеральной резервной системе, а также модель ранних европейских центральных банков»[12]. В этом пункте прямо говорится: «***Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией***». С той только разницей, что сегодня ФРС (как и другие центральные банки) отнюдь не находится под контролем «своего» национального государства...

Говоря о глубинной общности, которая существует между марксизмом и глобальным финансовым капиталом, Энтони Саттон писал: «*Маркс понимал, что если небольшая группа людей завладеет предложением денег и институтом кредитно-банковских учреждений государства* (то есть центральным банком), *то она единолично сможет управлять циклом "бум — спад" экономики этого государства... Для каких целей элита* (то есть банкиры-ростовщики) *финансировала Маркса? Цель одна — ...**добиться господства элиты. Марксизм — это средство***

для упрочения власти элиты. Он не ставит своей задачей облегчить страдание бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты...»[13]

Михаил Смолин в книге **«Сто пуль в революцию»** приводит интересные и малоизвестные данные о механизме финансирования революционной деятельности «основоположников». В частности, он упоминает работорговца и пирата **Жана Лафита** (1782–1854). После бурной пиратской молодости он стал курьером и доверенным лицом у международных финансистов. Такие финансовые воротилы, как **Дюпон, Пибоди** и политики, как **Линкольн** и др. поручали ему проворачивать самые темные дела. В 1848 году Лафита послали в Европу. В дневнике он писал, что истинная причина этого (о которой никто не догадывался) — открытие счета в парижском банке для финансирования Маркса и Энгельса. «Им нужно помочь для осуществления революции во всем мире, — писал бывший пират, пошедший в услужение к банкирам. — Они сейчас над ней работают». Значимую роль в финансировании Маркса сыграл также сводный брат его жены **барон Фердинанд фон Вестфаллен**, министр внутренних дел Пруссии в 1850–1858 гг., бывший доверенным лицом многих германских банкирских домов[14].

Энтони Саттон, американский исследователь тайных связей большевиков и банкиров

В связи с этим Валентин Катасонов прямо указывает, что Маркс с большой вероятностью получил **социальный заказ от банкиров** «*на создание такой теории, которая*

позволила бы энергию социальных и политических протестов ***отвести от банкиров*** *и перенаправить ее в сторону фабрикантов, заводчиков и купцов»*, и продолжает, что *«большевики в России действовали, основываясь именно на таких схемах Маркса»*[15]. Так что там писал Ленин про «народный» учет и контроль? Быть может, это было «воспоминание о будущем» и в действительности речь шла **об «учете и контроле» со стороны банков** — идее, которая сейчас настолько актуальна, что обсуждается уже практически везде — от органов власти, вносящих соответствующие изменения в законы, до блогов и соцсетей?

Такая мысль кажется довольно экзотической, но в действительности есть совершенно конкретные факты, указывающие на то, что все именно так и было. Проанализировав финансовую политику первых лет советской власти, профессор Катасонов говорит, что Ленин, во-первых, «неоднократно повторял тезис, что банки в условиях нового общественного строя следует оставить в качестве институтов "контроля и учета", а сам "контроль и учет" — неотъемлемое условие социалистической экономики. Во-вторых, ***Ленин был сторонником максимальной централизации банковской системы***... Фактически Ленин выступал за то, чтобы консолидировать активы и пассивы всех частных банков в одном учреждении — центральном банке»[16]. В свете сегодняшних реалий данная констатация в комментариях не нуждается.

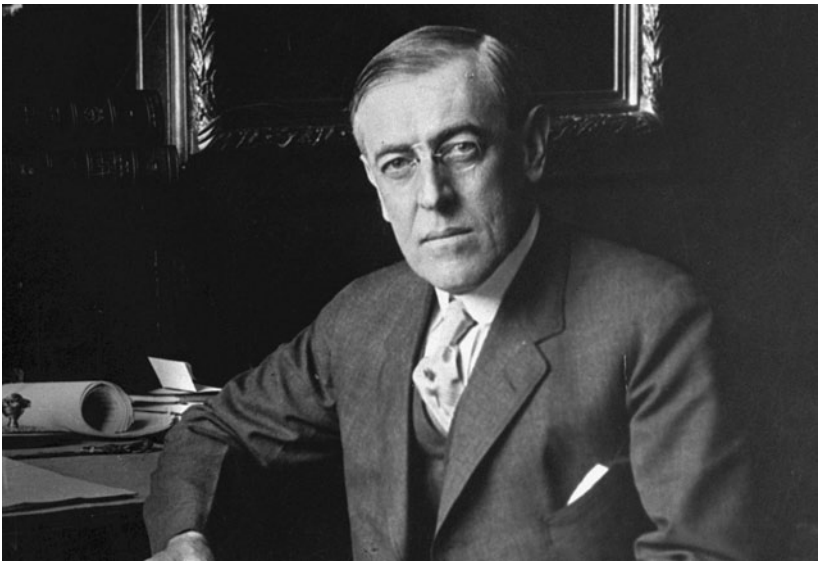
Большевики и международные банкиры: малоизвестные страницы истории революции в России

Тайные связи революционеров и банкиров сполна проявились и в истории российской революции. Упомянутый выше Энтони Саттон в своей знаменитой книге «**Уолл-Стрит и большевицкая революция**» показал механизм этой связи, сказавшейся **в финансировании большевиков крупным международным банковским капиталом**.

Исследователь прямо говорит (и доказывает это немалым числом конкретных примеров) о «*партнерстве международного монополистического капитализма и международного революционного социализма, направленного к их взаимной выгоде*»[17].

Опираясь на документы, автор указывает: что тогдашний президент США **Вудро Вильсон** прямо способствовал выдаче Троцкому паспорта для выезда в Россию, хотя того и пытались задержать на канадской границе; что друг и сторонник президента **Чарльз Крейн** ездил в Россию в середине 1917 года для установления контактов между большевиками и американским правительством, причем в компании с видным американским коммунистом **Линкольном Стеффенсом**, который служил связующим звеном между Троцким и Вильсоном (С. 21). Задержанный поначалу в Канаде при попытке выехать в Европу, Троцкий был освобожден «по просьбе посольства Великобритании в Вашингтоне... которое действовало по просьбе Госдепартамента США, который действовал для кого-то еще» (С. 30). Понятно, что этим «кем-то» и был президент Вильсон. Далее исследователь отмечает, что «прямая связь между Троцким и международными банкирами» осуществлялась через его дядю по материнской линии **Абрама Животовского**, который хотя и был по своим убеждениям вроде бы противником большевиков, тем не менее «в 1918 году в валютных сделках действовал фактически в интересах» их режима в России (С. 35).

Современные исследователи развивают и дополняют линию Э. Саттона, приводя новые интереснейшие подробности. Так, сюжет с временной задержкой Троцкого и его последующим отплытием в Россию подробно разобран в книге **Елены Чавчавадзе и Валерия Шамбарова** «Лев Троцкий. Тайны мировой революции»[18]. Авторы ссылаются на целый ряд новых исследований, в частности на книгу **Ричарда Спенса** «Уолл-стрит и русская революция. 1905–1925»[19]. Последний, со ссылками на источники, указывает, что упомянутый выше Абрам Жи-



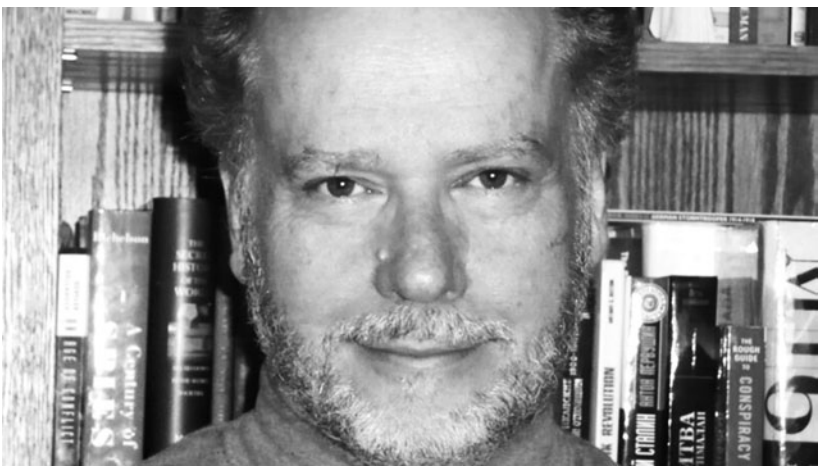
Вудро Вильсон, 28-й президент США

вотовский в самом начале Первой мировой войны нанял в качестве торгового агента известного бизнесмена и британского разведчика **Сиднея Рейли**, якобы расстрелянного в 1925 году в результате известной операции «Трест».

Настоящее имя и фамилия Сиднея Рейли — **Соломон Розенблюм** (по другой версии — Зигмунд Георгиевич Розенблюм), уроженец Одессы, фальшивомонетчик и социалист. Он неоднократно арестовывался Охранным отделением за участие в незаконных сходках и собраниях.

Спенс приводит подробные данные о дальнейшей биографии Рейли–Розенблюма. Спасаясь от преследований со стороны охранки, он уехал в Англию, где продолжил то, чем занимался в России: печатание фальшивых денег и социалистической литературы для последующей переправки того и другого на родину. Одновременно он стал там **осведомителем Скотленд-Ярда**. Когда Охранное отделение и здесь вышло на его след, то начальник

(«главный инспектор») Скотленд-Ярда выдал ему паспорт на имя умершего ирландского младенца и отправил на Дальний восток. (Фотографии тогда в паспорта не вклеивались). Так Соломон Розенблюм и стал Сиднеем Рейли. На Дальнем востоке он познакомился с Абрамом Животовским и в конце концов вернулся в Россию под чужим именем. Это был заядлый авантюрист, спекулянт, тесно связанный со спецслужбами. Свою работу на англичан он весьма часто использовал для личных целей. Спенс полагает, что впоследствии счете он был завербован также и большевиками и в конечном счете, после их прихода к власти, стал работать на них. Косвенным подтверждением данной версии может служить **провал всех антибольшевистских акций, в которых он участвовал**, в том числе знаменитого и сильно мифологизированного «заговора послов». По мнению американского исследователя, приводящего в качестве доказательства своей версии весьма солидный научный аппарат, по завершении операции «Трест» Рейли не был расстрелян, а был вы-



Ричард Спенс, американский исследователь, преемник и продолжатель Э. Саттона

веден из игры чекистами и в дальнейшем оказывал им ценные консультационные услуги.

Занимаясь во время войны контрабандной торговлей оружием, Рейли-Рзенблюм был также агентом банкира и шефа британской разведки в США **Уильяма Джорджа Эдена Вайсмана**. (Вайсман вышел на «полковника» Хауса именно через Рейли и стал передавать информацию, полученную от Хауса, своим непосредственным начальникам в Лондон, минуя английского посла[20].)

Якоб Генри Шифф. По мнению многих исследователей, был тайной пружиной «заговора банкиров» против Царской России

Офис Рейли располагался по известному адресу **Бродвей, 120**. Спенс, в частности, указывает, что по тому же адресу располагался офис некоего **Бени (Вениамина) Свердлова**, младшего брата будущей правой руки Ленина **Якова Свердлова**. Партнер Рейли **Александр Вайнштейн** был, в частности, организатором известного собрания революционеров в Нью-Йорке 14 февраля 1916 года, на котором тем было обещано практически неограниченное финансирование. (А. Д. Нечволодов указывает, что об этом собрании, в котором приняли участие 62 человека, одним из агентов русской разведки был сразу же отправлен доклад в Ставку Верховного Главнокомандующего[21].) Именно Вайсман, действовавший параллельно с Гельфандом-Парвусом (о котором речь у нас еще впереди) и совершенно независимо от него, разработал план «Управление штормом», представив его своему руководству, которое данный план и одобрило. Р. Спенс говорит: «Его (Вайсмана) идея за-

ключалась в том, что революционный шторм, захлестнувший Россию, вряд ли можно остановить. Он хотел, чтобы его люди, прибыв в страну и завоевав признание в революционной среде, смогли направлять ее в нужном для союзников направлении». Спенс ссылается на отчет Вайсмана «**Разведывательная и пропагандистская работа в России**» и приводит слова автора отчета: «*Один из наших американских агентов, известный интернациональный социалист, был сразу же принят большевиками и допущен на их собрания*». По мнению Спенса, «*существует очень большая вероятность того, что агент, про которого говорит Вайсман, не кто иной, как сам Троцкий*»[22].

На свои цели Вайсман получил немалые средства, причем, по мнению Спенса, одним из главных американских спонсоров этого плана был **Якоб Шифф**.

По мнению исследователей, план «Управление штормом» был в целом вполне вписан в то, что литературе вопроса называется «стратегией Хауза»[23]. Полковник Хауз был фактически теневым правителем при президенте Вильсоне, своего рода серым кардиналом Вашингтона, и поддерживал весьма тесные связи с Вайсманом. Суть этой стратегии вкратце заключалась в том, чтобы способствовать победе Антанты над центральными державами, но без России (отсюда поддержка революции), хотя официально говорилось лишь о том, чтобы не допустить выхода России из войны. Конечной целью стратегии было до-

Эдвард Мандел Хаус (Edward M. House) по прозвищу «полковник Хаус», серый кардинал в кабинете Вудро Вильсона

биться мирового господства для США и сделать доллар главной мировой валютой.

Спенс пишет, что пребывание в США стало, по сути, ключевой ступенькой в политической карьере Троцкого. «*Он побывал на "кухне", где делалась мировая политика*» (Шамбаров и Чавчавадзе. С. 93).

Лев Давидович Бронштейн (Троцкий). Играл ключевую роль в тайных связях большевиков с банкирами Уолл-стрит

Возвращаясь к сюжету с задержанием Троцкого на канадской границе при попытке выехать из Америки в Европу, следует сказать, что в качестве предлога были использованы встречи будущего «демона революции» с немецкими агентами и получение от «немецких социалистов» $ 10 000. Инициатива задержания принадлежала британцам (Канада — страна Содружества). Как показывают документы, приказ об аресте поступил от адмирала военно-морской разведки **Холла**, получившего соответствующую информацию от британского морского атташе в Нью-Йорке **Баунта**. Спенс по этому поводу замечает: «*Если бы британские власти хотели не пустить Троцкого в Россию, им достаточно было просто отказать ему в визе... Смысл ареста Троцкого состоял в том, чтобы скрыть любые следы, которые могли пролить свет на его связи с англичанами. Его представляют германским агентом с немецкими деньгами... Когда все смотрят на эти события под немецким углом зрения и видят 10 тысяч долларов, они могут не увидеть английского следа и потерять миллио-*

ны долларов... Арестовав революционного героя Троцкого и задержав его на месяц, Вайсман отвел от Троцкого любые подозрения, что он является английским агентом» (Шамбаров и Чавчавадзе. С. 110). Кроме того, по мнению Спенса, задержка Троцкого была необходима закулисным режиссерам процесса для того, чтобы первым в Россию приехал Ленин. Именно он был «назначен» вождем № 1. «*На первое место пропускали Ленина — именно проехавшего через Германию! Тем самым маркированного в качестве германского агента. Да и сценарий с Троцким был разыгран таким образом, чтобы выпятить германский след и отмыть британо-американский. Вся вина за то, что произойдет, возлагалась сугубо на немцев*!» (Там же).

Перейдем теперь к главному сюжету, связанному с глобальным финансированием большевиков и других левых партий в России банкирами Уолл-стрит (вокруг чего существует немало всякого рода фейков и домыслов).

Когда сегодня некоторые представители левых взглядов говорят, что никакого заговора банкиров не было, что это все выдумки «антисоветчиков», для людей, которые хорошо ориентируются в реальной истории, это звучит более чем странно. Начнем с того, что о связях многих известных банкиров с революционерами было известно еще царским спецслужбам. В 1916 году, при содействии «начштаверха» **генерала Алексеева** (того самого, которому потом суждено было сыграть столь деструктивную роль при так называемом отречении Государя), была учреждена особая следственная комиссия по борьбе с саботажем и экономическими диверсиями под началом **генерала Батюшина**. В результате ее работы были арестованы: **Абрам Животовский с братом Давидом**, банкир **Дмитрий Рубинштейн**, владелец самой популярной оппозиционной газеты «Новое время»... Также были арестованы промышленники и финансисты **Шапиро, Раухенберг, Шполянский, Бабушкин, Гепнер, Добрый**. Контрразведка произвела обыски в фирме Нобеля,

Внешторгбанке, Международном банке. При этом нашли предвоенные циркуляры Германского генштаба, свежие инструкции Макса Варбурга, хранившиеся наряду с деловыми бумагами. Следующими объектами стали Соединенный банк, табачный синдикат Гордона, фабриканты Уитман и Лурье, глава Коммерческого банка Шкаф[24]. От арестованных нити вели к **Михаилу Терещенко (**будущий министр финансов во Временном правительстве), **Бродским, Цейтлину, Гинцбургам, Манусу** (Шамбаров и Чавчавадзе. С. 94). Однако после этого начался «гевалт» (информационный накат) либеральной прессы, впала в истерику либеральная «общественность», возмутились и западные державы, «союзники». Была организована провокация, когда одному из сотрудников контрразведки подсунули взятку. В итоге массированного давления на Государя со стороны банкиров и депутатов Думы заведенное дело было прекращено.

Обратимся к последовательному изложению предыстории вопроса.

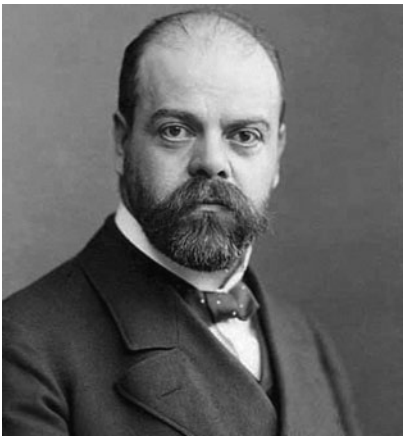
Идея использования революционеров для подрыва России может быть прослежена с 1915 года, когда активный коммерсант и по совместительству «демон революции» **Гельфанд-Парвус** 14 августа изложил соответствующий план немецкому послу в Константинополе **Брокдорфу-Рацлау**, о чем тот и проинформировал свое руководство в Германии. Считается, что именно Парвусу принадлежала скандальная идея, суть которой заключалась в том, что без денег никакую революцию не совершишь, а поскольку сами революционеры их не зарабатывают, то, стало быть, деньги следует взять у тех, кто умеет их делать «из воздуха», то есть, как понятно, у банкиров. Приоритет Парвуса здесь довольно спорен, поскольку, как мы видели выше, сам Маркс был связан с тогдашними хозяевами мировых денег, в частности с кланом Ротшильдов (что является фактом, не оспариваемым никем из серьезных историков). Саттон осторожно замечает (С. 40), что идея Парвуса «соответствовала»

(то есть фактически вполне могла быть заимствована им) подходу, которому давно уже следовали банкиры Уолл-стрит и других финансовых центров тогдашнего мира, в частности **Дж. П. Морган и Макс Варбург**.Так, например, британский историк чешского происхождения **Збигнев Земан** (которому принадлежит приоритет в обнаружении и публикации так называемого **Меморандума Парвуса**), составитель известного сборника «Германия и революция в России. 1915–1918»[25], говорит о роли М. Варбурга в создании некоего русского издательства и ссылается на соглашение от 12 августа 1916 года, по которому германский промышленник **Стиннес** согласился внести два миллиона рублей на его финансирование. При этом Земан, ссылаясь на известные ему документы, полагает, что часть этих денег пошла попросту на поддержку российской социал-демократической печати (Сатton. С. 41).

Генерал-майор Николай Степанович Батюшин. Руководитель органов военной разведки и контрразведки в последние годы царствования Николая II

Помимо Парвуса, крайне важную роль в подготовке революции в России сыграл видный деятель австрийской и международной социал-демократии **Виктор Адлер**, тесно связанный с кланом Ротшильдов. Он был своим человеком также в политических кругах и в политической полиции Австро-Венгрии. Валерий Шамбаров указывает, что «Адлер стал "неофициально" курировать контакты международных социалистических кругов с русскими революционерами. И, как определили современные зарубежные исследователи, играл роль "отдела кадров". Изучал тех или иных российских социалистов, оценивал, насколько

они перспективны, где и как их можно использовать, давал соответствующие рекомендации[26]». Данные им рекомендации сыграли крайне важную роль в том числе и в распределении финансовых потоков между разными группами российских революционеров.



Александр Львович Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд). Крупный предприниматель, социалист, учитель Троцкого, создатель теории «перманентной революции», автор знаменитого плана финансирования большевиков через посредство Германии

Нельзя не упомянуть и **Карла Моора**, по некоторым сведениям, человека «немецко-еврейского происхождения», который, по мнению исследователей, был основным посредником между Лениным и германским генштабом. Моор был двойным агентом германской и австро-венгерской разведок, работавшим под псевдонимом «Байер» и во многом помогшим Ленину в получении права на жительство в Швейцарии, а затем в организации выезда в Россию через территорию Германии[27]...

В целом финансовая схема, использованная банкирами для поддержки российской революции, заключалась в том, что ведущими банками Уолл-стрит давались беспроцентные кредиты Германии (и это при том, что дело происходило во время мировой войны, в которую США вскоре вступили на стороне Антанты, то есть главного противника Германии!).(Германия использовалась здесь в роли посредника, на что была готова, поскольку ослабление России с помощью революции полностью соответствовало ее интересам.) Затем через сложную цепочку посредников, через сеть банков в Стокгольме деньги перегонялись на территорию Рос-

сийской империи, конкретно — в Финляндию, где и происходил обнал. Таким образом, банкиры очевидным образом были прямыми участниками революции, а изначальный источник денег оказывался тщательно замаскирован. М. В. Назаров в послесловии к книге Саттона высказывает весьма уверенное предположение, что общее кураторство над процессом осуществлял **Макс Варбург** при посредстве **Якоба Шиффа** (С. 320 и сл.). Данное мнение подтверждается и другими источниками. В конечном счете приходится признать абсолютно очевидным то, что пишет П. В. Мультатули со ссылкой, в частности, на записку первого секретаря русского посольства в Вашингтоне графа Л. Г. Лорис-Меликова от 17/30 марта 1916 года: «Американские и германские деньги, получаемые русскими — и Керенским, и большевиками, были одного происхождения»[28].

Ключевые участники процесса (Якоб Шифф, Макс Варбург, Гельфанд-Парвус и др.) не были в чистом виде банкирами, политиками либо сотрудниками или агентами спецслужб. Они сочетали в себе много «ипостасей», ведя комплексную системную работу против России. Так, М. Варбург, будучи изначально германским банкиром еврейского происхождения, вместе со своими братьями разбогатевший в США, сохранял связи с Германией, причем не только по финансовой, но и по «специальной» линии, что делало его просто идеальным связующим звеном между банкирами Уолл-стрит и Германией. В справке Секретной службы Соединенных Штатов от 12 декабря 1918 года, хранящейся в американских военных архивах и касающейся его брата Пола (бывшего вице-президентом ФРС), он прямо называется «лидером системы шпионажа Германии»[29].

Что же касается Якоба (Джейкоба) Шиффа, то, по словам генерала **А. А. Гулевича,** «"весной 1917 года Шифф открыто хвастался тем, что царский режим свергнут благодаря его финансовой поддержке"[30]. Его содействие революционерам упоминается в книге **Сайруса Ад-**

лера, вышедшей после смерти банкира "Якоб Шифф. Жизнь и письма" (Лондон, 1929), его участие в подобных делах подтверждает сын финансиста **Мортимер Шифф**, написавший предисловие к ней. Русский военный историк и разведчик генерал **А. Нечволодов**, ссылаясь на данные французской разведки, указывает: "Двенадцать миллионов долларов было передано Шиффом на нужды русской революции, и этот факт подтверждают и дополняют другие источники"»[31]. Таким образом, хотя в нашем распоряжении и нет прямых улик (то есть банковских документов), доказывающих теснейшее и широкомасштабное участие крупнейших финансовых воротил Уолл-стрит в финансировании революции в России, этот факт следует признать более чем вероятным.

Будучи ключевой фигурой в координации действий банкиров, спецслужб и политиков по финансированию российских революционеров и организации революции в нашей стране, Якоб Шифф перед этим добился устранения с политической арены также и американского президента республиканца **Уильяма Говарда Тафта**, предшественника на этом посту Вудро Вильсона. Явившись 15 февраля 1911 года на прием к Тафту в составе представительной делегации, состоявшей в основном из его друзей-банкиров, Шифф в ультимативной форме потребовал от президента разорвать все деловые связи с Россией, но встретил решительный отказ, резонно мотивированный тем, что это нанесет непоправимый ущерб заинтересованным в сотрудничестве с Россией американским компаниям. Несмотря на то, что его собеседники продолжали настаивать, президент проявил твердость и не поддался их давлению. Итогом несговорчивости президента стало то, что на очередных выборах он был забаллотирован, и 4 марта 1913 года его место занял демократ **Вудро Вильсон.** В этой острой схватке с несговорчивым американским политиком, причем самого высшего уровня, решительную победу одержали банкиры. А торговое соглашение между Америкой и Россией было

вскоре расторгнуто[32]... Банкиры провели решение через Конгресс, причем обе палаты проголосовали практически единогласно!

Но если президент Тафт был устранен от власти чисто политически, то другой неугодный закулисе деятель англо-саксонского мира — фельдмаршал, военный министр Великобритании **Лорд Китченер** был просто убит[33]. Будучи горячим сторонником тесного союза с Россией, он хотел расследовать преступную деятельность фирмы «Виккерс» по срыву поставок нашей стране снарядов. На борту крейсера «Хемпшир» министр вез первый взнос будущего кредита России — 10 млн фунтов стерлингов в золотых слитках, упакованных в металлические ящики. «Хемпшир» вышел из Англии 5 июня 1916 года, подорвался на немецкой мине (по официальной версии) и затонул неподалеку от Оркнейских островов, в результате чего все находившиеся на борту погибли. Э. Людендорф считал, что загадочная смерть Китченера «*была вызвана не германской миной или торпедой, но той силой, которая не позволила России воспрянуть с помощью лорда Китченера, потому что взрыв всей России уже был запланирован*»[34].

Сила эта — в первую очередь банкиры Уолл-стрит, которым преимущественно и посвящена данная глава. Среди исследователей для их обозначения утвердился термин «Бродвейская группа» (поскольку, как мы указали, офисы их банков находились преимущественно по адресу Бродвей, 120). Однако сводить все к данной составляющей было бы принципиальной ошибкой. Поскольку в мировых элитах и тогда и сейчас имеются и другие составляющие. Так, устранение лорда Китченера (если принять более чем вероятную данную версию) было делом рук т. н. «Круглого стола» — парамасонской организации, основанной в Лондоне в 1891 году неким **Сесилем Родесом** вместе с Л. Ротшильдом. Среди других членов-основателей организации были настоящие «сливки» английской аристократии: **лорд Эшер, лорд А. Мильнер,**

лорд А. Бальфур и сэр Дж. Бьюкенен. Своим богатством Родес был обязан клану Ротшильдов. Именно Ротшильд-Банк предоставил Родесу деньги для открытия своего дела по добыванию алмазов в Южной Африке. Название «Родезия» происходит именно от фамилии Родеса.

Основатель «Круглого стола», британский предприниматель и политик Сесиль Родес

Своей основной задачей создатели организации считали распространение британского господства на весь мир, а также введение английского языка в качестве всемирного. В действительности же Англия рассматривалась «Круглым столом» только как плацдарм для осуществления главной цели общества — **создания мирового правительства**.

Необходимо констатировать, что **и у Бродвейского сообщества и у «Круглого стола» была одна и та же цель — единое наднациональное мировое правительство**. Связь между двумя группами осуществлял **другой герой нашего краткого повествования — «полковник» Хауз,** серый кардинал в правительстве Вудро Вильсона.

В 1904 году, после смерти С. Родеса, во главе «Круглого стола» встал А. Мильнер... Структура организации во многом напоминала структуру ордена иезуитов, ордена баварских иллюминатов и последующую структуру нацистского ордена СС. В начале XX века Мильнер становится председателем двух «дочерних» организаций «Круглого стола» — «Комитета 300» и «Королевского института международных дел».

А. Мильнер значительно расширил международные связи «Круглого стола». Наибольшее влияние идеи общества получили в США, где посвященный Мильнером в члены «Круглого стола» американский историк Дж.-Л. Бер в 1912 году создал одноименную организацию в Нью-Йорке. Интересно, что Хауз задолго до Бжезинского высказал мнение о необходимости раздела России.

К началу Первой мировой войны клуб банкиров на Бродвее и «Круглый стол» преследовали одну и ту же цель: полный контроль над мировой политикой, экономикой и ресурсами.

Американский исследователь Р. Дуглас утверждает, что Китченер был «*единственным, кто мог в этот момент поддержать Россию. С его смертью исчезло главное препятствие, сдерживавшее революцию в России*»[35].

После гибели лорда Китченера его пост министра обороны занял Д. Ллойд-Джордж, который с декабря 1916 года стал премьер-министром Великобритании. А Мильнер тогда же фактически заменил его на посту военного министра. Министром иностранных дел стал лорд А.-Дж. Бальфур, а Дж. Бьюкенен — послом в России (важнейшая должность, напрямую связанная с будущей революцией). Иными словами, с этого момента вся высшая политическая власть в Великобритании оказалась в руках членов «Круглого стола»[36].

Возвращаясь к Парвусу, следует подчеркнуть, что сам он отнюдь не был главным источником денег для финансирования российской революции. Он, напротив, получал для этой цели крупные суммы от германского ге-

нерального штаба или (главным образом) — через его посредство.

Яков (Якуб) Фюрстенберг-Ганецкий, польский революционер. Сотрудник фирмы Парвуса, снабжавший деньгами Ленина и других большевиков

Однако его роль не исчерпывается этим. Парвус создал коммерческую компанию со штаб-квартирой в Константинополе (которая во время войны была перенесена им в Швейцарию, а затем в Копенгаген), осуществлявшую **легальные торговые операции, в том числе и в воюющих государствах**. Здесь он **вел социал-демократическую пропаганду и одновременно занимался крупными экспортно-импортными сделками.** Исследователи, в частности Г. М. Катков[37] и др., указывают, что, по некоторым сведениям, этот «социалист-капиталист» поставлял на Балканы устаревшее немецкое вооружение и **осуществил крупные поставки российского зерна в воевавшую с Россией Германию** (Возникает законная ассоциация с нынешней «зерновой сделкой», связанной с поставками оружия на Украину...) А в 1916 году он также заключил в Дании огромную сделку, которая «закрыла доступ на датский рынок для английского угля и открыла его для немецкого угля» — и тем опять же сильно помог Германии.

Однако Парвус, возглавлявший некий **Институт по изучению последствий Мировой войны** (характерный аналог нынешних НКО с непрозрачным иностранным участием), формально даже не был сам причастен к этой коммерческой деятельности, везде расставляя зависимых от него своих сотрудников, своего рода зиц-председателей. Одним из таких сотрудников Парвуса был **Яков**

Фюрстенберг-Ганецкий, осуществлявший связь между своим фактическим хозяином и **Лениным**. (Некоторые исследователи полагают, что Ганецкий был одновременно завербован германской разведкой и что его коммерческая деятельность была вписана в игру спецслужб центральных держав[38].) Впрочем, другие считают, что «для него связь с германским генштабом являлась только ширмой, за которой прятались его связи с еврейскими международными финансовыми кругами, и точно такой же ширмой являлся большевизм Троцкого»[39].

Он стал активным соучастником широкомасштабной деятельности на черном рынке в сфере **торговли оружием**, которую Гельфанд «*развил в Дании с ведома и содействия германских властей*». Ганецкий стал директором фирмы «Фабиан Кингслянд», созданной Парвусом в Дании еще в 1914 году. Представителем этой фирмы в России стала двоюродная сестра Ганецкого небезызвестная **Е. М. Суменсон**, о которой речь у нас еще впереди (Шамбаров и Чавчавадзе. С. 65). Параллельно, под крышей у с виду невинного «института», Гельфанд-Парвус собирал оказавшихся не у дел в эмиграции русских революционеров, подкидывая им (разумеется, через посредников) мелкие суммы на повседневные расходы и тем сохраняя эту когорту для возможной в будущем революции. Невозможно не заметить, что роль, вполне аналогичную роли Парвуса, сегодня выполняет досрочно отпущенный из лагеря и сбежавший в США иноагент Ходорковский (при даровании ему УДО клятвенно заверявший Президента Путина, что никогда не будет заниматься политикой).

Доктор **Циммер**, который по поручению германского МИДа инспектировал деятельность Парвуса, утверждал, что в распоряжении последнего **имелись восемь агентов в Копенгагене и десять разъездных агентов в России**, которые, в частности, по некоторым весьма вероятным предположениям, «курировали» вопросы финансирования и разжигания забастовочного движения на россий-

ских оборонных предприятиях[40]. Этими сотрудниками Парвуса, действовавшими под крышей его института, были тот же **Ганецкий, Моисей Урицкий, Зурабов, Перазич, Чудновский, Громов** (Шамбаров и Чавчавадзе. С. 65).

Другой немецкий аудитор констатировал, что «созданные им (Парвусом) торговые компании развивались и процветали с поразительной быстротой. Деньги лились рекой в карманы Гельфанда и Фюрстенберга. Часть из них, поступавшая от незаконной торговли медикаментами, противозачаточными средствами и косметикой, оставалась в этой стране (России) ради необъявленных целей»[41]. Исследовав деятельность одного из филиалов Гельфанда, управлявшегося **Георгом Склацем**, аудитор был поражен «*невероятными сделками*», осуществленными Склацем в нарушение постановлений о правилах торговли в Германии во время войны, но с ведома и согласия немецкого МИДа.

«Большевицкий банкир» Олоф Ашберг, владелец банка «Ниа Банкен». Именно его банк осуществлял главную посредническую функцию в переводе огромных денежных сумм из Германии на территорию Российской империи для финансирования революции

Следует еще раз обратить внимание на то, что среди исследователей существует вполне обоснованное мнение, что, помимо посредничества Парвуса в передаче революционерам глобальных денег от международных банкиров, от торговых операций его компании также шли нелегальные отчисления для подпитки забастовочного движения в России, по своему размаху абсолютно беспрецедентного для воюющей страны.

Крайне важную, если не ключевую роль в финансировании большевиков и других левых партий в России

сыграл «большевицкий банкир» **Олоф Ашберг**, владелец банка «**Ниа Банкен**», основанного в 1912 году в Стокгольме. Он поддерживал самые тесные деловые контакты с некоторыми людьми в России еще до революции и помимо финансирования большевиков. Так, в частности, в 1915 году он был посредником в переговорах между американскими производителями вооружений и последним министром финансов царского правительства **П. Л. Барком**. (Который, в свою очередь, лоббировал открытие первого в России американского банка — **Нэшнл Сити бэнк**[42].)

В число содиректоров «**Ниа Банкен**» входили видные члены шведских кооперативов и шведские социалисты, включая **Г. В. Даля, К. Г. Рослинга** и **К. Герхарда Магнуссона**. В 1918 году из-за финансовых операций в пользу Германии «Ниа Банкен» попал в черный список союзников и сменил свое название на «**Свенск Экономиболагет**», Ашберг при этом сохранил контроль. В число деловых партнеров Ашберга входили, в частности, такие лица, как **Л. Б. Красин**, до революции бывший русским управляющим фирмы **«Сименс и Шуккерт»** в Петрограде, а в большевистской партии курировавший вопросы финансирования ее деятельности, а также уже упомянутый выше Фюрстенберг. Полезно упомянуть, что после революции Красин стал первым наркомом внешней торговли в советском правительстве. Именно банк Ашберга был одним из последних промежуточных звеньев в связи между международными банкирами и большевиками. В него деньги банкиров переводились через посредство германских банков **«Дисконт-Гезельшафт»** и **«М. М. Варбург»**. (Кстати, по мнению **А. И. Солженицына**, при работе над эпопеей «Красное колесо» изучившего множество документов, именно в Стокгольме состоялась последняя встреча Ленина и Парвуса перед окончательным возвращением лидеров большевиков в Россию.) Связи с «Ниа-банкен» курировались еще одной фирмой под началом Ганецкого — «Трей-

динг энд экспорт компани», которая официально занималась поставками в Россию датских товаров.

Основываясь на документах, Саттон и Катков указывают, что между «большевицким банкиром» Олофом Ашбергом и контролируемой Морганом нью-йоркской компанией «**Гаранти Траст**» существовала «непрерывная рабочая связь», причем как до и во время революции, так и в первые годы после нее (Саттон. С. 203). «В царские времена Ашберг был агентом Моргана в России и вел переговоры о русских займах в США; в 1917 году он был финансовым посредником революционеров, а после революции стал организатором и президентом Российского коммерческого банка — первого советского международного банка». В то же время **Макс Мэй**, вице-президент контролируемой Морганом **«Гаранти Траст»**, стал директором оного и шефом его иностранного отдела (Саттон. С. 204). При этом существуют никем не опровергнутые **документальные доказательства** перевода средств от банкиров Уолл-стрит для международной революционной деятельности. Саттон упоминает о «заявлении (подтвержденном телеграммой) **Уильяма Б. Томпсона**, директора Федерального резервного банка Нью-Йорка, крупного акционера контролируемого Рокфеллером **«Чейз Бэнк»** и финансового коллеги Гугенгеймов и Морганов, что он (Томпсон) дал на большевицкую революцию миллион долларов для ведения пропаганды. Саттон приводит также и другие свидетельства, в частности о финансировании банкирами Уолл-стрит известного американского журналиста **Джона Рида**, создавшего апологию большевистской революции в своей известной книге «Десять дней, которые потрясли мир». Поддержка большевистского режима международными финансистами продолжалась и после революции, уже в советское время.

Начальник контрразведки Временного правительства **полковник Б. В. Никитин** оставил интереснейшие воспоминания[43], также проливающие свет на историю финансирования большевиков международными банки-

рами через посредство Германии. Так, с помощью союзников, заинтересованных в продолжении Россией войны с немцами и поэтому на тот момент противостоявших продвижению сюда германского влияния, ведомству во главе с Никитиным удалось заполучить телеграммы, посланные из Стокгольма в Петроград и обратно, касающиеся финансирования большевиков, текст в которых весьма поверхностным образом зашифрован путем использования довольно прозрачных эвфемизмов.

Как указывается в Приложении 1 к книге Никитина, «данный массив документов хранится в бумагах Российского паспортно-контрольного бюро в Копенгагене, входящих в состав коллекции российского военного атташе в Дании **генерала С. Н. Потоцкого,** в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Пало Алто, США)». Часть этих материалов (69 телеграмм) была впервые опубликована в книге американского историка **Ляндреса**, однако это издание остается практически недоступным для российских читателей. Первым из отечественных исследователей телеграммы в коллекции Потоцкого независимо обнаружил петербургский историк **К. М. Александров**[44]. Библиография вопроса со всеми ссылками содержится в упомянутом издании книги Никитина на с. 305. Там же на с. 301–304 читатель может найти все необходимые пояснения по поводу разночтений в разных переводах и истории обретения и публикации данных материалов. Сами упомянутые телеграммы опубликованы там же, в приложениях 1 и 2.

По словам Никитина, этими телеграммами обменивались Ленин, Фюрстенберг-Ганецкий, **Александра Коллонтай, Е. М. Суменсон** («дама полусвета», двоюродная сестра Ганецкого, занимавшаяся обналом на территории Финляндии) и еще ряд лиц. Формальным предлогом для обнала крупных денежных сумм было наличие у Суменсон некой сети аптек (деньги якобы требовались для закупки лекарств). В ходе следствия выяснилось, что никакой сети аптек у нее не было. Только в так на-

Александра Коллонтай, революционерка, сподвижница Ленина. Одна из участниц «обнала» «немецких» денег

зываемом Сибирском банке она сняла со счета 800 тысяч рублей, причем на счету оставалось еще 150 тысяч. Деньги эти переводились Фюрстенбергом из Стокгольма через «Ниа-банкен», куда они приходили из Германии через «Дисконто-Гезельшафт-банк». Это то, что удалось установить российской контрразведке при помощи союзников. Бывший товарищ министра внутренних дел **Белецкий**, находясь после Октябрьского переворота в заключении в Петропавловской крепости, сообщил посетившему его американскому журналисту **Ротштейну**, что Суменсон, проживавшая временами в Стокгольме, якобы давно уже была немецким агентом, будучи завербованной еще в мирное время. Проверить это с полной достоверностью невозможно, поскольку многие архивы российских спецслужб были уничтожены уже после Февраля и тем более после Октября (Мельгунов. С. 593–594).

Понимая, что глава Временного правительства Керенский не даст довести дело до суда, Никитин и дру-

гие контрразведчики допустили утечку в прессу сведений о финансовых связях большевиков с немцами, что, в частности, спровоцировало так называемые июльские события, когда большевики в первый раз попытались захватить власть силовым путем.

Одним из тех, кто взял на себя засветку в прессе связей большевиков с немцами, был журналист **Г. А. Алексинский**, который действовал с подачи тогдашнего прокурора судебной палаты и министра юстиции Временного правительства **П. Н. Переверзева,** сменившего на этом посту самого Керенского, ставшего премьером. Переверзев и Алексинский привлекли к публикации известного репортера-разоблачителя **Владимира Бурцева**, который и обнародовал полученные материалы о связях большевиков с немцами в своей газете «Общее дело». Там же был опубликован и список 196 эмигрантов, вернувшихся через Германию вместе с Лениным. Впоследствии Керенский обвинял контрразведчиков и журналистов в преждевременных действиях, что, по его мнению, якобы не позволило взять Ганецкого и К° с поличным, с полным набором убедительных для суда доказательств их вины и измены. Реакция «временных» — Керенского, Некрасова, Терещенко была более чем показательной: газета Бурцева была закрыта, а Переверзев отправлен в отставку!

Владимир Львович Бурцев. Репортер, автор статей, разоблачавших связи большевиков с немцами. До этого прославился разоблачениями сотрудников Охранного отделения

Арестованная во время июльских событий Суменсон на допросе чистосердечно призналась в том, что имела приказание от Ганецкого выдавать деньги члену исполкома Петросовета, видному большевику **М. Ю. Козловскому**, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек следовало, что некоторые из таких единовременных выплат доходили до ста тысяч рублей[45].

На допросах в контрразведке сам Козловский показал, что он вместе с Суменсон и Ганецким во время войны занимался контрабандным ввозом в Россию различных товаров, в том числе медикаментов и предметов дамского туалета. Некоторые исследователи утверждают, что Суменсон призналась даже в прямых связях с самим Парвусом. Об этом упоминается, в частности, в известном документальном фильме Елены Чавчавадзе «Ленин», вышедшем на экраны к столетнему юбилею революции, в 2017 году.

Карл Бернгардович Радек (Кароль Собельсон). Один из ближайших сподвижников Ленина. Сыграл крайне важную роль в организации приезда его группы в Россию через территорию Германии

После начала следствия Ленин выступил с известным заявлением, в котором назвал происходящее «российским делом Дрейфуса»[46], «западней, приготовленной для него и большевиков контрреволюционерами и их пособниками», при этом начисто отрицая наличие у него каких-либо контактов с Козловским[47].

Поскольку после июльских событий последний был также арестован и существовала возможность того,

что и он начнет давать правдивые показания, изобличающие лидеров большевиков, Фюрстенберг и **Карл Радек** (сыгравший крайне значимую роль при возвращении группы Ленина в Россию) решили (видимо, по согласованию с самим Лениным) нанести своего рода информационный контрудар, выдав часть правды, и в информационном бюллетене «Русская корреспонденция "Правды"», издававшемся в Стокгольме на немецком языке, опубликовали 31 июля статью, в которой охарактеризовали Фюрстенберга как одного из деловых партнеров Гельфанда-Парвуса. (Что, как мы видели, соответствовало действительности.) При этом они сделали поразительное признание, согласно которому Фюрстенберг за счет доходов от своего бизнеса финансировал Социал-демократическую партию Литвы и Польши (в то время оккупированной немцами). Таким образом, в случае если бы Козловский стал давать признательные показания, они могли бы утверждать, что деньги, переводившиеся Козловскому из Скандинавии, тратились для борьбы социал-демократов Литвы и Польши против немецкой оккупации. Однако этот ловкий ход оказался излишним. Во-первых, Керенский всячески тормозил расследование. Во-вторых, дальнейшее стремительное развитие революции опередило неторопливый ход следствия, и вскоре бывшие обвиняемые стали частью новой власти, а те, кто работал против них, оказались преследуемыми представителями старого общества.

Крайне ценный вклад в изучение темы внес русский историк **С. П. Мельгунов**[49], который суммировал и систематизировал всю доступную к тому времени информацию по теме. Среди сообщенных им сенсационных сведений есть, например, упоминание о неформальном признании будущего главного большевистского историка **М. Н. Покровского** (бывшего однокурсником Мельгунова по университету) о том, что «деньги дали немецкие социал-демократы на общие революционные цели». Это высказывание Покровского было Мельгуновым

запротоколировано и содержалось в его архиве. К сожалению, после выезда Мельгунова в эмиграцию его архив попал в распоряжение советских «архивистов» и был подчищен в «правильном» направлении. Об этом упоминает, в частности, доктор исторических наук **Ю. Н. Емельянов** в предисловии к упомянутому изданию книги Никитина (С. 29).

Мельгунов приводит также сенсационное признание одного из лидеров немецкой социал-демократии **Э. Бернштейна**, сделанное им в статье в немецкой газете 14 января 1921 года. Бернштейн утверждает, что, по его данным, Ленин со товарищи получили «от немцев» свыше 50 млн марок. Понятно, что, как мы показали выше, отнюдь не Германия, ведшая войну на два фронта и не имевшая в таком количестве свободных денег, была источником этих сумм, будучи лишь заинтересованным посредником.

Фальшивка-«громоотвод»

Теперь следует дать необходимые пояснения о так называемых **«документах Сиссона»**, которые большинством историков, в том числе и современных, считаются подделкой. В начале 1918 года **Эдгар Сиссон**, представитель в Петрограде от Комитета США по общественной информации, приобрел массив неких русских документов, якобы доказывавших теснейшую агентурную связь с Германией Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров. Эти документы изобиловали грубыми ошибками, как будто специально сделанными, чтобы сразу вызвать сомнения в их подлинности. (Например, английская транскрипция в немецких словах, использование дат по старому летоисчислению, что практиковалось только в дореволюционной России, но никак не в Европе, именование Петрограда по-старому Петербургом, именование правительства России Советом народных комиссаров в якобы немецком документе от 25 октября 1917 года, когда ника-

кого СНК еще не было, и т.п.) При этом в них упоминались подлинные имена, названия компаний и другие факты, установленные исследователями на основании других источников. (Что свидетельствовало об очень хорошей информированности того, кто их изготовил. Саттон в связи с этим прямо говорит о «доступе к необычайно надежной информации». — С. 43.) Судя по всему, эта ловкая фальшивка преследовала сразу несколько целей. Во-первых, в «документах Сиссона» главный упор нарочито делался на связь большевиков с Германией и тщательно обходились стороной международные банкиры, главным образом из США. Во-вторых, та легкость, с которой фальшивка была изобличена, была по полной программе использована большевистской и «сочувствующей» социалистической пропагандой для того, чтобы развернуть бурную кампанию по изобличению «клеветы со стороны контрреволюционеров». Этим пользуются необольшевики и сегодня. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с очень ловким и профессиональным контрпропагандистским ходом, которому вполне могут позавидовать и современные нам мастера информационных войн. Косвенным подтверждением данной весьма вероятной гипотезы является то, что документы попали к Сиссону от **Александра Гомберга** (он же Берг, настоящее имя — Михаил Крузенберг), большевистского агента в Скандинавии (Саттон. С. 43–44). Кстати, теперь уже известно, что этот Гомберг был не просто «большевистским агентом», но еще и... литературным агентом самого Троцкого во время пребывания того в США[50].

Следует отметить, что в подлинность «документов Сиссона» не верили даже убежденные противники большевиков, такие как, скажем, Мельгунов, Бурцев или даже сам Керенский. Среди меньшинства историков, которые все же придерживались противоположного мнения, есть довольно громкие имена, например, **Д. А. Волкогонов**, в целом во многом пребывавший в плену либеральных стереотипов, или сотрудник

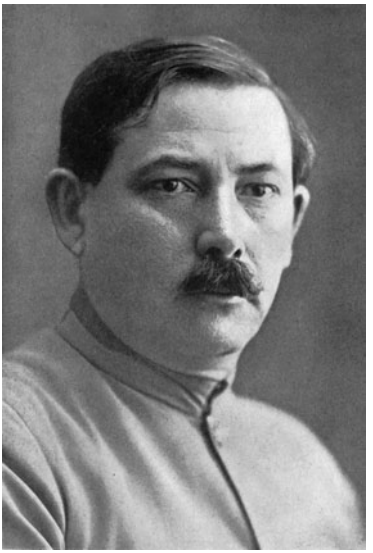
Центрального архива Института марксизма-ленинизма **А. Г. Латышев**.

Существует, так сказать, промежуточная точка зрения, согласно которой среди «документов Сиссона» есть как подлинные, так и поддельные. Ее придерживается, в частности, известный писатель, соавтор ряда книг Елены Чавчавадзе **Валерий Шамбаров**. В своей книге «Пятая колонна и Николай II» он развивает конспирологическую версию[51] о том, что эти документы были якобы похищены из некоего архива Смольного. Автор прямо называет Сиссона американским разведчиком, который был послан в Петроград с ведома самого президента Вильсона. При этом Шамбаров непосредственно перед этим говорит, что американцы стремились навести «будущих историков» на германский след, дабы замаскировать свое участие в финансировании большевистской революции. (Что само по себе не лишено немалого резона.) Сиссон, по словам писателя, якобы искал компромат на большевиков, поскольку относился к ним враждебно. Весь этот детектив выглядит не вполне серьезно. Если Сиссон был офицером разведки, да еще действовал чуть ли не с ведома самого президента, то его личные пристрастия не могли иметь никакого значения. Ведь перед нами — человек системы, причем довольно жесткой! Версия о похищении части документов из архива Смольного окончательно запутывает все дело. Выходит, что большевики запросто держали в своей главной резиденции реальный компромат на самих себя, вместо того чтобы сразу уничтожать те компрометирующие документы, которыми располагали сами!

Вместо всего этого детектива, опуская всякие подробности, логичнее придерживаться наиболее убедительной версии, изложенной у нас выше: **перед нами фальшивка, специально изготовленная с использованием реальных фактов**. Засветка якобы реального компромата была продуманной комбинацией, чтобы после более чем вероятного разоблачения отвести от лидеров партии все

подозрения в том, что сейчас назвали бы политической коррупцией. Вполне вероятное наличие среди всего массива этих бумаг подлинных документов вовсе не опровергает, но лишь подтверждает данную версию[52].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в более ранней книге «Нашествие чужих» Шамбаров просто подтверждает совершенно правильную, приведенную выше версию о том, что цель авторов фальшивки (которыми, скорее всего, были сами американцы) заключалась в том, чтобы «выпятить германский след и, соответственно, затереть американо-британский»[53].



Михаил Маркович Грузенберг (Бородин)

После революции большевики (прежде всего Ленин и Троцкий) начали активно (и весьма эффективно!) заметать следы. Так, в июле 1918 года, по личному указанию Ленина, Троцкий направил для этой цели в Швецию некоего **Михаила Грузенберга (Бородина)**, бывшего бундовца, вступившего в большевистскую партию еще в далеком 1903 году, также «русского» американца, который основал в Чикаго школу политэмигрантов, а затем стал одним из руководителей компартии США. Хотя фамилия этого деятеля созвучна Гомбергу-Крузенбергу, по всем данным выходит, что это два разных человека. Известные биографии Грузенберга-Бородина сообщают, что «*он был направлен Троцким в Швецию для урегулирования вопросов, связанных с финансированием партии большевиков*». То есть конкретно речь шла просто ***об уничтожении соответствующих банковских документов***. Через каких-нибудь полгода, в ян-

варе 1919 года, практически сразу же после поражения Германии в войне, он, вместе с другими известными большевиками — **В. В. Воровским, М. М. Литвиновым, А.А. Богдановым, А. Л. Штейнманн** и английским агентом МИ-5 **Артуром Рэнсомом**, был выслан из страны. Параллельно, в июле же 1918 года, в России был убит германский посол **Мирбах**, слишком много знавший о преступных связях Ленина с германскими властями во время войны. Исполнитель «акта» высокопоставленный сотрудник ВЧК эсер **Блюмкин** (написавший тогда же специальное письмо для оправдания своих действий) после этого не только не пострадал, но вплоть до 1929 года продолжал свою «службу» в органах, отстраивая чекистские резидентуры в разных странах мира. (Что наглядно свидетельствует: убийство им германского посла никак не расходилось с планами большевистских вождей[54].)

Прежде чем перейти к заключению, необходимо затронуть еще одну проблему, в последнее время все больше занимающую внимание исследователей. Некоторые из тех, кто пишет о революции с неосоветских позиций, используют в качестве пропагандистского штампа тезис о том, что «большевики преодолели негативные последствия Февральской революции, заново собрав Россию», и т. д. Тезис о «собирании» решительно опровергается исследованием национальной политики большевиков как до революции, так и после нее, чему у нас посвящена отдельная глава. Но в данном случае главным для нас является все же другое. Организация и подготовка обеих революций, а также их финансирование шло, в конечном счете, из единого центра. Сами революционеры могли сколько угодно враждовать между собой (февралисты и социалисты, эсеры и эсдеки, большевики и прочие социалисты и т.д.). Но все их действия подчинялись единому плану.

При этом, как справедливо указывает П. В. Мультатули, говоря об участии Запада в свержении монархии в России, было бы неправильно представлять его как

результат деятельности национальных правительств Англии, Франции и США. Представители этих правительств защищали в первую очередь не интересы своих стран, а интересы межнациональных финансовых групп и тайных сообществ[55]. «На наш взгляд, — продолжает исследователь, — разница между революцией "Керенского" и революцией "Ленина" заключается в масштабе деятельности, но не в главной стратегической цели. Большевики, несмотря на всю свою антибуржуазную патетику, **лишь углубили и дисциплинировали революцию "февралистов".** Нет сомнений в том, что и Февральская и Октябрьская революции были разработаны и осуществлены под незримым руководством мировой закулисы»[56].

По словам П. И. Новгородцева, «кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине... Система бесхитростного непротивления злу, примененная кн. Львовым в качестве системы управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о "сказке революции" и благе государства, а у Ленина — в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех, неугодных властвующим»[57].

Сейчас уже доказано, что и «временное правительство регулярно финансировалось американскими банкирами. При этом примечательно то обстоятельство, что эти банкиры предпочитали оплачивать преимущественно эсеров и меньшевиков, являвшихся социалистами, а не, к примеру, буржуазно-демократических кадетов. Американские финансисты революции исходили из того, что левые элементы быстрее разрушат Россию, чем их умеренные союзники.

13 ноября 1918 года в Государственном департаменте США был подготовлен **доклад "Большевизм и иудаизм"**. В этом докладе указывалось на прямую роль, которую

сыграли ведущие еврейские банкирские дома Америки в организации русской революции. В докладе говорилось, что революция была задумана в феврале 1916 года и было установлено, что в ней приняли участие следующие банкиры: **Якоб Шифф, Отто Х. Канн, Мортимер Шифф, Макс Брейтунг** и другие... **Ленин, Троцкий и другие большевики получали деньги от тех же американских и американо-еврейских банкиров, в частности от того же Якоба Шиффа, который финансировал Керенского**»[58].

Хотя главным объектом финансирования со стороны «Бродвейской группы» были, как мы указали, социалистические партии, все же в определенной степени не миновали этой благой участи и некоторые российские политики, не имевшие прямого отношения к социалистам, в частности лидер кадетов Павел Милюков. Последний был давно связан с Бродвейской группой (через Чарльза Крейна). Именно по приглашению Крейна Милюков неоднократно посещал США в 1903-1906 годах. В разгар революционной смуты в России Крейн организовал Милюкову «триумфальное шествие» по США, где тот прочел серию лекций.

В 1916 году связи Милюкова с американскими финансовыми олигархами были дополнены контактами с представителями «Круглого стола». Лидер Прогрессивного блока во время поездки в Лондон напрямую получал «*указания от масонского центра с обещанием моральной поддержки в борьбе с правительством*»[59].

Имеются веские основания полагать, что с «Круглым столом» был связан и А. И. Гучков, который был членом т. н. Русско-английского общества, фактического филиала английских спецслужб.

Существенную финансовую поддержку кадетской партии оказывало **банкирское семейство Каменка,** тесно связанное как с Гучковым, так и с английскими промышленными кругами. Б. А. Каменка состоял председателем Азовско-Донского банка, членом русско-английской торговой палаты, а заодно и членом страхового общества

«Россия», главой наблюдательного совета которого являлся А. И. Гучков[60].

Подлинные цели «Фининтерна»

В течение достаточно длительного времени все скандальное обсуждение государственной измены большевиков, совершенной во время войны, их сотрудничества с врагом и совместной с ним подрывной деятельности против своей воюющей Родины в то время и позднее свелось преимущественно к наличию или отсутствию «немецкого следа». Нити, ведущие от немцев за океан, в американские банки, к главному источнику мировых денег, попали во внимание исследователей лишь в 70–80-е годы прошлого века, когда события революции в России стали уже достоянием глубокой истории.

Приведем вывод Энтони Саттона, который, придерживаясь умеренно левых, по сути либеральных воззрений, был честным исследователем, чей аналитический взгляд не был зашорен идеологическими клише и пропагандистским штампами. «*Мы предполагаем*, — говорит он, — *что* ***большевицкая революция была союзом*** *...* ***политиков-революционеров и политиков-финансистов*** *... Финансисты не имели идеологии. Они имели лишь один мотив — власть и потому помогали любому политическому инструменту, который обеспечивал бы им доступ к власти*»[61]. При этом целенаправленная работа хозяев денег именно против России объяснялась, по его мнению, тем, что именно в ней банкиры видели реального конкурента, угрозу своим претензиям на общемировую монополию, в которой деньги и власть сливались воедино. Исследователь напоминает, что международные банкиры финансировали отнюдь не только большевиков, но (позднее) также **фашистов Муссолини и нацистов Гитлера**, война с которым истощала Россию уже в советское время, при том что наша страна и без того была ранее

подвергнута небывалому разграблению во время Гражданской войны и «военного коммунизма».

Уже в начале прошлого, XX века, по словам Саттона, был разработан и начал осуществляться так называемый **план «Марбург»**. Финансирование его осуществлялось целым рядом крупных финансовых компаний, в частности из обширного наследства **Эндрю Карнеги**. (В 1910 году Карнеги пожертвовал 10 млн долларов на основание Фонда Карнеги «для международного мира».) «***Правительства всех стран, по плану "Марбург", должны быть социализированы, тогда как конечная власть будет оставаться в руках международных финансистов "для контроля за советами и принудительного управления миром и, таким образом, создания политического средства от всех политических болезней человечества"***»[62]. Прямо пламенный привет от Клауса Шваба!

Сейчас уже, в общем, ни для кого не секрет, что с начала XX века международные банкиры активно финансировали как ультралевые, так и ультраправые движения, что продолжается до сих пор. «*Тогда у большевиков и банкиров была... существенная общая платформа — интернационализм,* — продолжает Саттон. — ***Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть… Банковское сообщество меньше всего хочет свободной экономики и децентрализованной власти***» (С. 212).

Согласно выводу исследователя, международные банкиры, которые финансировали большевиков и других левых в России, руководствовались отнюдь не идеологическими соображениями. Их целью был в первую очередь ***захват рынков***, прежде всего русского рынка, и монопольный контроль над ними. Саттон упоминает о книге **Джона Д. Рокфеллера «Вторая американская революция»**, на титульном листе которой красовалась пятиконечная звезда. Эта книга содержала «***голословный призыв к гуманизму» и коллективизму***. Однако ни са-

ми Рокфеллеры, ни другие кланы мировой «элиты», естественно, не передали свою собственность другим. «"*Общественное благо" использовалось и используется сегодня в качестве средства и предлога для самовозвеличивания избранного круга, который призывает к миру во всем мире и к человеческой порядочности*». Рассмотрение всемирной истории в марксистских терминах борьбы между капитализмом и социализмом не в состоянии приблизить нас к пониманию этой реальности — «альянса между международными финансами и интернационалистической революцией» (С. 214). Ибо сама борьба «двух систем» была во многом проектом «Фининтерна» ради упрочения собственной глобальной власти над миром[63].

Захватив власть политическую, большевики попытались решить следующую насущную задачу – установить контроль над российскими финансами. Сразу это сделать не удалось. Поначалу в Казначействе и Госбанке курьерам отвечали, что они не представляют законное правительство, и те возвращались ни с чем. Последующие же попытки взять нужные суммы силой в печати интерпретировались как простой грабеж.

14 декабря 1917 года был выпущен декрет ВЦИК о национализации частных банков. Все банковское дело объявлялось государственной монополией. Как напоминает В. Шамбаров, исключение было сделано лишь для двух банков – «Нэшнл Сити бэнк» и «Лионский кредит»[64]. Революционеры «своих» банкиров не трогали.

В число «большевистских банкиров» вошли **Дмитрий Рубинштейн и Абрам Животовский**. В синдикат с Животовским, родственником Троцкого и Каменева, входили: Денисов из бывшего «Сибирского банка», Каменка из «Азовско-Донского банка» и Давидов из «Банка для внешней торговли». А еще: Григорий Лессин, Штифтер, Яков Берлин и их агент Исидор Кон[65].

Достаточно известным и освещенным в литературе вопросом является ***«возврат долгов» большевиками своим кредиторам*** вскоре после прихода к власти. Отвечал

за эти сверхсекретные операции, в частности, уполномоченный Политбюро ЦК РКП(б) по золотовалютным операциям за границей **Максим Литвинов**, будущий нарком по иностранным делам, который в бытность свою еще молодым революционером проявил себя как активный участник так называемых «экспроприаций», то есть, попросту говоря, грабежей для нужд партии, которые он осуществлял вместе с **Камо (С. А. Тер-Петросяном)**. В этих золотовалютных операциях участвовал также и упомянутый выше Красин, будущий нарком внешней торговли, и ряд других «ответственных товарищей». Выступая в апреле 1928 года в Москве на 3-й сессии ЦИК, Литвинов признал[66]: «*В 1921 году я состоял главным уполномоченным СНК по валютным операциям и по реализации нашего золота за границей. Я находился в Ревеле, и через мои руки прошло* ***несколько сот миллионов рублей нашего золота****, проданного мною за границу. Бóльшая часть этого золота была продана мною непосредственно или через разных посредников крупным французским фирмам, которые это золото переплавляли не то во Франции, не то в Швейцарии, откуда это золото находило* ***свое последнее убежище в кладовых американского резервного банка***». (То есть Литвинов, по сути, вполне официально признавал, что ФРС формировалась в значительной степени за счет золота Царской России, вывезенного им за рубеж по заданию своей партии.) По подсчетам **А. Г. Мосякина**[67], за 10 месяцев 1921 года из Советской России на Запад было вывезено золота на сумму 485,3 млн руб. (375,7 т), из них только четверть израсходовали на закупки зерна, паровозов, снаряжения для Красной армии и пр., а основная масса золота поначалу просто легла на секретные партийные счета в западных банках. К началу 1922 года свободные от обязательств золотовалютные резервы РСФСР, с учетом румынского золота, составляли всего лишь 107,7 млн руб. (83,5 т). В то же время золотые запасы США увеличились[68] **от 1,9 млрд в 1913** году до рекордных **4 млрд в 1927-м**. «Нью-

Йорк Таймс» того времени выносит на первую полосу[69] заголовок «Золотой потоп в Пробирной палате» и сообщает: «В результате непрерывного потока золота со всех краев земли сейфы правительственной Пробирной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах, в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации...»[70]

Максим Максимович Литвинов (Меер-Генох Моисеевич Валлах). Наркоминдел в советском правительстве (1930–1939), посол в США (1941–1943). Курировал вывоз за рубеж золотых слитков и других ценностей вскоре после прихода большевиков к власти

Понятно, что, так сказать, в официальном формате Литвинов говорит о «продаже» золота, в то время как в действительности это была более или менее замаскированная расплата с «кредиторами» революции. Процесс берет свое начало в 1920 году, когда 22 марта он был назначен на свою должность. Вывоз царского золота из России осуществлялся через формально негосударственную кооперативную торговую организацию «Центросоюз», в обход золотой блокады Антанты, зафрахтованными торговыми судами из портов Ревеля (Таллина) и Риги, в Стокгольм и в Христианию (Осло). В Стокгольм поступали как разнообразные конфискованные драгоценности (продаваемые ювелирам и оценщикам), так и золотые монеты и банковские слитки, которые формально покупались шведскими банками Svenska Ekonomi aktie-bolaget (Шведское экономическое акционерное общество, ШЭАО) и N.P. Kjell &

Kompaniet («Н. П. Шелль и К°»), потом по заказу этих банков переплавлялись на шведском монетном дворе, клеймились как шведские слитки, продавались на Стокгольмской бирже и перепродавались далее на других биржах Европы (как якобы шведское золото). В Христианию (Осло) поступали только золотые монеты (в Норвегии не было возможности переплавлять слитки и ставить на них новые клейма). Вырученные при продаже деньги поступали на счета «Центросоюза» и созданной Литвиновым «Норвежско-русской торговой компании» в шведских и норвежских банках, затем использовались для закупок и переводов в другие банки. Как видим, в обратном направлении финансово-золотые потоки текли, в общем, по тому же пути, по которому ранее осуществлялось финансирование революции в России.

В качестве предлога для «возврата» финансовых средств и ценностей использовались и другие «торговые» операции. Например, широко известна так называемая «паровозная афера»[71] (которую, как и продажу, по сути — разграбление церковных ценностей, курировал Троцкий). Об этом подробно пишет, в частности, автор, на которого мы уже не раз ссылались, — профессор В. Ю. Катасонов[72], а также не раз упомянутые нами В. Шамбаров и Е. Чавчавадзе.

«*В начале 1920 года, в то самое время, когда Антанта допустила торговлю с Советской Россией, Троцкий, сохранив за собой посты наркома по военным и морским делам, был вдруг назначен еще и наркомом путей сообщения. Выдвижение Льва Давидовича на эту должность многие восприняли однозначно — как попытку подтянуть на транспорте жесткую дисциплину*»[73]. Однако никакой популярностью он у железнодорожников не пользовался. Они ненавидели его как чужака, а также за его непередаваемый стиль руководства, связанный с гипертрофированной жестокостью и бессудными расстрелами, которыми так любили пробавляться чекисты, приведенные им сюда из военного ведомства.

Юрий Владимирович Ломоносов. Инженер, конструктор паровозов. В дни Февральской революции служил в Инженерном управлении Министерства путей сообщения и обеспечил поворот царского поезда на Псков, что сыграло ключевую роль в так называемом отречении Царя. Впоследствии — торговый представитель в США как при Временном правительстве, так и в начале большевистского правления. Курировал «паровозную сделку»

В действительности главной целью назначения Троцкого как раз и была «паровозная сделка» (он ушел с этой должности вскоре после ее завершения). «Демон революции» привлек к работе некоего **Юрия Владимировича Ломоносова** — талантливого инженера, конструктора паровозов, который, помимо этого, состоял в Боевой

технической группе ЦК РСДРП у Красина. В дни Февральской революции он служил в Инженерном управлении Министерства путей сообщения и обеспечил поворот царского поезда на Псков, сыграв, по сути, ключевую роль в пресловутой «охоте на Монарха». Также руководил публикацией «актов об отречении» Царя Николая Александровича и его брата Михаила. Затем стал торговым представителем в США как при Временном правительстве, так и при сменивших его большевиках.

Этот Ломоносов был допущен ко многим ключевым секретам большевиков. Многие историки, занимающиеся темой Троцкого, уверены, что этот привлеченный им «буржуазный специалист» был тесно связан со Львом Давидовичем по масонской линии. Ссылаясь на «паровозный голод» в России (что было неудивительно ввиду разрухи после революции и Гражданской войны), вместо логичных в таком случае попыток возродить собственную промышленность Ломоносов стал главным идеологом и модератором крупного заказа на производство паровозов в Германии, Швеции и Эстонии. Последний был якобы связан с их ремонтом. По сути, заказ был во многом фиктивным. Изготовить за столь короткий срок такое количество паровозов было невозможно технически. Надо ли специально упоминать, что после «неожиданного» одобрения проекта большевистским правительством была осуществлена стопроцентная предоплата золотом, в которой в качестве посредника вновь активнейшим образом участвовал хорошо известный нам по предыдущему изложению банкир **Олоф Ашберг**[74].

По итоговым подсчетам профессора В. Ю. Катасонова, общее количество золота, вывезенного большевиками из России в период 1918–1922 гг., доходит до 1000 тонн, то есть составляет более половины всего золотого запаса Империи![75]

Комментируя все эти сюжеты, связанные с вывозом огромного количества золота из Советской России в первые годы большевистского правления, Р. Спенс замечает:

«Можно сказать, что русская революция сопровождалась самым грандиозным хищением в истории. Миллионы и миллионы долларов в золоте и других ценностях исчезли. Другие деньги и средства были тайно перемещены из одних мест в другие»[76]. При этом исследователь подчеркивает, что подобного рода глобальные финансовые операции были бы невозможны без участия таких темных личностей, как, например, **Сидней Рейли** или **Джулиус Хаммер**, чья связь со спецслужбами несомненна.

Подводя итог массовому «исходу» золота из России в Америку, **New York Times Tribune** писала, глядя в самый корень процесса: «Похоже, что ***происходящая в России революция является на самом деле гигантской финансовой операцией***, цель которой — ***переместить огромные денежные средства из-под русского контроля под контроль европейских и американских банков***. **Истинная причина подобных действий, видимо, известна только в Кремле** (о да! — *В. С.*), но уже сейчас можно сказать определенно: какие бы воинственные речи о мировой революции и неизбежности крушения капитализма ни произносились мистером Лениным и К°, они, возможно, сами того не сознавая (а вот это спорно — *В. С.*), **делают все, чтобы на долгие годы обеспечить процветание и стремительный рост нашей экономики и стабильности доллара**»[77]. «Мы на горе всем буржуям...»

Лишь при Сталине для восполнения этого ущерба золотодобыча в СССР начинает наращиваться с использованием рабского, по сути — дармового труда заключенных. Колымская эпопея — совершенно отдельная история, исследование которой далеко не входит в нашу задачу.

Наряду с золотом, большевики, еще в период правления Ленина, вывозили из России также и множество других ценностей. Ограбление Эрмитажа, сокровища которого часто просто расхищались, а другие продавались за бесценок, началось уже в начале 1920-х годов и еще раньше. Одновременно точно так же уходили за рубеж бес-

ценные коллекции бриллиантов, высокохудожественных изделий из золота с использованием и других драгоценных камней, хранившиеся в Оружейной палате и **специально созданном для распродажи алмазов, бриллиантов и прочего** Алмазном фонде Кремля. «Проклятые капиталисты», борьба с которыми, составляла, по словам большевиков, главный смысл их жизни, сказочно обогатились в это время. Западно-европейские и американские аукционные дома продавали полученные по дешевке российские ценности с немыслимой прибылью, после чего те оседали в частных коллекциях. Среди известных всему миру интересантов процесса укажем лишь будущего главного союзника СССР и президента США **Франклина Рузвельта**, тесно связанного с небезызвестным спекулянтом и скупщиком краденого **Армандом Хаммером** — личным знакомцем Ленина[78]. Сюда же следует отнести разграбление и распродажу церковных ценностей, о чем пишем в отдельной главе.

Целый ряд других подробностей и связанных с данной темой сюжетов остается за рамками нашего краткого изложения.

При всем том, что в изложенной выше позиции американских исследователей все основано на строгих фактах, для нас очевидно, что финансовая выгода не была единственной целью закулисы. Эта сторона дела была неразрывно связана с более глобальными проблемами. Победа России в войне означала невозможность построения Нового мирового порядка. В этом случае все планы закулисы оказывались нереализуемы, поскольку главный приз доставался «удерживающей» державе, бывшей главным оплотом истинного христианства в мире. В случае победы России закулиса теряла рычаги воздействия на царское правительство; точнее, рычаги-то оставались, но полностью теряли свою эффективность. Пришлось бы выполнять взятые на себя обязательства перед императорским правительством о гарантиях территориальных приобретений России, прежде всего тех,

что касались проливов. Царь становился триумфатором поистине в мировом масштабе, с чем никак не могли смириться хозяева денег. Для них возможное объединение мира под властью православного монарха было полным крахом их собственного миропроекта: власть денег, а не власть Христа! «Такое завершение войны не устраивало Д. Ллойд-Джорджа и Я. Шиффа. Война должна была закончиться по их сценарию, и в этом сценарии для России не было места»[79]. Единственным средством предотвратить такой исход для них была революция.

Заключение. Воспоминание о будущем?

Все описанное выше сегодня воспринимается как своего рода воспоминание о будущем. Незримая для большинства, но необычайно упорная злая воля хозяев денег, трансформируя те формы, в которых воплощается их план, продолжает неуклонно преодолевать стоящие на его пути препятствия. «Вторая американская революция» Рокфеллера предстает сегодня как «великая перезагрузка» Жака Аттали и Клауса Шваба. Прямолинейный и грубый военный коммунизм трансформируется в «мягкую силу» нагло-лукавых глобалистских технологий. На место упоенных безнаказанностью фанатиков революционной утопии приходят скучно-обезличенные, похожие на роботов, без устали повторяющие свои обыденные мантры менеджеры Апокалипсиса. И точно так же, как их несоизмеримо более яркие предшественники сто с лишним лет тому назад, они пускают впереди себя дымовую завесу из рассуждений об общем благе. Точно так же предстают они в роли истинных и почему-то не понимаемых упорно неблагодарным большинством благодетелей человечества.

За этими рассуждениями об общем благе и будущем благоденствии (стоит только добровольно (это обязательно!) всем принять их безумно-рациональный план) — все тот же набор сокровенных, глубинных целей: отменить

«эгоизм» владения частной собственностью; все деньги сосредоточить в одном центре; у всех все отобрать и дозированно кормить в обмен на полное послушание; 99 процентов людей уравнять в нищете, полностью лишив свободы и инициативы; покончить с «предрассудками» семьи, Церкви и нации (включая и национальные государства), стерев национальные границы, при этом убедив человечество в том, что полное счастье наконец достигнуто; и, ни минуты не колеблясь, ради этого морока утопии безжалостно пустить под нож непокорное большинство.

И главное — всеобщий, тотальный учет и контроль, сегодня, кажется, уже всерьез реальный благодаря «цифре», небывалому еще недавно развитию электронных и нанотехнологий. Сейчас уже сброшены маски с бесовского лика новой-старой утопии: ради всеобщего счастья и достижения «идеала» можно (и нужно!) попрать Божий замысел о человеке, **с помощью современных биотехнологий выйти за пределы самой человечности**. Теперь-то мы знаем, что такое на самом деле «новый человек», которым бредили авторы многих утопий, — это программируемый биоробот, лишенный богоподобной души и человечного сердца.

В последнее время среди определенной части «патриотов» неосоветской направленности стал популярным взгляд на большевизм как на едва ли не «контрреволюционную» силу, которая якобы преодолела развал, порожденный Февральской революцией, вновь «собрала Россию», возродила Российскую империю в новых, «прогрессивных» формах. Приведенные выше факты убеждают в том, что это не что иное, как **очередная идеологическая химера нашей эпохи, полностью противоположная действительности**. Ибо большевизм (как, впрочем, и другие революционные партии) был политической силой, весьма плотно интегрированной в планы международных банкиров — глобалистов того времени. Сознание «совпатриотов», травмированное катаклизмами послед-

них десятилетий и порабощенное «идеоманией», не в силах сегодня сопротивляться новому напору глобалистов, поскольку с одними богоборческими бесовскими химерами пытается бороться с помощью других, принимая иные личины того же зла за принципиально другие, «добрые» сущности. **Противостоять глобалистам, клянясь именем Ленина, — очень плохая идея**.

Сто с лишним лет тому назад большевики пришли к власти на плечах февралистов и социалистов разных мастей и толков, ведомые ненавистью к исторической, царской России, к ее истории, культуре, религии, всему жизненному укладу. Жизненная органика, наполненная духовным и созидательным смыслом, была принесена в жертву безумной утопии мировой революции, а затем — «построению социализма в отдельно взятой стране». Когда же Россия, с ее инерцией Традиции, стала в очередной раз перемалывать, преодолевать разрушительную утопию и постепенно, хотя и очень трудно, восстанавливать традиционные формы жизни, потомки тех, старых большевиков вновь взорвали нормальное течение жизни ради новой, зеркально отраженной утопии, восхотев теперь уже капитализма в отдельно взятой стране и вхождения в «рай» Запада. Западничество и интернационализм предшественников предстали в новой, трансформированной оболочке.

Но История — весьма ироничная дама, порой не чуждая и сарказма. Хозяева денег, что инспирировали и накачали тех, старых большевиков, теперь придумали новый проект, столь же интернациональный и глобалистский, начали новую революцию. И теперь новые компрадоры, потомки старых предателей, стоят перед лицом суровой реальности: **прежнего капитализма не будет, будет новый мировой порядок, в котором не предусмотрены старые прелести**. Революция продолжается. А для детей и внуков «комиссаров в пыльных шлемах», этих псевдоэлитариев, так ненавидящих собственную страну и ее народ, GAME OVER. История, описав круг, впи-

вается в собственный хвост. В этом хвосте пребывает российская «элитка». Ей надлежит быть съеденной. И это вполне справедливая месть Истории за страдания и гибель великой страны — России, которую мы потеряли.

Что до рая на земле, то его точно не будет. Точнее, будет, но лишь для тех, кто, как персонажи «Матрицы», навсегда утратит свою историческую память. И многие ведь уже почти готовы!

Примечания

[1] См. нашу работу «Всадник в короне. COVID–19 и православная Россия», давшую название небольшой книжке: М.: Политкнига, 2021. https://amin.su/content/kolonka-redaktora/6567/

[2] Об этом см., напр.: *Катасонов В.Ю.* «COVID–19 — начало великой перестройки»: https://www.fondsk.ru/news/2020/12/19/covid-19-nachalo-velikoj-perestrojki-52510.html

[3] См.: *Шамбаров В.Е.* Пятая колонна и Николай II. М.: Алгоритм, 2017. С. 317–319.

[4] См., напр.: *Елисеев Александр.* Гиперкапитализм как апогей глобализации: https://zavtra.ru/blogs/giperkapitalizm_kak_apogej_globalizatcii

[5] Подробности, в том числе анализ статистических данных, см. в кн.: *Барыкин Ю. М.* Красная ложь о великой России. М., 2021. С. 13-93.

[6] Об этом см., напр.: *Еремин Виктор.* Бакунин, Маркс и Ротшильды: https://zavtra.ru/books/eremin_v_n_bakunin_marks_i_rotshil_di

[7] *Бакунин М.А.* Интернационал, Маркс и евреи. Неизвестные работы отца русского анархизма / пер. с фр. М.: Вече, 2008. С. 155.

[8] *Катасонов В.Ю.* Карл Маркс, Ротшильды и механизмы долгового ограбления народа: https://ruskline.ru/analitika/2011/10/21/karl_marks_rotshildy_i_mehanizmy_dolgovogo_ ogrableniya_ naroda#_ftn15

[9] *Саттон Энтони.* Власть доллара. М.: Фери-В, 2003. С. 57.

[10] *Еремин Виктор.* Указ. соч.: https://zavtra.ru/books/eremin_v_n_bakunin_marks_ i_rotshil_di

[11] *Эпперсон Ральф.* Невидимая рука. СПб.: Образование–Культура, 1996. С. 122–133.

[12] *Саттон Энтони.* Указ. соч. С. 56.

[13] Там же. С. 56, 66.

[14] Смолин М.Б. Сто пуль в революцию. М.: ФИВ, 2025. С.26.

[15] *Катасонов В.Ю.* Империализм как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916–2016 годы). М.: ИД «Кислород», 2016. С. 204.

[16] Там же. С. 205.

[17] *Саттон Энтони.* Уолл-Стрит и большевицкая революция. М.: Русская идея, 2005. С.13. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

[18] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Лев Троцкий. Тайны мировой революции. М.: Вече, 2016.

[19] *Spence Richard B.* Wall Street and the Russian Revolution: 1905–1925. Trine Day, 2017. 288 p.

[20] *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Аст, 2012. С. 24–25.

[21] *Нечволодов А.Д.* Император Николай II и евреи. М.: Институт русской цивилизации; Политкнига. 2015, С. 90–91.

[22] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 90–91. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

[23] См.: Архив полковника Хауза / предисл. А. И. Уткина. М.: АСТ, 2004.

[24] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Революция: западня для России. М.: Вече, 2017. С. 240.

[25] *Zeman Z.A.* Germany and Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1958.

[26] *Шамбаров В.Е.* Нашествие чужих. М.: Алгоритм, 2007. С. 35–36.

[27] *Мультатули П.В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. М.; ЕКб.: Фонд «Русский предприниматель», 2008. С. 355.

[28] Указ. соч. С. 347.

[29] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Революция: западня для России. М.: Вече, 2017. С. 212.

[30] *Гулевич А.А.* Царизм и революция. Калифорния, 1962.

[31] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 211.

[32] *Нечволодов А.Д.* Указ. соч.

[33] Подробнее об этом см. в кн.: *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Аст, 2012. С. 18–19.

[34] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов. Под ред. А.Свечина. — М.: Госуд. изд-во, 1924.

[35] *Рид Дуглас.* Спор о Сионе. М.: Витязь, 2000.

[36] *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман... С. 22–23.

[37] *Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006.

[38] Об этом см., напр., в кн.: *Фляйшхауэр Ева Ингеборг.* Русская революция. Ленин и Людендорф (1905–1917). М.: Политическая энциклопедия, 2020.

[39] *Мультатули П.В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. М.; ЕКб.: Фонд «Русский предприниматель», 2008. С. 355.

[40] *Катков Г.М.* Указ. соч. С. 109.

[41] Там же. С. 120.

[42] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Революция... С. 180, 204.

[43] *Никитин Б.В.* Роковые годы. М.: АЙРИС-пресс, 2007.

[44] *Александров К.М.* Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев. 2004. № 1–2.

[45] *Никитин Б.В.* Указ. соч. С. 150.

[46] **Альфред Дрейфус** — французский еврей, офицер французского генерального штаба, обвиненный в шпионаже в пользу Германии. Дело Дрейфуса получило огромный политический резонанс.

[47] *Катков Г.М.* Указ. соч. С. 134.

[48] Подробный разбор всей истории читатель может найти в кн.: *Арутюнов А.А.* Досье Ленина без ретуши. М.: Вече, 1999.

[49] *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. М.: АЙРИС-пресс, 2007. Книга того же автора «Золотой немецкий ключ к большевистской революции», впервые вышедшая в Париже в 1940 году, содержится в приложении к этому изданию.

[50] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 84.

[51] См.: *Шамбаров В.Е.* Пятая колонна и Николай II. М.: Алгоритм, 2017. С. 352–353.

[52] В том же ключе рассуждает и известный исследователь **Юрий Бегунов** в книге «Тайные силы в истории России». (М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 254 и сл.). В ней он усиливает «детективную» составляющую версии о полной подлинности «документов Сиссона», рассказывая о том, как американские разведчики с участием завербованных русских якобы проникли в аппарат Смольного, втерлись там в доверие и в итоге смогли похитить искомые документы. От г-на Бегунова мы узнаем немало новых подробностей. Оказывается (по его мнению), Сиссон выполнял поручение самого президента Вильсона, который озаботился тем, что большевики работают на немцев, изменяя странам Антанты. При переезде советского правительства в Москву (в период

с 27 февраля по 2 марта 1918 года) они, якобы заранее зная, в каких именно ящиках хранятся нужные им документы, убедили матросов, охранявших эти ящики, что в них на самом деле находится золото, и те разбили ящики прикладами, а когда убедились в том, что вместо золота там лежат какие-то бумаги, то потеряли к ним всякий интерес, чем и воспользовались разведчики, чтобы бумаги эти похитить.

Нужно ли говорить, что этот изощренный детектив решительно не выдерживает критики! Во-первых, в том, что касается Вильсона. Высокопоставленный масон, плотно встроенный в игру закулисы, вдруг начинает воспринимать реальность как «наивный» национальный лидер, искренне верящий в то, что США должны сохранять верность «союзникам», к которым они лишь недавно присоединились из вполне прагматических соображений, как к будущему победителю в мировой войне. Кроме того, из всего изложенного у нас выше однозначно следует, что Вильсон не мог не быть в курсе того, что «американские» банкиры с Уолл-стрит финансировали большевиков именно через германские банки, через посредство Германии. Имея в своем распоряжении данные своей разведки, с которой были теснейшим образом аффилированы такие люди, как Макс Варбург и другие участники процесса, президент не мог не понимать, что игра Ленина связана с Германией, как игра Троцкого — с Америкой. Что же касается эпизода с корыстолюбивыми матросами, то он вообще выглядит как анекдот. Если разведчики так хорошо внедрились в Смольный, что все там знали — и знали, в частности, где находятся нужные им документы, то почему они их заранее не скопировали? (Тем более что сам автор упоминает о том, что они раньше это делали с целым рядом нужных им документов.) Зачем было прибегать к такой сложной схеме с матросами? И наконец, непонятно, каким образом разведчики смогли незаметно вывезти за пределы Смольного такой огромный массив документов из разбитых ящиков, оставшись незамеченными? Ведь для этого было явно недостаточно просто карманов и других подручных средств, нужны были, в свою очередь, другие мешки или ящики! Ну и т.д. К сожалению, приходится констатировать, что, будучи общепризнанным специалистом по русскому Средневековью, по древнерусской литературе, г-н Бегунов в данном случае проявил, говоря мягко, явно недостаточный профессионализм в сравнительно новой для себя сфере...

Аким Арутюнов в книге “Досье Ленина без ретуши” проводит тщательный анализ проблемы, доказывая подлинность ряда документов из “коллекции” Сиссона, в частности тем, что некоторые из них ранее были известны россйиской контрразведке. Это лишь подтверждает нашу точку зрения на проблему, поскольку присутствие во всем массиве подлинных докуметов и реальной информации было абсолютно необходимо тем, кто изготовил всю фальшивку, для дискредитации этих документов и содержащейся в них информации.

[53] *Шамбаров В.Е.* Нашествие чужих. М.: Алгоритм, 2007. С. 339.

[54] См. об этом в кн.: *Фомин С.В.* Царское дело Н. А. Соколова и le Prince de l'ombre. Книга первая. М.: Русский издательский центр, 2021. С. 394–399.

[55] *Мультатули П.В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. С. 343.

[56] *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман... С. 18.

[57] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 562–564.

[58] *Мультатули П.В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. С. 346–349.

[59] *Соловьев О.Ф.* Обреченный альянс. — М.: Мысль, 1986. С. 125.

[60] *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман... С. 58–59.

[61] *Саттон Энтони.* Указ. соч. С. 208–209.

[62] Там же. С. 210–211.

[63] Об этом подробнее см. в другой книге Э. Саттона — «Как Орден организует войны и революции». Изд. дом «Паллада», 1995.

[64] *Шамбаров В.Е.* Нашествие чужих... С. 234

[65] *Солженицын А.И.* **Двести лет вместе** (1795–1995). Ч. II. С. 105. Цит. по: *Барыкин Ю.М.* Большевики. Криминальный путь к власти. М.: "Родина", 2025. С. 162.

[66] 3-я сессия ЦИК Союза ССР 4-го созыва (апрель 1928 г.). Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1928. С. 792–793.

[67] *Мосякин А.Г.* Судьба золота в Российской империи в срезе истории. 1880–1922. Историческое расследование. М.: КМК, 2017.

[68] Цит по: *Назаров М.В.* За кулисами «НЭПа» и «сталинизма»: https://rusidea.org/430104

[69] Там же.

[70] New York Times. 1921. April 24. P. 18.

[71] https://ru.wikipedia.org/wiki/Заграничный_заказ_паровозов_Советской_Россией

[72] *Катасонов В.Ю.* Вывоз золота из Советской России, СССР и Российской Федерации: 1917–2005 гг. // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. Вып. 3 (429). *Его же*: Золото в экономике и политике России. М., 2009.

[73] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 242.

[74] Там же. С. 243–244.

[75] *Катасонов В.Ю.* Миф о «царском золоте» России в США. https://regnum.ru/news/economy/2113611.html

[76] Цит. по: *Шамбаров В.Е.* Нашествие чужих: заговор против империи. М.: Алгоритм, 2007. С. 511.

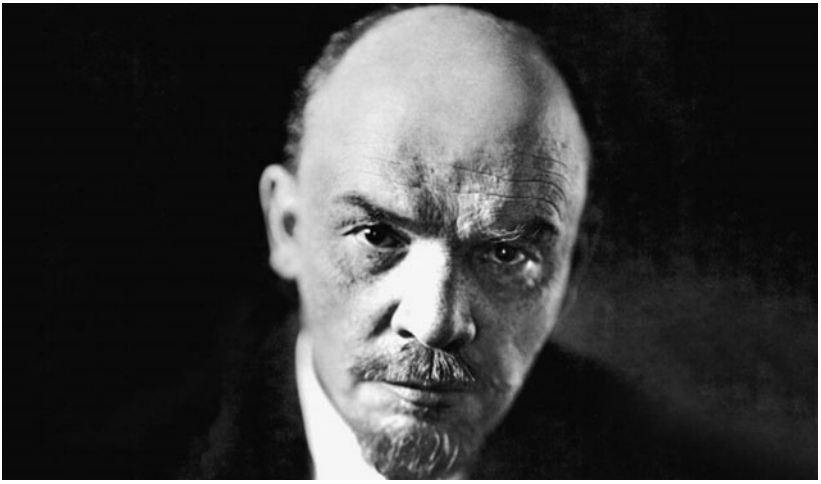
[77] New York Times Tribune, 24.01.1921. Цит. по: *Мартиросян Арсен.* Кто привел войну в СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 205.

[78] Подробнее см. в уже упомянутой книге: *Барыкин Ю. М.* Красная ложь о великой России. М., 2021. С. 175-195.

[79] *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман... С. 27.

Неизвестный Ленин

В своей практической революционной деятельности вождь во многом опирался на профессиональных военных



Всякий раз при приближении дня рождения ВИЛа — 22 апреля — возобновляются разговоры о его «всемирно-историческом значении» и о том «благе», которое он и его партия принесли России. Поэтому людям не вполне образованным и идеологически ангажированным приходится напоминать несколько подзабытые (или

воспринимаемые в искаженном неосоветской пропагандой виде) исторические факты.

С точки зрения юридически-правовой Ленин — прямой предатель, государственный преступник, во время войны вступивший в сговор с врагом. Его принципиальная позиция заключалась в том, что «войну империалистическую» следует превратить в «войну гражданскую». Как известно, из Швейцарии большевики во главе с Лениным проехали через территорию Германии, с которой Россия тогда воевала.

Связи большевиков с германскими спецслужбами в настоящее время отнюдь не домысел, а достаточно хорошо исследованный ряд фактов. Ленин и его группа, конечно, не были «немецкими шпионами». Шпион, то есть тот, кто поставляет врагу ценную информацию, в основном военного характера, должен, во-первых, иметь к ней доступ, какого по определению не может быть у профессионального революционера. Во-вторых, он должен быть вписан в соответствующую государственно-служебную среду, что также невозможно для того, кто очень рано и вполне открыто объявил себя врагом государства. В серьезных исследованиях по истории большевизма и биографиях Ленина речь шла и идет, разумеется, совсем не об этом.

Известно, например, что **генерал А. И. Спиридович** еще в послереволюционные, раннеэмигрантские годы утверждал, что Ленин еще в 1913 году добровольно предложил свои услуги германскому МИДу, которые были поначалу отвергнуты, но затем приняты при посредстве Парвуса. Однако в то время никаких твердых доказательств этого не было представлено, почему и не было воспринято всерьез большинством исследователей. Представлялось сомнительным, чтобы такое событие произошло в то время, когда никакой войны между Германией и Россией еще не было, а сам Парвус еще не сформулировал свой план в своем знаменитом «Меморандуме». Надо признать, что взгляд Спиридовича разделялся,

насколько можно понять из его книги, и начальником российской контрразведки в начальный период Временного правительства **полковником Никитиным**[1], на которого мы достаточно ссылались в предыдущей главе. Однако сегодня уже существуют подробные исследования, в которых данный вопрос подвергнут тщательному анализу. В частности, следует упомянуть монографию **Евы Ингеборг Фляйшхауэр** «Русская революция. Ленин и Людендорф (1905–1917)»[2]. При всем том, что некоторые трактовки, представленные в данной книге, носят, по нашему мнению, довольно пристрастный и ангажированный характер (особенно в том, что касается святой Царской семьи), в ней тем не менее в систематическом виде, со множеством ссылок на источники представлен целый ряд фактов, не оставляющих сомнения в том, что деятельность Ленина и его группы была последовательно предательской еще задолго до революции.

Речь идет, разумеется, о связях не столько с МИДом Германии, сколько с разведслужбами этой страны и союзной ей Австро-Венгрии. Однако, прежде чем обратиться к этой теме, автор монографии, со ссылками на источники, приводит подробные сведения о провокаторской роли Ленина, в частности в таких известных, нашумевших делах, как дело попа Гапона и дело Малиновского — депутата Госдумы, бывшего одновременно видным большевиком и агентом Охранного отделения, каковым он стал с ведома и по фактическому поручению самого вождя (чтобы, получив доступ к секретным документам, информировать вождя о планах «охранки»). Немецкая исследовательница показывает, что с помощью Малиновского Ленин также сводил счеты со своими конкурентами внутри социал-демократического движения. Когда после революции Малиновский был изобличен, его очень быстро приговорили к смертной казни. Известная вещь, заметание следов.

В этой короткой популярной работе мы, однако, не имеем возможности подробно освещать все эти аспекты,

поэтому можем просто отослать читателя к упомянутой монографии и другим использованным у нас источникам. Вкратце картину связей Ленина с германскими спецслужбами можно представить в следующем виде.

Начало непосредственным контактам с «Эвиденцбюро» (Австрийская внешняя разведка) и германским Генеральным штабом было положено в 1913 году, после чего Ленин в значительной степени скорректировал свою позицию по целому ряду принципиальных вопросов, в частности по национальной политике, начав выступать за право национальных меньшинств Российской империи на отделение от нее. Причем речь шла именно о тех меньшинствах, которые населяли окраины Российской империи, а отнюдь не о тех, которые проживали на территории Австро-Венгрии или Германии. (Подробнее см. об этом в следующей главе.) Переехав в Краков, Ленин, прикрываясь социал-демократическими лозунгами, стал готовить свою революционную армию фактически для участия в будущей войне на стороне врагов России. В этом плане его известное положение о том, что «*революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству*» и что следует стремиться «*империалистическую войну превратить в войну гражданскую*», есть не отвлеченная теория, а самая что ни на есть **практическая игра с источником глобальных денег**, необходимых для революции. По мнению ряда исследователей, **общая сумма**, выделенная на развал России большевиками Германией и в меньшей степени Австро-Венгрией, составляла, по разным подсчетам, **от 40 до 80 млн** золотых марок. Причем важно подчеркнуть, что эта цифра касается лишь тех средств, которые выделялись **правительствами** (С. 127). От банкиров, в том числе и прежде всего заокеанских, «партия пролетариата» получила несоизмеримо больше (о чем шла речь в предыдущей главе).

Итак, через воюющую с Россией Германию шло финансирование партии, которая из самой маргинальной

в стране в одночасье превратилась вдруг в самую богатую. Надо признать, что отнюдь не Германия (которая, напрягая все силы, воевала на два фронта и не имела в достаточном количестве переданных революционерам огромных сумм), а банкиры Уолл-стрит были главным источником пресловутых «немецких денег», выделенных большевикам (как, впрочем, и другим революционным партиям, хотя и в несоизмеримо меньшем объеме). Немцы, преследуя свои интересы, послужили главным образом посредником, получив от «американских» финансистов беспроцентные кредиты на эти цели[3].

Из вышеизложенного следует, что **«пролетарская» революция во главе с большевиками происходила при немалой помощи со стороны международного банковско-финансового капитала** — факт, составляющий настоящий кошмар для неосоветских «историков», писателей и публицистов. И кстати, мало исследованный в современной России, где неосоветизм снова поднимается на щит, как «снизу», так и «сверху».

Современные исследователи, с опорой на многочисленные источники, предлагают сенсационное объяснение событий начала июля 1917 года, когда большевики начали абсолютно не подготовленное выступление, которое буквально на следующий день Ленин объявил преждевременным. Традиционная точка зрения, отчасти озвученная нами в предыдущей главе, заключается в том, что это был спонтанный ответ на засветку в прессе сведений о связях большевиков с немцами, когда многим из них стало грозить вполне реальное уголовное преследование, впоследствии аккуратно сведенное на нет Керенским. Однако в упомянутой выше книге Е. Фляйшхауэр содержится, в частности, ссылка на письмо Л. Б. Красина родным от 11 июля 1917 года по старому стилю: «*Ну, большевики заварили-таки кашу, или, вернее, пожалуй,* ***заварили не столько они, сколько агенты германского штаба****... Совпадение всей этой истории с наступлением немцев на фронте слишком явное, чтобы могло оставаться*

сомнение, кто настоящий виновник и организатор мятежа»[4] (С. 507). То есть Красин в частном письме фактически прямо говорит, что **преждевременное и неподготовленное революционное выступление большевиков внутри страны должно было подыграть немецкому наступлению на фронте!**

Не очень много говорят в наше время о странном поведении Керенского, который буквально сдавал власть большевикам, выпустив из тюрем уголовников (что окончательно дестабилизировало ситуацию в стране), предав Корнилова в июле 1917-го и т. д. и т. п. Мало кто знает, что Ленин и Керенский учились в одной гимназии, а их отцы были друзьями. После смерти отца Ленина родитель Керенского взял сироту под свою опеку и, в частности, помог поступить в престижный Казанский университет.

Ленин не был, конечно, философом или выдающимся мыслителем. Однако он был настоящим гением политической интриги, что невозможно отрицать. Также мало исследован факт сотрудничества его партии с военными из российского Генерального штаба еще царских времен, входившими в масонскую военную ложу и давно вознамерившимися свергнуть Царя (без их участия Февральская революция также была бы невозможна)[5]. То, что именно они при кураторстве Троцкого в конечном счете создали Красную армию и обеспечили победу красных в Гражданской войне, достаточно хорошо известно. Гораздо меньше известно, что и сам Октябрьский переворот (если говорить не о политической, а о военно-технической стороне) также в решающей степени — их рук дело!

Во всех исторических исследованиях, посвященных Октябрьскому перевороту как таковому, прослеживается интересная деталь. Как только заходит речь о том, кто конкретно и какими силами его произвел, многие историки либо начинают откровенно «плыть», путаться, либо вынуждены констатировать, что об этом реально мало

Александр Федорович Керенский. Адвокат. Министр юстиции, затем — премьер и военно-морской министр во Временном правительстве. Видный масон, генеральный секретарь Верховного Совета Великого Востока народов России

что известно. Причем, что интересно, в этом в общем и целом солидарны практически все историки, независимо от своей идеологической ориентации. Например, вполне просоветский историк разведки **И. А. Дамаскин** прямо пишет: «*Несмотря на большое количество участников и свидетелей этих событий, нет полной картины всего того, что происходило на Дворцовой площади в ночь с 25 на 26 октября 1917 года... Существует много версий этих событий*»[6].

Вторит ему и известный эмигрантский историк **С. П. Мельгунов**, на которого мы достаточно много ссылались в предыдущей главе, настроенный, как понятно, антибольшевистски. Приводя известные слова из мемуаров одного из, так сказать, «официальных» руководителей большевистского восстания **Николая Подвойского**: «каждый винтик революционной машины был приведен в движение и поставлен на соответствующее место», он позволяет себе усомниться в том, что все так и было в действительности. «*Даже сам Троцкий в своей истории Октябрьской революции должен был признать, что рассмотрение военных операций тех дней в советской литературе носит не "критический", а "апологетический" характер. Как-то странно, что столь "тщательно подготовленный" план так основательно был забыт на первых порах, что на последовавших "вечерах воспоминаний" руководители и непосредственные участники переворота лишь ощупью восстанавливали и даты, и основные вехи событий. И Троцкий* (до сих пор считающийся главным руководителем «вооруженного восстания». — *В.С.*), *например, никак не мог вспомнить, "каков был окончательный план"*»[7].

Все разговоры о том, что такая-то воинская часть из Петроградского гарнизона поддержит выступление большевиков, при ближайшем рассмотрении оказывались фантазией, мечтой, выдаваемой за действительность. «*Дружный революционный порыв, колонны солдат и красногвардейцев — миф. Колонны появились позже.*

Реальных сил у Ленина и Троцкого было совсем мало... Солдаты сидели в казармах и обсуждали, чья возьмет. Их и не трогали, чтобы не мешали»[8]. Характерным примером является превращенное в мощный исторический миф якобы массовое участие в перевороте балтийских матросов. Сейчас уже хорошо известно, что оно, мягко говоря, сильно преувеличено. Так, на телеграмму, направленную вечером 24 октября председателем ЦК Балтфлота П. Е. Дыбенко командам кораблей с призывом срочно присоединиться к революции, откликнулись немногие. За исключением тех, кто получил соответствующий приказ от непосредственного командования флота, о чем речь у нас еще впереди. То есть, иными словами: попытка управлять процессом через, так сказать, открытые партийно-революционные структуры всегда оканчивалась, по сути, ничем. «Революционные массы», в том числе и в армии, упорно выжидали.

Когда-то нам рассказывали, что Октябрьская революция осуществлена силами Красной гвардии под руководством профессиональных революционеров. Это, разумеется, полнейшая глупость. Ибо основу так называемой Красной гвардии в начальный период ее существования составляли отнюдь не рабочие (мастеровые, которые зарабатывали неплохие деньги, никогда не увлекались играми в революцию), а **уголовные преступники**, выпущенные из тюрем Керенским, разбавленные небольшим количеством романтически настроенных студентов и гимназистов левых взглядов. Эти уголовники устремились в Красную гвардию, поскольку, во-первых, за участие в ней стали платить неплохие деньги за счет «немецких» субсидий, а во-вторых, потому что это давало возможность легально пограбить. Это о них писал Блок в поэме «Двенадцать»: «*Запирайте етажи, нынче будут грабежи*». После прихода большевиков к власти, когда красногвардейцы, использованные для дестабилизации обстановки в стране, стали уже не нужны, их постепенно вытеснили из столиц, и, подавшись

в провинцию, они создали там банды, которые чекисты и регулярные красноармейские части отстреливали всю Гражданскую войну (что стыдливо называлось «подавлением кулацких мятежей»). Типичный ленинский стиль: не нужное больше орудие просто уничтожается. Впрочем, впоследствии «Красной гвардией» произвольно называли себя разные отряды, стихийно возникавшие во время Гражданской войны, которые не имели прямого отношения к упомянутым выше изначальным формированиям.

Красногвардейцы. Постановочное фото

Любой профессиональный революционер — это литератор, хорошо умеющий писать статьи и книги, выступать с докладами и заниматься партийными интригами. Знаменитый план по захвату ключевых точек Петрограда («почта, телеграф, телефон», мосты, вокзалы, банки и, между прочим, казначейство, о чем говорилось вслух всегда куда меньше) — вовсе не принадлежал чистым гуманитариям Ленину и Троцкому, а был подготовлен

Полковник Михаил Степанович Свечников. Командующий 106-й пехотной дивизией. Член РСДРП(б) с 1917 г.

для свержения Царя профессиональными военными диверсантами (которые тогда подчинялись непосредственно Генштабу) еще к революции 1905 года. Но тогда он не сработал благодаря грамотным действиям верных полков гвардии и черносотенных дружин. К 1917-му гвардию предатели из числа генералов дважды искусственно подставляли под разгром на фронте[9], а черносотенное движение было заранее грамотно развалено изнутри.

Как же именно военные помогли большевикам? Понятно, что речь идет не обо всех военных, а лишь о некоторых, правда весьма умелых и влиятельных. Вот, например, профессиональный военный разведчик, начальник штаба расквартированной тогда в Финляндии 106-й пе-

хотной дивизии подполковник (вскоре произведенный в полковники) **Михаил Степанович Свечников.** Который ко всему прочему еще и управлял **Службой военных сообщений**. Уже упоминавшийся выше И. А. Дамаскин повествует о том, как он вошел в сношение с представителем большевистского ЦК **Борисом Жемчужиным**, который приехал в Финляндию для того, чтобы сопровождать поезд Ленина до Петрограда. Жемчужин попросил Свечникова обеспечить охрану будущего вождя революции и его людей на пути от Хельсинки до столицы, что и было исполнено. Лирический рассказ о том, как «внезапное доверие заговорщиков тронуло душу боевому подполковнику русского **Генерального штаба»** (sic!), невозможно, конечно, воспринимать всерьез. Но вот приводимые автором сведения о том, что «он **имел поручение от своего начальства** не препятствовать проезду группы эмигрантов, прибывающих из Швеции»[10], говорят о многом. Если эта информация достоверна (а ниоткуда не видно, чтобы она была сомнительной: историк разведки работает, естественно, с профессиональными источниками, облекая полученные от них сведения в условно-беллетризованную форму), то очевидно, что генералы Генштаба, которые после Октября под условным кураторством Троцкого стали создавать новым властителям России профессиональную армию, вовсе не были «завербованы» Троцким (вербовать людей из военной ложи у того была бы кишка тонка), а **изначально были в игре**.

Свечников мало того что выделил для Ленина со товарищи специальный вагон, так еще и придал им **бригаду проводников, рекомендованных местными социал-демократами** (!). А нарядом охраны командовал **поручик Муханов**, якобы «сочувствовавший большевикам». Сам подполковник решил лично сопровождать большевиков до Питера и в дороге одним своим появлением «нейтрализовал» нескольких офицеров, попытавшихся ворваться в вагон[11]. Ленин и Свечников затем познакомились лично.

В дальнейшем Свечников сыграл крайне важную роль в захвате власти большевиками. В частности, подчиненные ему силы остановили на пути к Петрограду отряд будущего героя Белого движения генерал-майора **Петра Николаевича Краснова**, который «*вспоминал впоследствии, что был потрясен, когда разглядел в бинокль офицерские погоны на плечах большевистских командиров*»[12].

Впрочем, по другим данным, они сделали это вместе с переодетыми немцами. Согласно И. Буничу (см. его книгу «Золото партии»), «выдвинутая вперед сотня уральских казаков (имеются в виду эскадроны Петра Краснова — В.С.) пыталась сходу овладеть <Пулковскими> высотами, но вынуждена была отступить под великолепно скоординированным и управляемым огнем. Казачьи офицеры, прошедшие через годы войны, быстро поняли по "почерку", кто занял оборону на высотах. Немцы! Не поверивший ген. Краснов сам выехал в сторожевое охранение. Сомнений не было. Немецкая пехота и артиллерия преграждали путь к революционному Петрограду»[13].

Примерно так выглядел штурм Зимнего дворца в советской мифологии

Ключевой, в числе прочих, была роль Свечникова и при штурме Зимнего. После того как первые три попытки штурма, предпринятые дилетантами в спецоперациях подобного рода — красногвардейцами и балтийскими матросами, были успешно отбиты юнкерами, засевшими во дворце, при участии женщин из так называемого ударного батальона, именно присланный им штурмовой отряд из 400–450 гренадер из состава 106-й пехотной дивизии атакой со стороны набережной решил исход дела в пользу большевиков. Как раз к открытию съезда советов, картинное выступление Ленина на котором мы много раз видели в многочисленных советских фильмах о революции. В которых и близко не было никакого Свечникова и других профессиональных военных, поддержавших большевиков. Впрочем, есть и другая вариация этих событий. Некоторые полагают, что никакого штурма в собственном смысле вообще не было, а был захват специально подготовленным отрядом в момент, когда бóльшая часть защитников дворца благодаря грамотной агитации уже разошлась. Дебош и погром дворца, нанесший ущерб в гигантскую сумму — 2 млн тогдашних рублей, устроенный пьяными толпами, произошел уже позднее.

Однако вернемся несколько назад, в начало июля 1917 года. После слива в прессу данных контрразведки о связях большевиков с немцами будущие властители России спровоцировали абсолютно не подготовленные июльские выступления, которые даже слабому режиму февралистов удалось тогда подавить. После этого, как полагают некоторые исследователи[14], в загородных лагерях (скорее всего, на территории Финляндии) более трех месяцев тренировались специально подобранные люди (так называемые отряды Дзержинского), которые вскоре составили основу ВЧК. А тренировали их офицеры из числа диверсантов Генштаба, связанные с военной ложей! Эти офицеры во главе обученных ими же бойцов и руководи-

ли захватом ключевых объектов столицы в ночь с 25 на 26 октября 1917 года.

В преддверии переворота происходили события, казалось бы, много раз описанные в исторической литературе, но при этом в достаточной степени не понятые большинством. Например, те бурные дискуссии об «отношении к восстанию», которые развернулись не где-нибудь, а **внутри самого большевистского ЦК**, в котором, как говорит Мельгунов, царила полная неразбериха и сумятица» (с. 70). Общеизвестно, что Ленин более чем энергично, не стесняясь в выражениях, настаивал на немедленном вооруженном восстании, чему не менее активно оппонировало большинство ЦК. Дошло даже до того, что вождь публично объявил о своем выходе из ЦК, дабы, по его словам, сосредоточиться на низовой работе.

Общеизвестны такие «классические» работы Ленина, как «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть», предназначенные для публичного использования, в которых вождь аргументированно объясняет, почему момент для вооруженного выступления большевиков настал. В этих работах он сполна использует классические марксистские посылы насчет классовой борьбы, «поддержки большинства пролетариата» и т. д.

Однако при этом необходимо признать, что Ленин задолго до Октября, еще в контексте событий 1905 года (которые многие называют «репетицией» революции), совершенно конкретно развивал свое известное учение о «революционной армии», в котором основным пафосом была констатация того, что не обученные военному делу «рабочие массы» не в состоянии (как мы бы сейчас сказали, по объективным причинам) победить с помощью вооруженного восстания. При этом известное положение его о «вооружении народа» было, по сути, лишь ширмой, прикрывающей подлинные взгляды великого тактика революции на данную важнейшую для него и для всей партии проблему. В работе **«Революционная армия и революционное правительство»** Ленин пишет совершенно

конкретно: «*Революционная армия и революционное правительство, это — две стороны одной медали. Это — два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это — два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги*»[15]. В работе **«Тактическая платформа к объединительному съезду»** он настаивает на том, что «вооруженное восстание в настоящее время является не только необходимым средством борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движения, которая, в силу нарастания и обострения нового политического кризиса, открывает *переход от оборонительных к наступательным формам вооруженной борьбы*»[16]. И при этом призывает «усилить работу в войсках». (Напомним, что результатом этих призывов Ленина, сделанных в 1905 году, было кровопролитие в Москве, в ходе которого погибло более тысячи человек.) Наконец, в малоизвестной работе **«Черные сотни и организация восстания»** он решительно осуждает собственных товарищей по партии, которые, по его словам, «*зубоскалят над своими товарищами практиками*», и призывает к практическому изучению «*военных вопросов, вплоть до самых детальных*», называя перечисляемые им элементарные навыки вооруженной борьбы «*чисто военными функциями*», «*начальными операциями революционной армии*», «*организацией революционной власти*»[17].

Призывы Ленина к «поголовному вооружению народа» и организации «народной революционной армии» оказались малоэффективны и трудноисполнимы по понятным причинам: любым делом должны заниматься владеющие им профессионалы (см. выше). Поэтому в своих **письмах о вооруженном восстании**, предназначенных для узкого круга, которые уничтожались во исполнение **особого решения ЦК** об этом (чего категорически требовал и сам Ленин), с учетом остроты и, так сказать, судьбоносности ситуации октября 1917 года, он выска-

зывается совсем конкретно. Ни одно из этих писем не дошло бы до нас, но в некоторых (крайне редких) случаях вышеуказанное правило нарушалось, благодаря чему сегодня мы знаем некоторые милые подробности о реальной позиции Ленина, связанной с восстанием.

В частности, нарушил предписание об уничтожении писем один из адресатов вождя — председатель Облфинкома **И. Т. Смилга**, и в итоге неуничтоженное письмо Ленина к нему от 27 сентября 1917 года в 1925 году было опубликовано, а затем попало в Полное собрание сочинений. В нем Ленин пишет, что, по его глубокому убеждению, надеяться, что «*волна* (имеется в виду революционная. — *В.С.*) *сметет Керенского — наивно, это все равно, что надеяться на авось. Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением*». (А как же марксизм? Как же объективная логика истории, о которой вождь писал в своих «открытых» работах? — *В.С.*) Дальнейшее изложение показывает, что слова про «революционный пролетариат» носят здесь скорее дежурный характер. Ибо после этого вступления он берет быка за рога, в своем фирменном ленинском стиле переходит к конкретике. Для начала призывает «*агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию*». Затем совсем уже конкретно настоятельно рекомендует Смилге «***создать тайный коми-***

Ивар Тенисович Смилга. Латышско-финский революционер. В период октябрьских событий осуществлял связь между Лениным и профессиональными военными. Впоследствии — участник так называемой троцкистской оппозиции

тет из надежнейших военных», уделить особое внимание «составу и расположению войск». В этом письме Ленин просто зациклен на своей основной мысли — необходимости ***«подобрать действительно надежных и знающих военных»***[18]. В решающие моменты, когда он переходит собственно к делу, про «пролетариат» и «классовую борьбу» вождь как-то забывает. Не случайно многие тогда, даже из социал-демократической среды, обвиняли Ленина в «бланкизме»[19] и «бакунинстве»[20].

Но вернемся в предоктябрьские дни 1917 года. Как известно, принципиальное решение о захвате власти было принято большевиками на тайном совещании членов ЦК (на котором даже не было кворума), состоявшемся в ночь с 10 на 11 октября, причем «за» проголосовало всего 10 человек. Напомним, что всего в ЦК большевиков на тот момент состоял 21 человек. То есть у Ленина в момент принятия судьбоносного решения не было большинства даже в собственном ЦК!

Демарш Каменева и Зиновьева накануне Октября, когда они выступили в печати против вооруженного восстания, был вызван именно тем, что они, как и большинство других членов ЦК, были не в курсе игры. Если исходить из той, так сказать, открытой информации, которой они обладали, то в их позиции была несомненная политическая логика. Обосновывая свою позицию, Каменев наивно (с точки зрения политической прагматики) заявлял: «Партия не опрошена. Такие вопросы десятью не решаются»[21]. Понятно, что «штрейкбрехеры» не обладали той полнотой информации об участии элитных военных (сейчас сказали бы — спецназовцев), которой обладал сам вождь, почему их «предательское» выступление в прессе в тот момент так легко и сошло им с рук.

Существует версия, согласно которой Троцкий, выступавший за союз с левыми эсерами (что дало бы большевикам перевес в голосах на съезде Советов), вынужденно выступал за т.н. «бескровный» переворот (то есть восстание должно было начаться с санкции съезда, на

чем настаивали эсеры). При этом основной ударной силой он считал солдат Петроградского гарнизона, на тот момент разложенного и небоеспособного. Ленин же выступал за немедленное применение силы, будучи на связи с военными профессионалами. В результате дискуссии ЦК большевиков принял план Троцкого как основной, а «последний и решительный» Ленина — как запасной[22].

Впрочем, известное представление о Троцком как практическом вожде Октябрьского переворота следует все же признать, говоря мягко, сильно преувеличенным. Это во многом искусственный продукт пропаганды, в частности, известной книги Джона Рида[23], который был щедро простимулирован нью-йоркскими кураторами Троцкого. В ночь с 25 на 26 октября практические действия по захвату ключевых объектов города осуществляли военные профессионалы, а не «профессиональные революционеры», то бишь литераторы...

Надо сказать, что изложенная выше версия о позиции и роли Троцкого в Октябрьском перевороте, основанная на его приверженности «бескровному» плану захвата власти прежде всего на съезде Советов, рядом исследователей подвергается сомнению. Есть точка зрения, что в действительности все было несколько сложнее. Об этом свидетельствует сам «демон революции» в работе «**Октябрьское восстание и советская легальность**». В ней он приводит мнение Керенского из книги «Издалека», согласно которому от большевиков были отряжены специальные люди из числа ведущих членов ЦК и активистов, чьей задачей было усыпление бдительности других социалистов, входивших в последний состав Временного правительства, в то время как другие ведущие большевики готовили восстание под прикрытием этих переговоров. Комментируя это свидетельство Керенского, Троцкий пишет, что на самом деле все было еще сложнее. «***На самом деле, — говорит он, — в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили***

в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. *Но объективно эти парламентеры несомненно оказывали восстанию известную услугу,* ***питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага.*** *Однако эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и довела его до конца*».

Таким образом, здесь Троцкий опровергает мнение о полном единстве в стане самих большевиков. Фактически он признается в том, что «особо посвященные» члены ленинского ЦК использовали искреннюю веру в мирный план других членов, менее посвященных. Себя он, как можно понять, в момент написания статьи (сентябрь 1924 года) относит к «посвященным». Если это так, то получается, что у каждого просто была своя роль. Так называемый «Военно-революционный комитет», фактически возглавлявшийся Троцким, морочил голову меньшевикам и эсерам на т. н. переговорах и агитировал разложенный петроградский гарнизон на предмет невмешательства в события, а другие готовили восстание, опираясь на военных профессионалов. Судя по разным данным, в число «посвященных» входили Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский и возможно, Сталин.

Вышеизложенная точка зрения подтверждается рядом косвенных данных.

Во-первых, любопытно сообщение, которое сам ВРК поместил в газете «Новая жизнь»: «Вопреки всякого рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовить и осуществить захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных и погромных посягательств»[24]. Парадокс в том, что, вопреки сомнениям ряда исследователей, это было во многом правдой. Реальная функция Комитета, как мы уже указали чуть выше, была отнюдь не в подготовке восстания!

Донесения же с мест членов военной организации (военного бюро) большевиков единодушно свидетельствовали об отсутствии энтузиазма как в рабочих массах, так и в армейских частях в отношении участия в возможном вооруженном восстании. В них говорилось о слабой организации и плохой вооруженности отрядов пресловутой Красной гвардии. В ряде районов Петрограда никакой Красной гвардии вообще не было. Из 19 представителей районных комитетов 13 твердо заявили, что они не готовы к выступлению. Большевистские агитаторы в войсках Петроградского гарнизона единодушно утверждали: «Армейские комитеты не наши»[25].

А на самом собрании членов ЦК с участием ряда большевистских активистов, не входивших в состав ЦК, ряд членов (прежде всего, Каменев и Зиновьев) возражали против курса Ленина на немедленное вооруженное восстание, мотивируя это тем, что сил для этого «у нас» (то есть у большевиков) нет. Но вот, например, Дзержинский, схлестнувшись по этой теме с Володарским, высказал, на первый взгляд, довольно странную мысль: «***Когда будет восстание, тогда и будут технические силы***»[26]. Из чего очевидно, что «железный Феликс», как мы и предположили выше, входил в число посвященных.

В решающий момент вступили в действие силы, на участие которых в революции никто из большинства (даже в самом большевистском ЦК) не рассчитывал. 19 октября в газете «Известия Гельсингфоргсского Совета депутатов армии, флота и рабочих» (№ 179) появилась **статья Свечникова** (!) с призывом к свержению Временного правительства. Тем самым он сообщал Ленину и его сторонникам, что в Финляндии все готово. В ответ накануне решающих событий последовала телеграмма с условным текстом: «Высылай устав», что означало настоятельную просьбу о присылке профессиональных, хорошо обученных военных подразделений.

Необходимо отметить, что **Елена Чавчавадзе** в своем известном фильме «Штурм Зимнего. Опровержение»[27],

Елена Николаевна Чавчавадзе. Российский кинодокументалист. Автор разоблачительных фильмов по истории революции в России

ссылаясь на некие немецкие документы, приводит несколько другие данные, вовсе не упоминая 106-ю пехотную дивизию и полковника Свечникова. По мнению авторов нашумевшего в свое время фильма, в штурме Зимнего решающую роль сыграли некие «финские егеря» под командованием немецких офицеров.

Современные исследователи указывают, что Германия еще по меньшей мере с 1915 года начала формирование и подготовку на своей территории особых частей финских сепаратистов, которой руководили элитные немецкие офицеры. **Ю. Барыкин** пишет: «Уже с января 1915 года Германия начала формирование вооруженных подразделений финских сепаратистов. Небольшими группами, тайно молодые люди переезжали вначале в Швецию, а затем в Германию в школу Пфадфиндер (школа скаутов, следопытов, разведчиков). Финнов обучали в лагере Локстедт (Лохштедт) в Шлейзвинг-Гольштейне с 25 февраля 1915 года. В Финляндии начинает-

ся тайная вербовка по всей стране. Самая оживленная деятельность была в Уусимаа, Похьямаа и в Карелии. Всего в 1915–1916 годах Германия приняла 2000 финнов... Весной 1916 года из группы сформировали 27-й Королевский прусский егерский батальон под руководством майора Максимилиана Байера. В мае для получения боевого опыта батальон был переброшен на Рижский фронт, где он участвовал в некоторых боях против русских войск на побережье теперешней Латвии в районе между рекой Миса и Рижским заливом»[28].

Есть и другие свидетельства об участии немцев в Октябрьском перевороте. Ряд исследователей, со ссылками на первоисточники, говорит о немалом числе немцев как на улицах Петрограда, так и в Смольном, имевшем место вскоре после Октябрьского переворота. «По городу блуждают немецкие офицеры, снабженные разрешениями большевистского правительства. Попадаются на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что все восстание организовано немцами и на немецкие деньги»[29].

Помимо этого, по мнению ряда исследователей, приведенная выше телеграмма была направлена Смилге от имени Свердлова, причем сообщил финскому сподвижнику Ленина о ней якобы некий левый эсер. Эта версия повторяется и в ряде других источников, переходя из одной работы в другую.

Вероятность ее, на наш взгляд, является дискуссионной. Должность Свердлова в большевистской партии можно обозначить, используя позднесоветский партийно-комсомольский термин, как «зам по орг.». Он занимался кадрами, партийным строительством. Однако новейшие исследования показывают, что с определенного момента Свердлов, обладавший и собственным силовым ресурсом в лице руководимых им групп уральских боевиков, становится правой рукой Ленина буквально во всем, выполняя самые важные его поручения. Вместе с тем, в отличие от Ленина и Троцкого, не вполне понятно,

с кем конкретно за пределами России был связан Свердлов. Поскольку данная фигура наименее исследована по сравнению с другими лидерами большевиков, изложенную выше версию никак нельзя исключать.

В любом случае немецкие кадровые военные, включая разведчиков, принимали активное участие в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота, тесно взаимодействуя с лидерами большевиков, прежде всего с Лениным. «В апреле 1917 года, — напоминает Ю. Барыкин, — с фальшивым шведским паспортом в Петроград прибыл **полковник германского Генерального штаба Генрих фон Рупперт**, доставивший секретные приказы немецким и австрийским военнопленным оказать вооруженную поддержку <революционерам>, которые, в свою очередь, должны были обеспечить их оружием... Этот приказ, подписанный начальниками генеральных штабов Германии и Австрии, после Второй мировой войны был обнаружен в немецких архивах».

Вечером 15 октября на квартиру Фофановой, где прятался Ленин, в сопровождении Эйно Рахья пришли «два товарища» — **Рубаков и Егоров**. Разговаривали они по-немецки[30]. ***Это были два майора разведывательного отдела германского Генерального штаба***[31]***.***

А **генерал А. И. Спиридович** в книге «**История большевизма в России от возникновения до захвата власти»**, со ссылкой на немецкие архивные документы, приводит и другие факты. В частности, он упоминает о том, что в документах германского Генерального штаба были названы конкретные имена офицеров германской разведки, посланных в Россию для взаимодействия с большевистским правительством уже после Октябрьского переворота[32].

Вернемся к самим событиям Октября.

Вопреки стенаниям Каменева и Зиновьева, хорошо знавших, что Петроградский гарнизон разложен и представляет собой скорее просто вооруженную толпу, а на Красную гвардию и сухопутных матросов надежда пло-

ха, и искренне не понимавших, какими силами «мы» собираемся захватывать ключевые объекты столицы, сопротивления большевикам «*не было оказано. Начиная с двух часов ночи, небольшими силами* (sic!), *выведенными из казарм (*каких? *— В.С.), были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телеграфное агентство...* (А также банки и казначейство, добавим мы *— В.С.*) *В общем,* ***военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах***»[33]. «В этот раз, в отличие от июля, ВРК (Военно-революционный комитет) действовал по четкому плану. ***Чувствовалось, что к организации приложили руку какие-то профессионалы****. Маленькие группы по 50–60, а то и по 10 человек двинулись на заранее распределенные объекты. Занимали вокзалы, мосты, телеграф, телефонную станцию, банки... Иногда пришедшие отрядики открыто сменяли прежние караулы —* ***у них имелись гарнизонные пароли на эту ночь***»[34].

Помимо этого (такую точку зрения транслирует, в частности, и упомянутая нами Е. И. Фляйшхауэр), по некоторым сведениям, группы балтийских матросов, которые участвовали в перевороте, были просто **переодетые немецкие военные, плохо говорившие по-русски** (С. 560–561). Согласно рассказу одного из очевидцев, на ленточках бескозырок нескольких десятков матросов, поздно вечером 24 октября направлявшихся в сторону Зимнего дворца, красовались названия кораблей, которые в это время находились далеко в открытом море. При попытках обычных граждан заговорить с ними «матросы» молчали, словно воды в рот набрали, а командовавший ими офицер отвечал односложно и с сильным немецким акцентом (С. 561).

Наша тема в данной главе — это связь Ленина с элитными военными, чье прямое участие в перевороте, наряду с финансово-политической поддержкой международных банкиров и аффилированных с ними западных спецслужб, было одним из двух главных факторов, обеспе-

чивших саму возможность захвата власти большевиками в октябре 1917-го. Однако здесь необходимо отвлечься от нашей основной темы и добавить несколько слов о главном сюжете, связанном с захватом Зимнего и других ключевых объектов столицы. То, что никакие восставшие народные массы к этому отношения не имели, — факт, не подлежащий какому-либо оспариванию, и наше изложение в очередной раз со всей непреложностью показывает это. Имел место именно захват, но не штурм в собственном смысле, когда в здании происходит вооруженная борьба. Знаменитый план («банки, телеграф, телефон» и т. д.) был очевидным образом продуктом военных профессионалов. Но кроме того, по мнению ряда исследователей, этим внешним событиям, связанным с ключевым участием военных, сопутствовала закулисная сторона дела, то есть переговоры на несоизмеримо более высоком уровне, о котором можно лишь догадываться.

Большинство в самом ЦК партии большевиков, как мы сказали, было против силового варианта, который отстаивал Ленин. Вождь до последнего пребывал в подполье, проживая после возвращения в Петроград на конспиративной квартире Фофановой. (Что красочно изображено в памятном фильме «Ленин в Октябре».) При этом ЦК активно препятствовал его приходу в Смольный, полагая это опасным. (Что странно, поскольку там, среди «своих», у Ильича могла быть вполне достойная охрана.) В итоге он заявился в штаб революции «самовольно», накануне решающих событий злостно нарушив партийную дисциплину. Для этого у него были более чем веские причины.

«Ненасильственный» план Троцкого (к открытию II съезда Советов, как мы указали выше, уже утвержденный большинством ЦК), при помощи которого тот хотел легитимировать захват власти большевиками, задействовав Съезд, служил для Льва Давидовича прямым путем, мостом к высшей власти. (Что было, разумеется, согласовано «с кем надо» за пределами любимого Отечества.) Не

случайно некоторые американские газеты 26 октября, дав новость о том, что «в России пришло к власти революционное правительство», написали, что во главе него стоит Троцкий. Однако Ильич, грубо обозвав план Троцкого «предательским», в решающий момент сумел предъявить самый весомый аргумент в свою пользу в виде верных ***лично ему*** элитных воинских частей, о которых мы упоминали выше. В итоге, уже после захвата всех ключевых объектов города, включая Зимний дворец, Троцкий, взяв слово на съезде, заявил, что «среди нас присутствует товарищ Ленин», и передал слово тому, что ясно означало: «демон революции» окончательно смирился с ролью «человека номер два» в партии.

Некоторые исследователи (в частности, Шамбаров и Чавчавадзе, а также Фляйшхауэр), ссылаясь на архивные данные, с немалой уверенностью полагают, что Ленина все это время (в том числе и в Смольном) сопровождали германские офицеры из спецслужб. Кураторы до последнего контролировали своего подопечного, были рядом. Также в Смольном присутствовали и американцы, в частности заместитель руководителя миссии Красного Креста полковник **Раймонд Робинс**, недавний советник Керенского. Его сопровождал переводчик **Александр Гомберг** (Гумберг), который, как мы помним из первой главы, «по совместительству» был литературным агентом Троцкого. Эти американцы, как можно понять, «пасли» Льва Давидовича.

А что же в Зимнем? Там, непосредственно перед вводом в действие элитных воинских подразделений (о чем мы сказали выше), происходили переговоры между руководителем обороны дворца **П. И. Пальчинским** (впоследствии успевшим послужить и большевикам, попав в итоге под репрессии) и представителями большевиков — **С. Г. Чудновским** (будущим чекистом) и **В. А. Антоновым-Овсеенко**. В итоге Пальчинский тихо сказал этим двоим: «Все в порядке, наши договорились с вашими»[35]. Какие переговоры имелись в виду, с аб-

солютной точностью сказать, конечно, нельзя. Но, учитывая весь уже известный читателю контекст, можно с немалой вероятностью предположить, что речь шла о переговорах на уровне глобальной мировой власти. И вряд ли местоположение их главных участников ограничивалось Петроградом...

Вернемся к главной теме этой главы — участию в перевороте кадровых элитных военных.

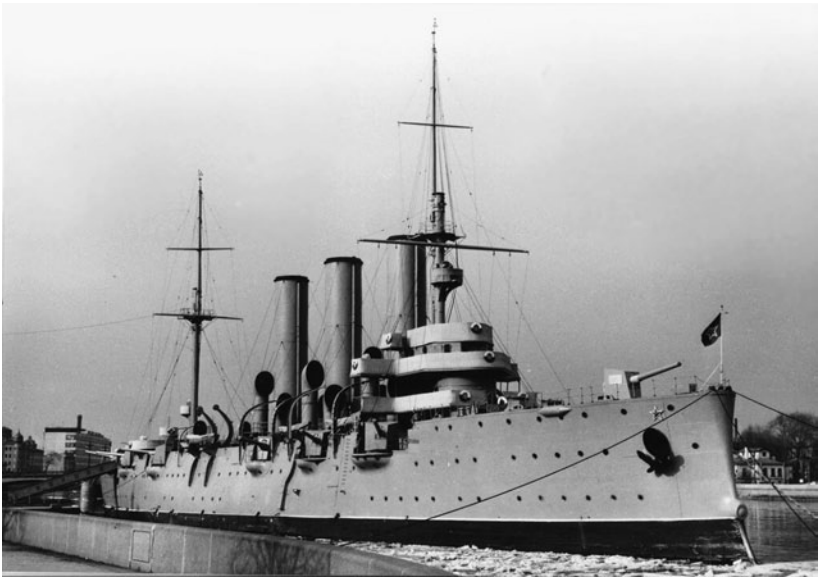
Общеизвестно участие в перевороте крейсера «Аврора». Это одна из тех деталей, о которой все знают, но мало кто задумывается.

В советских источниках дело излагалось примерно так: «"Аврора" находилась в ремонте, и большая часть команды отсутствовала. Этим воспользовалась группа вооруженных большевиков во главе с комиссаром ВРК Александром Белышевым и вечером 25 октября фактически захватила крейсер. Под угрозой расстрела капитан "Авроры" вывел его из Франко-Русской верфи и подогнал к Николаевскому мосту»[36]. Ниже мы увидим, что эта версия не выдерживает самой снисходительной критики, будучи на уровне разобранных у нас ранее фантазий о том, что отряды Красной гвардии взяли штурмом Зимний дворец. Сам же комиссар Белышев через 15 лет после Октября утверждал, что крейсер был задержан на неопределенное время приказом Центробалта, «причем причина задержки была объявлена команде тем, что нам, крейсеру "Аврора", придется принимать активное участие в поддержке Совета и возможно, в предстоящем перевороте. . . [37]»

Все эти якобы достоверные рассказы игнорируют главное.

Крейсер стоял «у стенки» (что на морском профессиональном жаргоне означает «у причала») и просто так никак не мог войти в фарватер Невы. Крейсер — не шлюпка. Для такого перехода требовалась немалая подготовительная работа, которую должны были проводить грамотные профессионалы. В военное время, на театре

военных действий переход корабля из порта в порт — это боевая операция. На переход корабля отдается приказ штаба, составляется план перехода и подготовки боевых частей корабля. На корабле минимум за 12 часов до отхода «от стенки» нужно разводить огонь в топках, «поднимать пар» в котлах. Корабль должен получить боеприпасы и продовольствие, уголь (нефть) и смазочные материалы (всё это — в разных гаванях), получить карты с новейшей гидрографической и боевой обстановкой (идти по вчерашней карте — вылетишь на камни или подорвешься на минах). О переходе корабля должны быть заранее оповещены все береговые посты наблюдения, связи и береговые артбатареи — громаднейшая штабная работа, и никакому «ревкому» или десятку революционных матросов она не под силу.



Крейсер «Аврора»

На «Авроре» было 24 паровых котла, и чтобы к вечеру держать нормативное давление пара в котлах 17 атмосфер и в паровых машинах 15 атмосфер, нужно было

разводить пары с раннего утра. **Перемещение могучего крейсера невозможно без предварительной разработки в штабе флота**. Таково требование морского устава, который никакие революционеры в тельняшках нарушить или проигнорировать не могут в принципе: для этого у них просто нет необходимой квалификации. Корабль, стоящий «в заводе», имел на борту небольшое количество угля — чтобы отапливать жилые отсеки (от малого котла) и чтобы крутить динамо-машину — для освещения помещений и подачи электропитания на приборы и механизмы. Чтобы крейсер «Аврора» отошел «от стенки», на него нужно было загрузить минимум сто тонн угля (достаточно, чтобы дойти из Петербурга до Ревеля или Гельсингфорса). Значит, кто-то отдал предписание командованию Угольного порта, в Угольном порту загрузили на баржу уголь, и буксир притащил эту баржу в Неву, к борту «Авроры», а нижняя команда крейсера, три сотни матросов и унтеров, в течение нескольких часов поднимала уголь из баржи на борт и раскидывала его по двадцати нижним угольным ямам, и закончилось это не позднее 23 октября, ибо утром 24 октября кочегары уже бросали уголь в топки крейсера. Если на «Авроре» 25 октября имелись снаряды и заряды — значит, кто-то **заранее, через сложный механизм штабной бюрократии**, отдал приказ начальнику артскладов отгрузить, по секретному перечню, боезапас для крейсера «Аврора», и приказ в Военный порт о переходе буксира с баржой и приказ — самым различным службам и боевым соединениям — на боевое обеспечение этого перехода. Ночные переходы кораблей и судов в Финском заливе, ввиду минной опасности, были запрещены.

Стало быть, не ранее середины дня 25 октября буксир притащил баржу с боезапасом к борту «Авроры», и верхняя команда, на виду у Петрограда, стала перегружать боезапас в артпогреба крейсера.

Поблизости, в акватории Невы, тогда находилась не одна лишь «Аврора», а еще целый ряд крейсеров и лин-

коров, в частности, один броненосец (27 октября, когда началось наступление генерала Краснова на Петроград, броненосец «Заря Свободы», бывший «Император Александр Второй», стоявший у входа в Морской канал, был заменен гвардейским крейсером «Олег»), два эскадренных миноносца, три минных заградителя, два тральщика, одно сторожевое судно, одно учебное судно, одно легкое судно. Они доставили несколько сотен моряков, базовый госпиталь с персоналом, две тысячи винтовок, один миллион патронов (вместе с «Авророй», которая уже стояла в Неве, общая артиллерийская сила этой эскадры могла разрушить весь центр Петрограда).

Из вышеизложенного непреложно следует, что **в заговоре на стороне большевиков участвовал целый ряд высших офицеров флота**, в том числе штабных, которые организовали и контролировали весь процесс. Об этом косвенно свидетельствует, в частности, то, что вскоре после переворота некоторые из них, при прямом участии Ленина, получили повышение: в ноябре 1917 года **контр-адмирал Развозов** был произведен в вице-адмиралы, **капитан 1 ранга Иванов** — в контр-адмиралы (впоследствии контр-адмирал Иванов будет инспектором Морских войск ВЧК). К сказанному остаетсядобавить, что предыдущий командир крейсера «Аврора» капитан 1 ранга Михаил Никольский был убит еще во время февральских событий 28 февраля 1917 года, когда аналогичная участь постигла и немало других высших офицеров флота. Во время «стихийных» событий, по за-

Командующий Балтийским флотом контр-адмирал Александр Владимирович Развозов

ранее подготовленному плану, как бы случайно уничтожался цвет русского офицерства. Ведущих большевиков тогда в России еще не было, они сидели в эмиграции.

Справедливости ради здесь следует добавить, что Развозов весьма скоро (в сентябре 1919 года) впал в немилость у большевистских властей, был арестован органами ВЧК, обвинен в военном заговоре, а вскоре (по официальной версии) и умер в больнице тюрьмы «Крестов» из-за отсутствия должного медицинского ухода. Некоторые историки, в частности, **Б. Г. Галенин**, на которого мы неоднократно в этой книге ссылаемся, в целом вполне позитивно отзываются об этом морском военачальнике.

Вахтенный журнал крейсера «Аврора», относящийся к осени 1917 года, был найден в 1937 году при обыске в сейфе одного из арестованных большевистских вождей. В нем отсутствовали (вырваны «с мясом») страницы с записями последних десяти дней октября 1917 года.

Есть предположение, что «Аврора» служила запасным штабом восстания: в случае неудачи и победы Керенского на нее должны были погрузиться и уплыть в сторону Финляндии ведущие большевики, бросив рядовых членов партии на растерзание «буржуазии»[38].

По известному закону бумеранга, или возмездия, который абсолютно неотменимо действует во всех революциях, моряки получили сполна, когда большевики, в чьем приходе к власти они сыграли столь значимую роль, очень скоро, через какие-то несколько лет, выполняя скрытые международные обязательства, ***затопили большую часть русского флота***. За исключением тех немногих кораблей, которые ценой собственной жизни спас капитан 1 ранга **Алексей Михайлович Щастный**, чей расстрел (по сути, именно за это) был инспирирован Троцким и единогласно утвержден «революционным судом» под председательством Свердлова — будущего организатора «преступления века» — убийства Царской семьи.

THE STAFF OF THE ARMY OF THE SOUTH-WESTERN FRONT
Centre, A. I. Goutchkov. *On his right*, Generals Souchomlinov and Scherbatchev
On his left, Generals Balouev, Broussilov, Kaledin, Goutor, Schouvaev and Doukonin
On the footboard, General Elsner

А. И. Гучков с высшими офицерами Юго-Западного фронта. Среди изображенных на фото есть члены военной ложи

В дальнейшем, уже после революции, целый ряд элитных военных сыграл по существу ключевую роль в создании военной машины большевиков — Красной армии. Среди них следует упомянуть, например, **Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича** (родного брата управделами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича), в решающий момент, после отказа Н. Н. Духонина (впоследствии убитого) выполнить распоряжение Совнаркома начать переговоры с немцами, занявшего пост «начштаверха» (начальника штаба верховного главнокомандующего) и умершего своей смертью в 1956 году, благополучно пережив все репрессии. Именно его стараниями был сохранен для новой власти аппарат Ставки.

Далее, весьма заметную роль в революционных событиях и Гражданской войне сыграл такой известный генерал, как **Владимир Андреевич Черемисов**, хорошо знакомый историкам как достаточно одиозная личность.

Генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич

Будучи главнокомандующим армиями Северного фронта, он тайно субсидировал большевистскую газету «Наш путь», открыто не подчинялся Керенскому, запретил отправку войск с фронта в Петроград для подавления Октябрьского переворота. Впоследствии эмигрировал.

Никак нельзя не упомянуть и генерала **Николая Михайловича Потапова.** Знавший Потапова еще с юношеских лет известный деятель партии большевиков М. С. Кедров позднее вспоминал, что «после июльских дней генерал Потапов Н.М., помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)»[39]. После Октябрьской революции Потапов сразу же начал сотрудничать с СНК и 23 ноября (по н. ст. 8 декабря) 1917 года был назначен **начальником Генштаба и управляющим Военным министерством**. С декабря 1917 года — **управляющий делами Наркомвоена**. В июне–сентябре 1918 года — член Высшего военного совета. С лета 1918 года постоянный член, с 4 июня 1919 года — председатель Военного законодательного совета (с апреля 1920 — Совещания) при Реввоенсовете (РВС). (По сути — правая рука Троцкого в деле военного стро-

Военный министр Временного правительства генерал-майор Александр Иванович Верховский

ительства. — *В.С.*) Потапов отличился при большевиках не только как «военспец», но и как незаурядный провокатор. В 1922–1925 годах он участвовал в операции ГПУ «Трест», выступая в качестве якобы «военного руководителя МОЦР» («Монархической организации Центральной России»), дезинформировал руководителей Русского общевоинского союза (РОВС) относительно антисоветских настроений в верхушке РККА. В дальнейшем занимал еще целый ряд высоких военных должностей. При этом удивительно вовремя вышел в отставку — в 1938 году, в разгар репрессий против военных, и спокойно умер своей смертью в 1946 году.

Приведем еще один пример высокопоставленного военного, перешедшего к большевикам и оказавшего им немалую помощь. Это одиознейший **Александр Иванович Верховский**, эсер, который во время февральских событий шествовал с красной лентой через плечо. С 30 августа (12 сентября) 1917 года — военный министр Временного правительства. Пытался убедить Корнилова отказаться от выступления против большевиков, а когда это не удалось, то выступил против него. Объявил Московский военный округ на военном положении, выделил пять полков для нанесения удара по Могилеву, где находилась Ставка верховного главнокомандующего (впрочем, эти действия оказались излишними). По его приказу были арестованы или смещены со своих должностей сторонники Корнилова в Москве, проведены обыски в Московском отделе Союза офицеров армии и флота. Деятельность Верховского на посту министра вызвала резкую критику со стороны многих представителей генералитета. 18 октября (31 октября) 1917 года на заседании Временного правительства **выступил за заключение мира с Германией**, но не получил поддержки остальных членов правительства. На следующий день подал рапорт об отставке. 20 октября (2 ноября) изложил свою позицию в ходе совместного заседания комиссий по обороне и иностранным делам Временного совета Российской республики (Предпарламента). Однако не был поддержан и в Предпарламенте. 21 октября (3 ноября) был уволен в двухнедельный отпуск, что означало фактическую отставку. Это о нем, можно сказать, просто панически и с типичной для него демагогией сожалел Ленин в своем известном письме членам ЦК РСДРП(б) от 24 октября 1917 года: «*Буржуазный натиск корниловцев,* ***удаление Верховского*** *показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии*

и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое ***прогнало Верховского*** *и составило* ***второй корниловский заговор***»[40]. Однако впоследствии Верховский колебался в своем отношении к большевикам и в определенный момент даже выступил против них. Однако уже в ноябре или декабре 1918 года вступил в Красную армию, занимая впоследствии различные высокие должности в ней. В 1922 году был военным экспертом советской делегации на Генуэзской международной конференции. Верховский также отличился в качестве предателя собственных товарищей по партии: в 1922 году был свидетелем на процессе по делу правых эсеров, при этом возражая против публичного использования в суде его показаний, данных в ходе предварительного следствия. Впоследствии — видный военный теоретик, убежденный сторонник профессиональной армии. Расстрелян в 1938 году.

Ну и, наконец, следует непременно упомянуть генерала от инфантерии **Алексея Алексеевича Маниковского**. После разных политических колебаний и связанных с ними перипетий поступил на службу к большевикам. В 1918–1919 годах — начальник Артиллерийского управления, начальник Центрального управления снабжения РККА (1.06 — 14.08.1918). Был постоянным членом Артиллерийского комитета. Во многом именно ему большевики были обязаны созданием своей артиллерии и организацией системы снабжения армии боеприпасами. В январе 1920 года был направлен в командировку в Ташкент; направляясь туда, погиб при крушении поезда.

Это лишь некоторые примеры сотрудничества с большевиками видных генералов царской выучки. Всех вышеперечисленных военных объединяет то, что все они — выходцы из среды Генерального штаба, бывшего, пожалуй, главным гнездом пресловутой военной ложи. Их мотивы — отдельный вопрос. Даже такой бесспорный авторитет в русской военной истории, как **Б. Г. Галенин**,

Генерал от инфантерии Алексей Алексеевич Маниковский

в личном разговоре признавался автору, что ему эти мотивы до конца не ясны.

Отдельная история — это прямое участие немцев в Гражданской войне на стороне большевиков, когда, по некоторым предположениям, немецкие военные были замаскированы, в частности, под пресловутых латышских стрелков[41], которые спасли режим Ленина от гибели в момент левоэсеровского мятежа в июле 1918-го. (Впрочем, по другой версии, сам этот пресловутый «мятеж» был провокацией, являвшейся частью большой сложной игры и спланированной самими большевиками.)

Существует мнение, что в дальнейшем немцы, замаскированные под латышских стрелков, сыграли немалую роль в карательных операциях красных и в боях на фронтах Гражданской войны.

Летом 1916 года во фронтовых частях так называемых латышских стрелков насчитывалось[42] около **11,5 тысячи** человек. В основном это были латыши (10 278 человек), а также эстонцы (402 человека), русские (192 человека), литовцы (174 человека), поляки (128 человек), немцы (25 человек). Из них: добровольцы — 2522 человека, перешедшие из других воинских частей — 6567 человек, мобилизованные — 2318 человек. 4 ноября 1916 года, накануне Митавской операции, латышские стрелковые батальоны были преобразованы в полки, объединенные в две бригады, временно образовав сводную Латышскую стрелковую дивизию. Помимо этого числа, справочные источники указывают на наличие еще запасного латышского полка численностью в **10–15 тысяч человек.** Согласно имеющимся справочным данным, потери «латышей» **в ходе боев 1916 года** против немцев составили примерно **9 тысяч** человек. То есть, по сути, боевое ядро этих частей было уничтожено еще в ходе Первой мировой войны. В то же время уже **к осени 1918 года** в рядах так называемых латышских красных стрелков числилось **24 тысячи человек**. Они служили, в частности, в охране Кремля и в карательных отрядах Красной армии. Из вы-

«Латышские стрелки» под Казанью. 1918 г.

шеизложенного очевидно, что после революции 1917 года состав боевых подразделений «латышей» почти полностью обновился и при этом удвоился. В 1920 году, после победы над Врангелем, ознаменовавшей окончание основной фазы Гражданской войны, латышские части были в большинстве своем распущены, и около двенадцати тысяч человек из рядового состава предпочли уехать из Советской России к себе на родину. Однако служившие на офицерских должностях в основном остались. В дальнейшем они очевидным образом стали жертвами сталинских репрессий против военных накануне Второй мировой войны.

Даже если предположение о решающем немецком участии в пополнении латышских частей является преувеличенным, тот факт, что ядро ударных частей Красной армии (особенно в начале Гражданской войны) составляли инородцы, в общем, не оспаривается серьезными исследователями. Эти части пополнялись как из числа немецких, австрийских, венгерских, хорватских и прочих военнопленных (каковых в России к концу Великой войны насчитывалось примерно **2 млн человек**), так и из числа примерно **40 тысяч китайцев**, которых еще царское правительство наняло для тыловых работ. После революции служба у дружественных Германии большевиков уже не считалась для немцев государственной изменой. А оплата здесь была куда более щедрой. Всего в состав советских войск влилось около **300 тысяч** «интернационалистов», из них **250 тысяч** — бывших пленных. Они составляли **19 процентов** от общей численности Красной Армии»[43]. Именно части Красной армии, составленные из этих так называемых «интернационалистов», чаще всего использовались в качестве карателей, творивших наиболее страшные зверства в ходе Гражданской войны[44].

Из изложенного в этой и предыдущей главах очевидно, что большевики пришли к власти в результате военного переворота и с помощью глобальных денег

международных банкиров. Если бы один из этих двух факторов (участие профессиональных военных, в том числе и прежде всего в высоких чинах и с серьезной спецподготовкой, и огромные внешние финансовые вливания) отсутствовал, никакой Октябрьской революции бы не было. То, что эта революция делалась отнюдь не по лекалам ортодоксального марксизма, было очевидно, в общем, всем, в том числе, например, такому марксистскому доктринеру, как Г. В. Плеханов или даже Мартов. Последний прямо назвал насильственный захват власти большевиками «военным заговором» и, как мы видели, был недалек от истины.

Все эти очевидные реалии — наглядное свидетельство ложности и неуместности известного «позитивного» посыла сегодняшних «новых левых» (в общем, всего лишь повторяющего зады шаблонной пропаганды глухих советских времен) об «исторической неизбежности» революции и «ответственном выборе самого народа». Во всех революциях, вершащихся именем народа, он узнает о своей участи в последнюю очередь.

Можно, конечно, сказать, что приход к власти этих «злодеев-беззаконников» (как сказали бы святые отцы) был попущен Богом за грехи народа, предательство слишком многими (особенно из высших кругов) Бога и Царя. Наверно, это во многом так. Но здесь мы уже выходим из области точных фактов в сферу оценочных суждений, что является предметом очень важного, но все же другого, совсем отдельного разговора.

В короткой статье невозможно осветить все подробно. Мы намеренно обошли то, что хорошо известно хотя бы поверхностно образованным людям. Важно подчеркнуть главное: вся история большевизма и персонально — революционная деятельность Ленина — это последовательный путь измены, в котором он и его соратники руководствовались поистине бесовской ненавистью к православной вере и Царской России. К сожалению, на этом пути они встретили крайне важных помощников из чис-

ла представителей прежних царских элит. О том, как большевики уничтожали Православную Церковь, — в отдельной главе.

Примечания

[1] *Никитин Б.В.* Роковые годы. М.: Айрис-пресс, 2007.

[2] *Фляйшхауэр Ева Ингеборг.* Русская революция. Ленин и Людендорф (1905–1917). М.: Политическая энциклопедия, 2020. В дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте с указанием страницы.

[3] Подробный разбор этой темы см. в предыдущей главе.

[4] *Красин Л.Б.* Письма жене и детям, 1917–1926 // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 87.

[5] Эту тему подробно исследовал, в частности, Б. Г. Галенин в книге «Для победы нужен Царь», к настоящему моменту изданной лишь отдельными частями. См., напр.: *Галенин Б.Г.* Skurk! Генерал А. Н. Куропаткин и русская разведка. М., 2018.

[6] *Дамаскин И.А.* Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М.: Вече, 2008. С. 27.

[7] *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 162.

[8] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Лев Троцкий. Тайны мировой революции. М.: Вече, 2016. С. 143.

[9] Об этом см., напр.: *Галенин Б.Г.* Гибель Императорской гвардии. Первая мировая: https://ruskline.ru/video/2021/07/26gibel_imperatorskoi_gvardii_pervaya_mirovaya_. Его же: Стоход — река, унесшая в Лету Русскую Императорскую Гвардию: https://ruskline.ru/analitika/2015/06/22/stohod_reka_unesshaya_v_letu_russkuyu_imperatorskuyu_gvardiyu.

[10] *Дамаскин И.А.* Указ. соч. С. 24.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 28.

[13] Цит. по: *Барыкин Ю.М.* Большевики. Криминальный путь к власти. М., «Родина». 2025.

[14] Имеем в виду известную статью *Олега Стрижака* «Как царские генералы Октябрьскую революцию делали»: https://ruskline.ru/opp/2017/noyabr/7/kak_ carskie_generaly_oktyabrskuyu_revolyuciyu_delali, в которой приводятся достаточно интересные, хотя при этом явно преувеличенные и искаженные сведения, что отмечает даже сам публикатор — Александр Махотин. Данная работа страдает крайне существенным

недостатком: в ней полностью отсутствует научный аппарат, нет ни одной ссылки, и при этом автор допускает массу неточностей, порой домысливая реальную картину событий в нужном ему ключе. Данное обстоятельство сильно затрудняет использование этой работы в серьезном исследовании.

[15] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. М., 1960. Т. 10. С. 343.

[16] Там же. М., 1968. Т. 12. С. 227.

[17] Там же. Т.11. С. 193.

[18] Там же. М., 1962. Т. 34. С. 265.

[19] **Бланкизм** — левое революционное течение, отдающее приоритет заговорщической деятельности и террору против властей. Названо по имени своего главного идеолога — социалиста-утописта **Луи Огюста Бланки**. Для Бланки сама революция была важнее, чем следующее за ней общественное устройство: уничтожение буржуазного порядка являлось для него самодостаточной целью. Он не верил ни в ведущую роль рабочего класса, ни в народные движения.

[20] **Бакунин Михаил Александрович** — российский революционер, основоположник *социального анархизма,* участник парижского восстания 1848 года. Был выдан австрийским правительством России и выслан в Сибирь. После побега из ссылки был соиздателем журнала А. И. Герцена «Колокол». В 1862–1863 годах принимал участие в польском восстании. Член Первого Интернационала, где по ряду принципиальных вопросов противостоял К. Марксу. (Об этом см. в первой главе настоящей книги.) При этом перевел на русский язык его «Манифест коммунистической партии». Сотрудничал с известным террористом Нечаевым, одним из прототипов персонажа романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Петра Верховенского.

[21] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 34. С. 424.

[22] *Белов Н.* Ленин и его помощники: (https://www.svoboda.org/a/1873278.html).

[23] *Рид Джон.* Десять дней, которые потрясли мир. СПб.: Азбука, 2018.

[24] «Новая жизнь». 1917, 25 октября.

[25] Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. М.: «Вече». 1999. С. 154–155.

[26] Там же, с. 158.

[27] https://www.youtube.com/watch?v=0SMknwzR2Kw

[28] *Барыкин Ю.М.* Большевики. Криминальный путь к власти. М., "Родина". 2025. С.311. Автор ссылается на первоисточник: *Энгл Э., Пааананен Л.* Советско-финская война. С.18.

[29] *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. Т. 1. С. 229.

[30] *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. Т. 1. С. 200.

[31] *Барыкин Ю.М.* Указ соч. С. 313–314. Ссылается на первоисточник: *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. Т. 1. С. 200.

[32] *Спиридович А.И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. М.: Айрис-пресс. 2007. С. 381-382.

[33] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 7. Берлин — Петербург — Москва, 1923. С. 160.

[34] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 144.

[35] Подробнее об этом см., напр., в кн.: *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Революция: западня для России. М.: Вече, 2017. С. 335–350.

[36] *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. М.: "Вече". 1999. С. 171.

[37] Там же, с. 172.

[38] Мы используем эти сведения (в отличие от других), взятые из упомянутой выше статьи О. Стрижака, как явным образом логичные, профессиональные и вызывающие доверие.

[39] От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 174.

[40] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 34. С. 435–436.

[41] Об этом см., напр.:
https://sofya1444.livejournal.com/4592513.html

[42] https://www.youtube.com/watch?v=0SMknwzR2Kw
https://ru.wikipedia.org/wiki/Латышские_стрелки

[43] Об этом упоминает, в частности, Э. Саттон в книге «Уолл-Стрит и большевицкая революция». См. также: *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Указ. соч. С. 177–179.

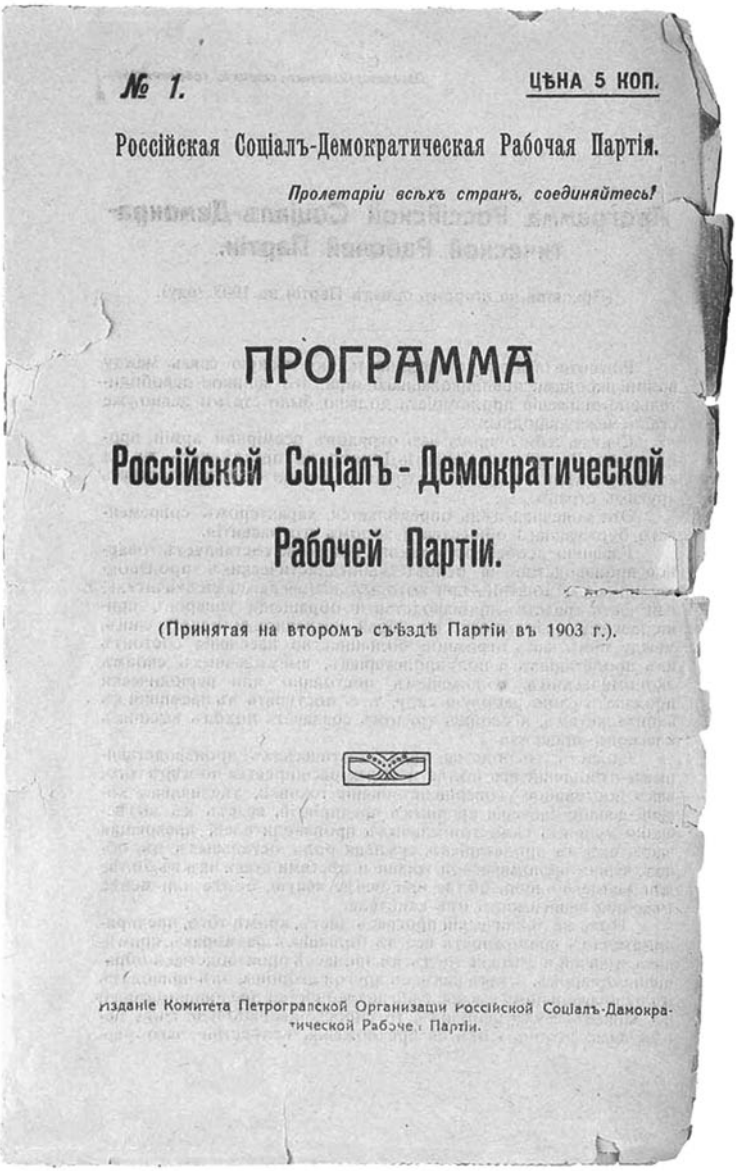
[44] Подробности см., напр., в кн.: *Барыкин Ю. М.* Интернационал приходит к власти. М.: "Профессионал". 2020.

Ленин и национальный вопрос

Корни национальной политики большевиков — в прямом сговоре с врагами России

Порой случается так, что на первый взгляд вполне академические изыскания приобретают вдруг просто кричащую актуальность. Так случилось и с погружением в некоторые аспекты теоретической и практической деятельности Ленина в предреволюционный период, предпринятым нами в последнее время. Поскольку в своей теперь уже знаменитой недавней речи[1], ставшей предисловием к начавшейся ныне войне за Украину, Президент Путин обратился именно к этой теме, совершенно справедливо объявив Ленина и его партию большевиков главными виновниками тех острых проблем в межнациональных отношениях на постсоветском пространстве, последствия которых нам сегодня приходится преодолевать, платя за это немалую цену.

Понимание, представленное в выступлении Президента — абсолютно правильное. Однако, в силу специфики жанра, в нем естественным образом отсутствуют некоторые подробности, нюансы, связанные с дореволюционной деятельностью вождя. На них и хотелось бы сейчас заострить внимание. Во-первых, взгляд Ленина на обозначенную выше проблему носил не только чисто теоретический, но, так сказать, прикладной, ситуативный



№ 1. ЦѢНА 5 КОП.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРОГРАММА

Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

(Принятая на второмъ съѣздѣ Партіи въ 1903 г.).

Изданіе Комитета Петроградской Организации Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Программа РСДРП 1903 года — основной партийный документ, от которого Ленин не раз отступал

характер, связанный с той антироссийской политической игрой, которую он вел. Эту игру следует рассматривать в контексте связей Ленина и его партии с Германией и Австро-Венгрией, точнее, **с их военными спецслужбами**, связей, которые были остро необходимы большевикам для обретения важнейшего союзника на их пути к власти в России, в борьбе против царского самодержавия, то есть, говоря более адекватным политическим языком, против Российской империи. Ленин выступал здесь не просто как идеологический и политический противник империи, но как такой революционер, который вступил в ситуативный союз с военным врагом своей страны, работая за немалые деньги. Как указывают современные исследователи[2], «*пропагандируя право наций на самоопределение в своем толковании, Ленин оказывал эффективное содействие аннексионистским планам генштабов центральных держав и в некоторых стратегически особо важных районах (таких, как Рижская губерния) точно создал ситуацию, которая благоприятствовала их захвату, по крайней мере позволяя обойтись без серьезных боевых действий*» (С. 102).

«Право наций на самоопределение» трактовалось Лениным крайне произвольно, в зависимости от политической конъюнктуры. Именно так он интерпретировал, в частности, **статью 9 программы РСДРП 1903 года**. «Пролетариат», считал он, не обязан поддерживать требования культурной автономии, выдвигаемые поляками, армянами, евреями и др., так как **федералистский принцип национальной автономии** (!) ведет к образованию федеративного *классового* государства. Принцип национальной автономии должен быть подчинен исключительно целям классовой борьбы. В 1903 году Ленин со товарищи еще стремились «сохранить имперское целое при своем революционном правлении», апеллируя к известному положению Маркса о том, что в больших экономических пространствах модернизация идет быстрее, а развитие производительных сил, способствуя появлению развито-

го пролетариата — «могильщика» капитализма, в свою очередь, приближает и «пролетарскую революцию». Таким образом, «довоенный» Ленин (то есть до установления, при посредстве **Гельфанда-Парвуса**, прочных связей со спецслужбами центральных держав) критиковал идею национальной автономии, по сути, «справа» (что весьма неожиданно для того Ленина, которого мы хорошо знаем), полемизируя на эту тему, в частности, с **бундовцами**[3]. Необходимо заметить, что Сталин в своем известном докладе на XII съезде РКП(б) и в других работах по национальному вопросу ни слова не говорит об этом, представляя дело так, будто Ленин всегда был радикальным сторонником «права наций на самоопределение вплоть до отделения», то есть создания независимых государств[4].

Все кардинально изменилось в 1913 году, когда вышеупомянутые связи были установлены. Теперь отказ от централизма в отношении некоторых окраинных народов империи стал необходимым в понимании Ленина **тактическим ходом для удовлетворения завоевательных амбиций его работодателей**. И именно с этих, теперь уже радикально «левых» позиций вождь напал в полемике на **Розу Люксембург** и некоторых меньшевиков, продолжавших в отношении национального вопроса мыслить, так сказать, в традиционно марксистском ключе.

Характерное для Ленина избирательное требование самоопределения народов относилось — вопреки всеобщему лозунгу в программе РСДРП — **исключительно к российским народам, а не к национальным меньшинствам Габсбургской монархии и не к польскому меньшинству Германской империи**.

«*Ленинская политическая эксплуатация права народов российских окраин на отделение готовила — как подтвердили и позиция Ленина во время войны, и его отношения с генштабами центральных держав вплоть до Брестского мира — почву для преждевременного предоставления этого права и в конечном счете почву для*

беспрецедентной сдачи вражеским захватчикам нужных им российских территорий. Это был важнейший, зафиксированный и сохраненный в письменном виде, вклад... деятельности Ленина в успешную восточную экспансию центральных держав» (С. 109).

Пропаганда отделения российских окраин не ограничивалась популистскими трактатами. Чем ближе подступала война, тем ревностнее Ленин в личных разговорах и секретной переписке ратовал за радикализацию социал-демократов российского приграничья и старался вовлечь их в направляемую и контролируемую деятельность. В статье **«Социалистическая революция и право наций на самоопределение»** он прямо писал, что русские социалисты, «не требующие свободы отделения Финляндии, Польши, Украины и пр., и т. д., поступают как шовинисты, как лакеи покрывших себя кровью и грязью империалистских монархий и империалистской буржуазии»[5].

Данная позиция вождя «органично» вписывалась в его общую линию пораженчества. Так, в статье «**Война и российская социал-демократия**» от 1 ноября 1914 года, напечатанной в № 33 газеты «Социал-демократ», он был вполне откровенен в отстаивании своей предательской позиции во время войны России с внешним врагом: «...нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. *Но* ***для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии****...*»[6]

Предательская деятельность большевиков сыграла решающую роль, в частности, в Латвии, где 1 сентября 1917 года вооруженные группы рабочих и солдат, среди которых большевистские агитаторы вели пропаганду на немецкие деньги, встретили немецкие войска на улицах Риги революционными песнями и приветственными залпами! (С. 110.)

То, что Ленин и Троцкий последовательно сдавали фронт немцам, выполняя взятые на себя обязательства, достаточно хорошо известно. Последовательное предательство вождей «мировой революции» было налицо. Однако некоторые крайне интересные детали этой истории не столь известны. Так, например, мало кто знает, что «газета “Новая жизнь”, издававшаяся М. Горьким, была закрыта весной 1918 года за сообщение уже post factum о **секретном заседании в Ставке** 22 декабря 1917 года, происходившем при участии видных большевистских деятелей и **представителей немецкого командования**»[7].

Обычный аргумент необольшевиков здесь таков, что все это была ситуативная игра и отданные территории (в частности, Украину) вернули тогда, когда Германия проиграла войну и уже не могла противодействовать нарушениям большевистским правительством Брестского мира. Однако, как показано в других многочисленных исследованиях[8] (возможно, известных Президенту Путину), и в советские годы, когда перед большевиками стояла задача уже не захвата власти, а лишь укрепления собственного режима, их политика была последовательно антирусской и антиимперской; они последовательно выращивали и поощряли всевозможные националистические течения в национальных республиках, а часто и искусственно создавали эти республики.

По сути, об этом прямо сказал сам Президент, отвечая главе Курчатовского института Михаилу Ковальчуку, который высказался о том, как мысль Ленина управляла Россией. По словам Путина, эта мысль Ленина «привела к развалу Советского Союза... Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там»[9].

Позиция Ленина в вопросах национальной политики в то время, когда большевики уже находились у власти, давая огромные права нацменьшинствам в ущерб

русским, была вполне ясной и недвусмысленной: «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»[10].

Общеизвестна, например, история создания Украины в ее советских границах — государства, которого в таком виде никогда не существовало в истории, когда в состав УССР были включены чисто русские территории Новороссии, исторически входившие в состав Российской империи абсолютно независимо и отдельно от собственно Украины. В письме к Г.К. Орджоникидзе от 14 марта 1918 года Ленин требовал включить Донецко-Криворожскую советскую республику в состав Украины под предлогом улучшения обороны от немцев. Ленин назвал «вредным капризом» попытки некоторых местных большевиков остаться с Россией и тем избежать украинизации:

«Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову (нарком по внутренним делам и просвещению Донецко-Криворожской советской республики) и другим, что, как бы они ни ухитрялись выделить из Украины свою область, она... все равно будет включена в Украину... Межлаук (нарком финансов ДКСР), был в Питере, и он согласился признать Донецкий бассейн автономной частью Украины; Артем (глава ДКСР) также согласен с этим; поэтому упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде».

Как справедливо напоминает **Игорь Друзь**, «впоследствии эти земли оставили в составе УССР, несмотря на то что военные угрозы, под предлогом которых их присоединяли к Украине, давно исчезли. В вопросе передачи Донбасса Сталин был полностью солидарен с Лениным, причем был настроен даже более радикально, изначально собираясь передать Украине еще и Таганрог и ряд других территорий».

Исследователь подробно прослеживает историю «коренизации» национальных и автономных республик, во-

шедших в состав СССР, прежде всего (что сегодня наиболее актуально) на примере той же Украины. Вопреки стереотипам, активно насаждаемым в наше время неосталинистами, никакого противоречия между Лениным и Сталиным в этом вопросе не было, что ярко проявилось прежде всего в решениях XII съезда РКП(б), проходившего в апреле 1923 года. Его резолюция по национальному вопросу базируется в первую очередь на изданной незадолго до этого программной статье Ленина **«К вопросу о национальностях или об "автономизации"»**. В ней вождь, в частности, отмечал свое желание дать огромные автономные права национальным республикам, чтобы «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великороссашовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»[11]. Ленин принципиально подчеркивал, что с точки зрения «пролетарского интернационализма» «равенство наций» означает на деле «неравенство» в пользу малых наций (якобы угнетавшихся при «царизме») за счет «большой нации»[12].

Сталин (хотя в некоторых случаях и критикуемый Лениным за частные «ошибки») старательно поддакивал вождю, постоянно подчеркивая опасность «великорусского шовинизма». Так, например, он недвусмысленно требовал «замены расплывчатого лозунга **о праве наций** на самоопределение ясным революционным лозунгом о праве наций... **на государственное отделение, на *образование самостоятельного государства***»[13]. А в докладе на XII съезде он прямо говорил, что **главная опасность для партии и СССР — это восстановление «единой и неделимой России»**[14]. В резолюции съезда неоднократно обличаются «пережитки великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов. Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление

в виде "новых" сменовеховских великорусско-шовинистских веяний, все более усиливающихся...»[15].

В резолюции лежит на поверхности характерное противоречие. С одной стороны, в ней утверждается, что культуры искусственно выделенных национальных республик ничуть не ниже «великорусской» культуры. С другой — тут же признается, что они, конечно же, ниже, поскольку царизм не давал им развиваться. Беспристрастный анализ показывает, что в действительности Царская Россия активно развивала промышленность окраинных регионов, примером чего может служить хотя бы тот же Донбасс или бакинские нефтяные промыслы. А в культурном плане отсталые горцы и кочевники, по большей части никогда не создававшие своих государств, просто по объективным причинам никак не могли быть на уровне великой русской культуры с ее тысячелетней историей.

Большевистские власти поставили задачей ускоренное развитие окраинных регионов за счет откровенного донорства собственно России: «Преодолеть его (разрыв в развитии) можно лишь путем действенной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния. Помощь эта должна в первую очередь выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения».

В резолюции ни разу не осужден антирусский шовинизм, а вот само слово «шовинизм» использовано в ней... 173 раза! Причем в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о «шовинизме» русских.

Вожди большевизма, сидевшие в Кремле, из Москвы вполне сознательно формировали в национальных и автономных республиках местную элиту, которая не только не отличалась уважением к русскому народу и его традициям, но, напротив, была настроена вполне сепа-

ратистски и при этом полностью зависела от «донорства» Москвы. При этом именно в Москве все время подчеркивали, что большевики строят не унитарное государство (которое для них прочно ассоциировалось с наследием «проклятого царизма»), а «интернациональное» государство принципиально нового типа, состоящее из «равных» национальных республик. Республики эти последовательно подвергались тотальной дерусификации. (Число их все время увеличивалось по воле Сталина и других советских вождей, полностью с ним единомысленных.) Этим республикам часто прирезывались чисто русские территории, которые исторически никогда не имели никакого отношения к той нации, которая объявлялась там «титульной». Иными словами, все национальные республики в СССР (за исключением, быть может, лишь Прибалтики, присоединенной позднее) формировались вполне искусственно. С точки зрения классического марксизма в этом не было никакого смысла, поскольку искусственное дробление территории на все новые мелкие «нации» никак не приближает мировую революцию (поскольку не способствует формированию развитого пролетариата) и даже «построение социализма в отдельно взятой стране». (Классическую марксистскую позицию в этом вопросе занимали как раз меньшевики и деятели II Интернационала, не раз заклейменные Лениным и его соратниками как «оппортунисты».) Между тем процесс носил явно системный и очень упорный характер. Апелляция большевиков к тому, что «угнетенные малые народы» стремятся восставать против поработителей из «больших» наций и потому они «наши союзники», — это типичная политическая прагматика, а отнюдь не следование марксистской доктрине.

Игорь Друзь совершенно справедливо указывает, что «***СССР изначально был создан как рыхлая конфедерация полунезависимых государств, которая не могла существовать мало-мальски длительный по историческим меркам период***. И те неокоммунистические публицисты,

которые ныне пишут о "скрепной" роли большевиков, в период СССР сели бы в тюрьму или в "психушку" за свой "великорусский шовинизм", который был так или иначе наказуем всю советскую историю. При ранних большевиках они получили бы клеймо "сменовеховцев" и запросто могли быть даже расстреляны. "Единая и неделимая Россия", как видим, была одним из самых ненавистных терминов для вождей СССР, по их же собственному признанию».

«Руководство РКП(б), — продолжает исследователь, основываясь на четких фактурных доказательствах, — не "шло на уступки" неким сепаратистам, а само СОЗДАВАЛО мощные группы национал-большевиков, которые в своем развитии НЕИЗБЕЖНО должны были захотеть еще больших полномочий от центра. Союз должны были взорвать местные номенклатурные кланы — и взорвали. И тут невозможно пенять только на Горбачева или на Ельцина с Шеварднадзе: роль этих лиц крайне деструктивна, но ***Советский Союз был "заминирован" изначально, и его создатели это понимали и сознательно конструировали его именно таким образом***».

И здесь уже следует говорить о зависимости большевиков не от центральных держав периода Первой мировой войны, а от более глубинного заказчика и хозяина — от тех, кто был предшественником сегодняшних глобалистов, которым Россия сейчас вынуждена противостоять, принося для этого немалые жертвы.«Глокализация», как известно, — непременный спутник Глобализации.

«Закладка таких "мин замедленного действия" под союзным государством, — говорит Игорь Друзь, — вряд ли может быть объяснена чем-то иным, как **тайными договоренностями советского правительства с главарями "мирового сообщества"**, которые очень сильно помогли легитимации СССР и его индустриализации. Поэтому и заклинания руководителей XII съезда РКП(б) об интернационализме, марксизме и дружбонародности сильно смахивают на современную манипулятивную дема-

гогию вокруг пресловутых банд BLM, финансируемых кланами Уолл-стрит ради уничтожения сообществ белых христиан, подрыва последних очагов традиционализма в западном мире. Согласно идеологии кураторов BLM, титульные нации должны все время каяться за унижение нацменьшинств и платить им, стоя на коленях. Такая же линия проходит через партийные документы РКП(б): "великорусские шовинисты" должны встать на колени перед "угнетенными", "держиморды" обязаны подчиниться "местным товарищам", "жизни нацменьшинств" важны, а "угнетателей" — не очень.

СССР был создан по команде мировой закулисы и по ее же команде расчленен, к чему были созданы все необходимые предпосылки с самого начала. И для понимания этого факта достаточно изучить партийные документы большевиков и речи их вождей».

Примечания

[1] http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/by-date/ 21.02.2022

[2] См., напр.: *Фляйшхауэр Ева Ингеборг*. Русская революция. Ленин и Людендорф (1905–1917). М.: Политическая энциклопедия, 2020. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

[3] Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) (идиш берг Бунд — «союз», полное название — **אַלגעמיינער יידישער אַרבעטערסבונד אין ליטע, פּוילן און רוסלאַנד** (Algemeiner Jiddischer Arbetersbund in Lite, Poiln un Russland) — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века до 40-х гг. XX в. Бунд считал себя единственным представителем интересов достаточно многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса. В идеологическом плане самое многочисленное умеренное крыло партии, с которым полемизировал Ленин, было близко к меньшевикам.

[4] *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 5. С. 181–194, 236–275.

[5] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы. 1962. С. 263. Впервые опубликовано в апреле 1916 г. в журнале Vorbote № 2.

[6] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т.26. 1969. С. 21.

[7] *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 32.

[8] См., напр.: *Друзь И.М.* К годовщине XII съезда РКП(б): как создавался всесоюзный "BLM": https://ronsslav.com/ igor-druz-k-godovshhine-xii-sezda-rkp-b-kak- sozdavalsya- vsesojuznyj-blm/

[9] https://ren.tv/news/politika/73374-putin-lenin-podlozhil-bombu-pod-rossiiu-i-ona-vzorvalas

[10] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 45. 1964. С. 360.

[11] Там же. С. 357.

[12] Там же. С. 359.

[13] *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 53.

[14] Там же. С. 244.

[15] За основу резолюции был взят доклад Сталина, из которого и перетекли в нее основные положения. Поэтому логично, что впоследствии она издавалась под одной обложкой с его сочинениями по национальному вопросу. Текст ее можно найти, напр., в кн.: *Сталин И.В.* О национальных моментах в партийном и государственном строительстве. М.: Партийное издательство, 1933. С. 38–48.

Прорабы коммуны

Как капиталисты «проклятого Запада» создавали советскую промышленность

Надеемся, что вдумчивый читатель уже в достаточной мере осознал: факты, приведенные у нас выше, полностью опровергают заимствованный из марксизма шаблонный тезис, который доминирует как в советских, так и в западных учебниках, с помощью которого внедряется представление о непримиримой враждебности между капитализмом и коммунизмом и вообще левыми течениями. На низовом уровне люди могут придерживаться сколь угодно причудливой и утопической идеологии, принимающей часто вполне мифологические черты. Но всей глубины реальности эта мифология ничуть не объясняет.

Высшие коммунисты, вожди коммунистического движения были теснейшим образом связаны с крупнейшими представителями так называемого капитализма, прежде всего — банковско-финансового капитала, получая от них очень серьезную поддержку. Без финансовой поддержки крупнейших воротил Уолл-стрит, всех этих банкирских семейств, составляющих важнейшую основу того, что И. А. Ильин называл мировой закулисой, никакая революция в России, приход к власти над православной державой сатанинской секты и международной банды большевиков были бы невозможны. Об этой поддержке

и об этих связях мы достаточно сказали в предыдущих главах.

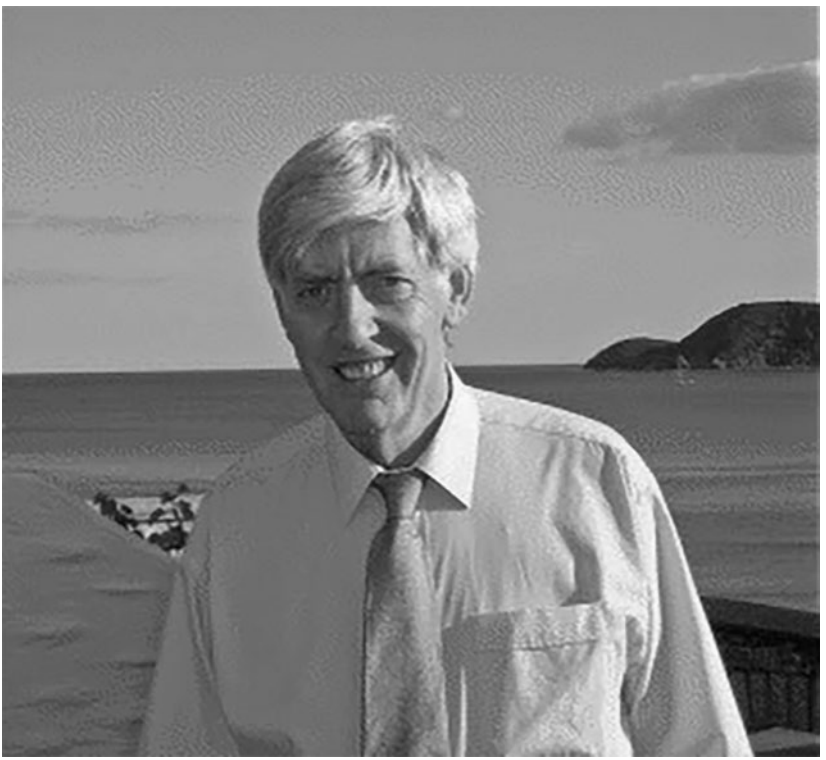
Но точно так же без поддержки западного капитала и западных специалистов была бы невозможна и так называемая индустриализация, построение советской промышленности.

В основанных на строгой фактуре книгах, посвященных мировой закулисной власти, которую Энтони Саттон именует «Орден»[1] (ср. «Синдикат» у **Николаса Хаггера** или «Комитет трехсот» у **Колемана**[2]), этот исследователь демонстрирует основной принцип, главный метод закулисы, с помощью которого она достигает своих далеко идущих политических целей — моделирование и осуществление на практике, создание **управляемого конфликта**, который рано или поздно приводит к большой войне; в результате этой войны в нужную для закулисы сторону меняется политическая конфигурация в мире. Решительно противопоставляя свою позицию расхожим историческим штампам, подменяющим реальную историю искусственной мифологией, он говорит о «*неписаной истории, которая повествует о событиях, совершенно отличных от описанных нашими стерилизованными учебниками. Она повествует* ***о преднамеренном создании войн, сознательном финансировании революций для смены правительств и об использовании конфликтов для установления Нового Мирового Порядка***»[3].

Одновременно предоставляя промышленные технологии (прежде всего двойного назначения) как СССР, так и гитлеровской Германии, ведущие капиталисты Запада, причастные к тайной мировой власти, спровоцировали между ними самую кровавую войну в истории, в итоге которой была создана ООН (то есть достигнута очередная ступень на пути к Новому мировому порядку), а любимое оружие финансовой закулисы, американский доллар, стал главной мировой валютой.

С этой точки зрения глубоко ошибочной является известный и весьма популярный в патриотической публи-

цистике взгляд, согласно которому компрадоры из числа советской элиты в конце 1980-х и в 1990-е годы «предали СССР американцам». Поскольку само создание СССР было бы невозможно без этих самых «американцев», а коммунистическая идеология была всего лишь удобной ширмой, призванной замаскировать подлинные цели данного проекта, управлявшегося в конечном счете извне. В предисловии к упомянутой книге Э. Саттона **П. Тулаев** по этому поводу замечает: «Формируя экономику молодого государства, снабжая его своими технологиями и макроэкономическими моделями, американские бизнесмены смогли направить развитие Советской



Николас Хаггер. Американский исследователь, внесший значительный вклад в дело изучения мировых элит

России в нужное ей (закулисе. — *В.С.*) русло и **курировать ее на протяжении всей истории**. Таким образом, можно считать доказанным, что **проамериканское лобби появилось в России не вчера, не с началом «перестройки». *Оно существовало изначально, ибо само и способствовало появлению СССР***»[4].

Ниже мы представим очень краткий обзор важнейших фактов, касающихся того, как ведущие капиталисты Запада (главным образом США) создавали советскую индустрию.

Опять же вопреки существующим стереотипам этот процесс начался практически сразу же по окончании Гражданской войны, победив в которой большевики окончательно утвердились во власти. Но даже и во время нее позиция западных держав была, говоря мягко, более чем двусмысленной. Игры большевиков с немцами мы отчасти коснулись в предыдущих главах. Но и страны Антанты, включая присоединившихся к ней в последний момент США, вели себя достаточно двусмысленно. Так называемая «интервенция», вопреки известным стереотипам, отнюдь не была направлена против большевистского режима.

В своей книге Саттон упоминает документ, который он называет **«Меморандум Тэчера»**. В этом документе суммируются намерения закулисы в отношении режима большевиков. **Томас Тэчер, член «Траст Рассел» с 1904 года**, был партнером в находившейся на Уолл-стрит адвокатской фирме **«Симпсон, Тэчер и Барлетт»**, которая располагалась по уже известному нам адресу: Бродвей, 120. В 1917 году он побывал в России с миссией Красного Креста. Также вел консультации в Лондоне и Париже, договариваясь с элитами и правительствами этих стран о помощи большевикам.

Так называемый меморандум Тэчера, указывает Саттон, «не только настаивает на признании существующего с трудом советского правительства, которое в 1918 году контролировало только очень небольшую часть России,

но также требует оказания военной помощи Красной армии и осуществления интервенции, чтобы не допустить проникновения японцев в Сибирь, пока большевики не возьмут верх». Тэчер настаивал на ***«оказании всемерной помощи Советскому правительству в его попытках организовать Добровольческую революционную армию»***.

«Это была скрытая политика, принятая в высших кругах, в абсолютной тайне, Соединенными Штатами и, в некоторой степени, некоторыми кругами в Великобритании»[5].

«Когда президент Вудро Вильсон послал войска США для удержания Транссибирской железной дороги, он лично дал секретные инструкции **генералу С. Грейвсу**, — продолжает исследователь. — Тщательное изучение доступных архивов показывает, что ***американская интервенция имела мало общего с антибольшевистской деятельностью***, как это утверждают Советы, Джордж Кеннан и др.».

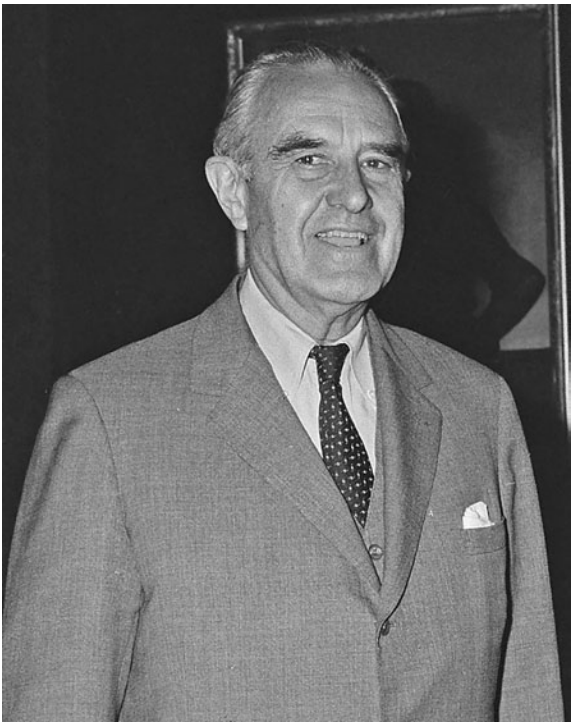
Американские войска захватили Транссибирскую магистраль и удерживали ее до тех пор, пока режим Ленина и Троцкого «не окреп настолько, чтобы ее контролировать». Английская и французская военные миссии в Сибири отмечали необычные действия армии Соединенных Штатов. Имеются данные Госдепа о том, что большевикам поставлялось оружие и снаряжение. ***«И в 1919 году, когда Троцкий публично вступал с антиамериканскими речами, он одновременно просил посла Френсиса направить американские военные инспекционные бригады для обучения новой Советской армии***».

Большевики «были так благодарны за американскую помощь в революции, что в 1920 году, когда последние американские войска уходили из Владивостока,.. **устроили им дружеские проводы**»[6].

После Гражданской войны хозяйство России, захваченной революционерами, находилось в полном развале. Однако промышленный потенциал, созданный в царское время, оставался, просто предприятия не работали.

Поскольку квалифицированные инженеры и менеджеры, необходимые для управления этими предприятиями, были отчасти физически уничтожены в ходе свирепых репрессий, отчасти ушли в эмиграцию, опасаясь, что и с ними произойдет то же самое, новым властям пришлось прибегнуть к помощи иностранцев, перед которыми в силу такой «безальтернативности» открывались здесь огромные возможности.

Сегодня как в России, так и на Западе мало кто знает, что «**"Чейз Нэшнл Бэнк"** (потом слился с **"Бэнк оф Манхеттен"** и стал **"Чейз Манхеттен"**) и **"Эквитебл Траст"** были лидерами в деле **кредитования большевистского режима в 1920-е годы**, когда Госдепартамент запретил



Уильям Аверелл Гарриман — один из главных посредников между советским правительством и ведущими американскими капиталистами

кредиты Советской России. "Чейз" избежал запрета, приняв платину из советских шахт и предоставив кредит на основе этих поставок»[7].

Особую роль в помощи Советской России на раннем этапе существования большевистского режима сыграл небезызвестный **Уильям Аверелл Гарриман**, впоследствии посол США в СССР.

Наш герой родился в семье железнодорожного магната Эдварда Генри Гарримана и Мэри Вильямсон Аверелл. Учился в школе Гротон в Массачусетсе, а затем в Йельском университете, где в 1913 году вступил в закрытое общество «Череп и кости». (Это, собственно, и есть «Траст "Рассел"»).

В 1909 году вместе с братом получил огромное наследство. В 1911 году братья Гарриманы основали банкирский дом **Harriman Brothers & Co**., получивший в 1931 году после объединения с другим крупным нью-йоркским банком наименование **Brown Brothers Harriman & Co**. В 1918–1927 годах — председатель Совета директоров **Union Pacific Railroad**.

Политическую деятельность начал в 1920-х годах в Республиканской партии, но в 1928 году перешел в Демократическую партию. Длительное время был советником президента Рузвельта по финансовым и промышленным делам. В 1937–1939 годах — председатель Совещательного комитета предпринимателей при Департаменте коммерции США.

Последовательно занимал важнейшие государственные посты: посла в СССР (1943–1946); посла в Великобритании (1946); министра торговли (1946–1948); губернатора Нью-Йорка (1955–1958); помощника, затем заместителя госсекретаря (1961–1965); посла по особым поручениям (1961 и 1965–1969).

Именно Гарриман одним из первых иностранцев сделал весьма существенный вклад в возрождение российской (советской) промышленности, занявшись разработкой марганцевых месторождений.

В 1913 году Царская Россия поставляла 52 % мирового экспорта марганца, около 76 % которого, или на 1 млн тонн, добывалось из месторождения **Чиатури** на Кавказе. Добыча в 1920 году равнялась нулю, хотя к 1924 году и поднялась, но лишь до 320 тыс. тонн в год.

12 июля 1925 года было подписано соглашение с **«У. А. Гарриман Компани»** и **«Гаранти Траст»**. Полный текст контракта был опубликован «Высшим советом народного образования» под названием «Соглашение о концессии между правительством СССР и "У. А. Гарриман энд компани" в Нью-Йорке. Москва, 1925 год».

По данным Саттона, по соглашению о концессии с Гарриманом на механизацию шахт и превращение ручного процесса добычи в механический было истрачено около **4 млн долларов**. Были построены горно-обогатительная фабрика, а также погрузочный элеватор в Поти мощностью в **2 млн тонн**; была сконструирована железнодорожная система вместе с воздушным трамваем для перевозки марганцевой руды. Расходы исчислялись приблизительно в **2 млн** на железнодорожную систему и в **1 млн** на механизацию шахт. (Расхождение в 1 млн на совести автора. — *В.С.*)

Председателем Грузинской марганцевой компании, то есть компании Гарримана, действующей на этом участке России, был **Мэтью С. Браш** — подставное лицо «Траст "Рассел"».

Показательно, что расследование Госдепа по деятельности компании Гарримана в нарушение законов США, на тот момент исключавших какую-либо помощь Советской России, было успешно заблокировано. (То есть Госдеп оказался явно слабее закулисной власти!) Саттон приводит подробную переписку на эту тему между заинтересованными сторонами, в результате которой начатое расследование было прекращено[8].

Но и это еще не самое интересное во всей истории. Западные концессии 1920-х годов, в том числе и марганцевые разработки компании Гарримана, были впослед-

ствии просто национализированы. При этом его убедили взять в качестве компенсации 3 млн долларов[9] **в советских денежных знаках**. «Эта советская "компенсация", — пишет Саттон, — фактически **поставила Гарримана в положение человека, дающего первый американский заем России, в нарушение закона Соединенных Штатов, направленного против таких займов**»[10].

Сотрудник Госдепа Джон Б. Стетсон-младший свидетельствовал: «Мистер Гарриман сказал, что им предстоит потерять около 3 миллионов долларов[11], которые они ***спишут как эксперимент***» (!). И при этом в позднейшей статье «От Сталина к Косыгину: мифы и реальность» Гарриман, имея в виду именно описываемый период, выразился в том плане, что его советские партнеры «***весьма аккуратно выполняли свои финансовые обязательства***»![12].

Комментарии излишни. Выражаясь сегодняшним языком, перед нами типичный «договорняк», причем на очень высоком уровне закулисной мировой власти!

На раннем этапе пребывания большевиков у власти внесли свой вклад американские компании и в разработку нефтяных месторождений на территории СССР. Речь идет, разумеется, прежде всего о **бакинских промыслах** — главных на тот момент месторождениях нефти в нашей стране.

Самое важное месторождение в Баку стало разрабатываться в 1870-х годах. В 1900 году оно давало больше сырой нефти, чем в США, а в 1901 году — больше половины сырой нефти, добывавшейся во всем мире. Нефтепромыслы Кавказа пережили революцию и интервенцию без большого структурного ущерба и стали важным фактором в восстановлении советской экономики, производя в стоимостном выражении около 20 % всего экспорта.

Однако к 1923 году бурение новых нефтяных скважин почти прекратилось.

Председатель «Азнефти» **Серебровский** выдвинул программу восстановления в статье в газете «Правда».

В ней он сетовал на отсутствие турбобуров и бурильных молотков для бурения скважин и констатировал, что советская промышленность поставить их не может. Однако выражал надежду, что «как раз в этом американский капитал поддержит нас. Американская фирма **"Интернешнл Барнсдалл Корпорейшн"** представила план.» Она «поставит оборудование, начнет бурение на нефтепромыслах и организует добычу нефти глубинными насосами в техническом плане»[13].

Первая концессия была подписана в октябре 1921 года, а затем в сентябре 1922 года были подписаны еще два соглашения. Предсовнаркома Рыков публично подтверждал, что американцы прибыли в Россию для разработки нефтяных месторождений в Баку (октябрь 1922 года). Саттон в связи с этим указывает на источник: архив Госдепа США, микрокопия **316.107.1167**[14].

Кто же стоял за спиной «**Интернешнл Барнсдалл Корпорейшн**»? В конечном счете — все тот же У. А. Гарриман! Председателем являлся Мэтью С.Браш — подставное лицо «Ордена» («Траст "Рассел"»). Компанией владели «Гаранти Траст», «Ли», «Гарриман Компани» и У. А. Гарриман. «Интернешнл Барнсдалл Корпорейшн» на 75% принадлежала компании «Барнсдалл Корпорейшн» и на 2% — «Х. Майсон Дей».

Николас Хаггер в книге «Синдикат» делает важные уточнения[15], из которых следует, что за спиной Гарримана стоял **клан Рокфеллеров** (что вовсе не удивительно, если помнить, что речь шла о разработках нефти, причем едва ли не самой качественной на тот момент во всем мире, поскольку саудовской нефти на мировом рынке еще не было).

«В 1920 году, — пишет он, — рокфеллеровская **Standard Oil** приобрела у большевиков половину бакинских нефтепромыслов, принадлежавших компании **Nobel Oil Co**. Когда в 1921 году Ленин провозгласил НЭП, в Россию, чья экономика находилась в полном хаосе, вернулись капиталисты. Самое активное участие в этом

процессе приняли Рокфеллеры. Принадлежавший им **Chase Manhattan National Bank** (дальше просто **Chase Manhattan**) в 1922 году организовал американо-российскую торговую палату, где интересы Рокфеллеров представляли **Фрэнк Вандерлип и Гарриманы**. В 1925 году Chase National согласился финансировать экспорт советского сырья в Соединенные Штаты и импорт хлопка и станков в Советский Союз»[16].

«В 1925 году Рокфеллеры (с подачи Сталина. — *В.С.*) получили половину русской нефти, в том числе и бакинские нефтепромыслы (ранее принадлежавшие Ротшильдам). В обмен Рокфеллеры согласились финансировать сталинские пятилетки. Первая пятилетка была профинансирована в 1926 году через принадлежавшую Якобу Шиффу компанию Kuhn, Loeb & Co. Теперь эта компания действовала в интересах Рокфеллеров, а не своих создателей — Ротшильдов. В марте 1926 года принадлежавшая Рокфеллерам компания **Standard Oil of New York** и ее дочерняя фирма **Vacuum Oil Co** предоставили большевикам заем в **75 млн долларов**, купив у советского правительства **800 тыс. тонн сырой нефти и 100 тыс. тонн керосина**, а затем перепродав советскую нефть в Европе. (То есть о благотворительности речь, естественно, не шла. — *В.С.*) В 1927 году Standard Oil of New York построила в России нефтеперерабатывающий завод, с помощью которого большевикам удалось восстановить экономику. В **1928 году** банк **Chase National *продавал в США облигации большевиков***, что помогло собрать деньги на поддержание сталинского режима»[17]. Напомним, что законы, запрещавшие экономическую помощь советскому режиму, были отменены в США лишь в 1933 году, уже при президенте Франклине Рузвельте! Надо ли здесь лишний раз напоминать, что уже тогда отнюдь не официальные органы власти управляли Америкой и ее глубинными международными связями!

Главной целью Рокфеллеров, как и ранее Ротшильдов и других участников создания ФРС, было подчинение

своему финансовому контролю ведущих экономик мира. Ибо параллельно с накачиванием технологиями СССР и нацистской Германии (что было необходимо для организации глобального мирового конфликта) происходило создание в ведущих государствах **центральных банков** — ключевого финансового рычага закулисы. С определенного момента кредиты не предоставлялись тем странам, в которых не были созданы центральные банки, которые затем передавались под контроль «главных» влиятельных банкиров. Все происходило строго по Марксу (см. главу 1).

Бросим очень беглый взгляд на другие американские компании, внесшие свой немалый вклад в создание советской индустрии.

Одна из них — фирма **«Боинг Эйркрафт»** (председатель Совета — **Т. У. Уилсон**, член Трехсторонней комиссии).

«В 1930-х годах "Боинг" оказывал техническую помощь растущей советской авиации. Советский четырехмоторный бомбардировщик ТУ-4 был копией Боинга Б-29, и его производство смогли наладить только с помощью США.

Еще одним примером является **"Юниверсал Ойл продактс"**, впоследствии — дочерняя фирма **"Сигнал Ойл Компани"**. В 1932 году фирма имела контакты с СССР по строительству **гидрогенных заводов**, которые имели жизненно важное значение для военных целей.

До 1938 года советская промышленность была неспособна производить бензин с октановым числом 87–94 для использования в авиации. Гидрогенные заводы, построенные фирмой ЮОП, превращали бензин 85, полученный в Саратове и Грозном, в авиационный бензин с октановым числом 95.

Еще одним примером является **"Ингерсолл-Рэнд"**, которая была представлена в СССР **Армандом Хаммером** (бывшим председателем **"Оксидентал Петролеум Корпорейшн"**) еще в 1918 году. В то время как его отец,

Советский бомбардировщик ТУ-4, скопированный с американского Боинга Б-29. Принят на вооружение во второй половине 1940-х годов.

Джулиус Хаммер, был секретарем компартии США, "Ингерсолл-Ранд" стала первым продавцом технологии в СССР»[18].

Однако все это была всего лишь своего рода прелюдия (хотя и очень важная) к тому расцвету советско-американского сотрудничества в деле индустриализации, который начался с конца 1920-х годов. Здесь следует, конечно, в первую очередь упомянуть **Архитектурное бюро Альберта Кана**[19], которое (наряду, разумеется, с учившимися у этих американцев и выполнявшими основной массив тяжелых строительных работ советскими инженерами и рабочими) в значительной степени и является «автором» пресловутого советского «экономического чуда», так называемой сталинской индустриализации.

Ученик Генри Форда Альберт Кан (1869–1942) совершил настоящую революцию в промышленном строительстве. Он применил фордовскую конвейерную систему к промышленной архитектуре и строительству. Весь привычный нам облик промышленных объектов XX века, по

сути, создан им. В основе лежал принципиальный минимализм, ничего лишнего. Кан превратил промышленную архитектуру из сложной творческой задачи в задачу чисто техническую, типовую, поставленную на конвейер. Проектирование и строительство зданий стало в его системе своего рода промышленным производством.

Фото 5. Альберт Кан — главный архитектор «сталинской индустриализации»

Если раньше на проектирование завода уходил год, то теперь начать строительство можно было уже через месяц после заказа. Пока «дорисовывался» проект, уже начинали рыть котлован, панели и блоки заказывались у подрядчиков. Рабочие, инженеры и строительная техника сходились вместе на точке сборки завода, как части наполеоновской армии на поле боя. Механизм работал слаженно и четко. Решительно все — от ферм перекрытий до дверных ручек — подверглось стандартизации.

Части будущего завода можно было «выбрать по каталогу», а сам завод «собрать как конструктор». В итоге бюро Кана экономило на административных расходах, издержках и производственном процессе, скорость которого возрастала в несколько раз. Строительство превращалось в монтаж. Свои принципы он позднее распространил и на возведение зданий социальной архитектуры — больниц, школ, магазинов и т.д. Именно Кан является одним из главных создателей Детройта — промышленного города, где собирались автомобили Генри Форда.

Лидеры большевистской партии пристально присматривались к американским новациям в сфере организации труда. В их основе лежал строгий расчет пространства, сил и времени для того, чтобы рабочий был максимально эффективным. И хотя, с одной стороны, Ленин называл подобную систему «научной системой выжимания пота», антигуманной и «системой порабощения человека машиной», с другой стороны, тот же Ленин призывал «учиться у американцев».

После того как спустя десять с небольшим лет большевистского правления в России стало ясно, что страна в своем техническом и промышленном развитии отброшена на десятилетия назад, казалось, навсегда отстав от передовых стран Запада, опыт Кана и Форда был востребован для нужд индустриализации уже при Сталине. Поэтому еще при правительстве Рыкова в 1929 году советская делегация во главе с М. М. Литвиновым[20] отправилась за океан просить помощи у проклятых капиталистов. Поскольку в Америке в это время бушевала Великая депрессия[21], то для наших заклятых друзей советский заказ стал настоящей панацеей. И вскоре в западном направлении из СССР вновь оправились потоки разнообразных ценностей для оплаты столь нужного судьбоносного заказа.

Кан стал одним из главных «архитекторов» советской индустриализации, позволившей буквально за десятилетие с небольшим поднять из руин промышлен-

ность, разрушенную революцией. Пробным проектом, осуществленным его Архитектурным бюро, стал **Сталинградский тракторный завод**, как и большинство подобных советских объектов того времени — предприятие двойного назначения (от производства тракторов было легко в случае необходимости перейти к строительству танков). Бюро Кана брало на себя обязанности не только проектировщика, но и генерального подрядчика строительства и поставщика оборудования. Поскольку в СССР не было промышленности, способной изготовить необходимые «части» завода, то весь завод «под ключ» произвели в США. За полгода Сталинградский тракторный был спроектирован, изготовлен, доставлен морем в СССР и собран в необходимом месте. Советский «менеджмент» был в шоке от подобных темпов строительства, поэтому сразу же — в феврале 1930 года — Альберту Кану предложили новый контракт. В его рамках бюро Кана становилось главным консультантом советского правительства

Сталинградский тракторный завод — первое детище Альберта Кана в СССР

по промышленному строительству. Теперь от американцев требовалось построить «большую группу заводов». Стоимость контракта составляла 2 млрд долларов (или 250 млрд в современных ценах). В 1930 году в Москву прибыл «филиал» бюро Кана: 25 американских инженеров во главе с Морисом Каном. Если в головном офисе в Детройте, который также был задействован в проектировочных работах, трудилось около 400 человек, то в московском «Госпроектстрое-1», созданном специально под команду Кана, работали 1500 человек. На тот момент «московский офис Кана» был самым крупным архитектурным бюро мира. За три года работы через него прошло около 4 тыс. молодых советских специалистов.

Сам Кан сильно недоумевал от такой текучки кадров, а для советских товарищей это был просто способ обучить необходимым навыкам профессии достаточное количество молодых специалистов. Его бюро использовалось советским руководством и как своего рода учебное заведение для «повышения квалификации».

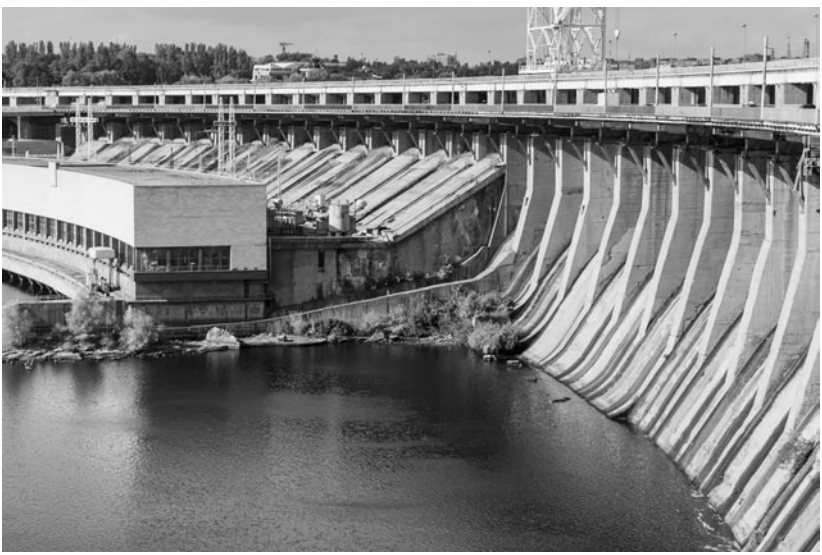
За **три года** бюро Альберта Кана в Москве спроектировало и построило **521 объект.** Это треть всех предприятий, построенных в СССР в годы первой пятилетки. Причем речь идет о наиболее крупных и сложных предприятиях — ядре новой советской промышленности. Были возведены тракторные и танковые заводы, станкостроительные, прокатные станы, литейные и автомобильные заводы, авиационные, алюминиевые, химические, ткацкие фабрики, предприятия по производству сопутствующих товаров (посуда, консервы), вся шарикоподшипниковая промышленность СССР была создана с нуля. География — весь Советский Союз.

Однако вскоре в печати началась спланированная кампания против Кана; его обвинили в «хлестаковщине», и вскоре контракт с ним был разорван. Обычная большевистская практика: использованное орудие просто выбрасывается. Поскольку слова «кидалово» тогда, видимо,

еще не существовало, это можно обозначить просто как революционно-классовый подход.

Многие русские инженеры, работавшие в московском бюро Альберта Кана, оказались обвинены в шпионаже и репрессированы. После травли была дана команда на замалчивание. Сотрудничества с американцами отныне не существовало, будто никогда и не было на советской земле никакого Альберта Кана. Хотя еще в 1932 году в фундаментальном труде «Фабрично-заводская архитектура» каждая страница пестрит ссылками на «американский опыт».

К созданию советской индустрии приложили руку и другие зарубежные специалисты, в основном американские. Так, знаменитый Днепрогэс был детищем выдающегося военного гидроинженера **Хью Линкольна Купера;** Горьковский автомобильный завод — **Генри**



Одно из главных «промышленных чудес» сталинского СССР — знаменитый Днепрогэс, построенный под руководством группы американских специалистов во главе с военным инженером полковником Хью Линкольном Купером

Форда[22], чье имя не нуждается ни в каких рекомендациях, а Магнитогорский металлургический комбинат был построен при помощи американской **«Макки-компани» из Кливленда**. Все эти промышленные гиганты активно функционируют до сих пор, будучи системообразующими элементами и современной российской или, например, украинской индустрии.

Особо следует упомянуть также выдающегося немецкого архитектора **Эрнста Мэя** (1886–1970), произведшего настоящую революцию в сфере жилищного строительства в СССР. Ее суть подобна тому, что сделал Кан в сфере промышленного строительства. Именно Мэй стал родоначальником столь знакомого нам сегодня блочного строительства, полностью отказавшись от кирпичной кладки и начав возводить жилые дома и другие объекты социальной инфраструктуры из блоков, изготовленных конвейерным способом на заводе.

Технология Мэя — это модификация идей конвейерного промышленного производства в области градостроительства. Такой подход позволял кардинально сократить

Немецкий градостроитель Эрнст Мэй — один из творцов «сталинской» индустриализации

расходы на строительство, существенно увеличить его темпы и давал возможность применения стандартных планировочных решений для проектирования отельных районов и целых городов. «Проектирование» заменялось конструированием, а проектно-строительная документация изготавливалась на основе стандартных планировочных решений.

Всего в страну из-за рубежа было привлечено около двухсот высококлассных архитекторов и инженеров сферы гражданского строительства. Среди них такие специалисты с мировым именем, как **Х. Майер, Б. Таут, К. Майер, М. Стам, Х. Шмидт** и др.

31 мая 1929 года в Дирборне (США) было подписано соглашение между Ford Motor Company и ВСНХ. Главной целью контракта были организация и налаживание массового производства грузовых и легковых автомобилей. По этому договору Автострой получал от Ford Motor Company техническую помощь в виде планов, патентов, чертежей, необходимых для постройки и пуска нового завода, а также право на изготовление у себя моделей Ford и ежегодное обучение в США пятидесяти инженеров, техников и мастеров (реальное число прошедших обучение, как и в случае с архитектурным бюро А. Кана, было намного большим). В итоге ГАЗ-А очень напоминал оригинал — Ford модели А, а ГАЗ-М1 — Ford модели В.

Всего в период с 1923 по 1933 год в отраслях тяжелой промышленности с зарубежными фирмами заключено 170 договоров на техническую помощь.

Массовый характер носили и закупки за рубежом оборудования и материалов.

Постановление «О заказах в Америке» от 30 января 1930 года утверждается лично Сталиным. Изложенная в нем программа заказов включала:

1. Трактора — на сумму $ 52 млн.
2. Комбайны — на сумму $ 15 млн.
3. Запчасти и прицепной инвентарь — на сумму $ 15 млн.

4. Спецоборудование для нефтяной промышленности (крекинги, буровые станки, компрессоры, буровой инструмент) — на сумму $ 20 млн.
5. Около 360 т готовых железных конструкций — на сумму $ 10 млн.
6. Около 640 тыс. т железа (фасонное железо, спецсталь, трубы и проч.) — на сумму $ 26 млн.
7. Спецоборудование для Челябинского и Харьковского тракторных заводов, Нижегородского автомобильного завода и для металлургических заводов в Магнитогорске, Запорожье и Кузнецке — всего на сумму $ 62 млн.

Итого — $ 200 млн.

При этом **в Постановлении строжайше запрещалось вести переговоры о поставках с правительством и другими госорганами США, а только с частными фирмами-подрядчиками.** Что понятно, поскольку в США на тот момент еще действовали законы, запрещающие оказывать какую-либо помощь СССР[23].

Немалую роль в становлении советской индустрии (в основном предприятий двойного назначения) сыграли также европейские технологии.

Таким образом, именно американские и западноевропейские технологии, за которые большевики расплачивались за счет ограбления всей страны, прежде всего крестьянства, не считаясь ни с какими жертвами, легли в основу так называемого «советского промышленного чуда».

Как видим, со стороны представителей крупного капитала, базировавшихся в США, имела место помощь как Германии, так и СССР. В начавшейся вскоре войне между ними главными бенефициарами стали банкиры Уолл-стрит, сумевшие после войны сделать свой доллар главной мировой валютой. Именно они, будучи тесно сращенными с разведчиками и весьма специфическими политиками, смоделировали, спланировали и косвенно разожгли

Хью Линкольн Купер на фоне своего детища

этот глобальный мировой конфликт (о чем, в частности, подробно говорит **Энтони Саттон**, на которого мы не раз уже ссылались).

В качестве своего рода итога всего сюжета можно привести цитату из доклада посла Гарримана в Москве Госдепартаменту от 30 июня 1944 года: «**Сталин** воздал должное за помощь, оказанную Соединенными Штатами советской промышленности до и во время войны. Он сказал, что ***около двух третей всех промышленных предприятий в Советском Союзе были построены с помощью Соединенных Штатов или при их содействии***» (оригинал доклада в Госдепе США, **файл 033. 111**)[24].

Понятно, что оставшаяся треть приходится на немцев, чехов, итальянцев и других «друзей СССР» с Запада.

Примечания

[1] Саттон и **Николас Хаггер** указывают, что название данной закулисной «масоноподобной» организации, объединившей целый ряд влиятельных западных элитариев, — «Траст “Рассел”».

[2] *Колеман Джон.* Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2016.

[3] *Саттон Энтони.* Как Орден организует войны и революции. М., 1995. С. 26–27.

[4] Там же. С. 4.

[5] Там же. С. 54–55.

[6] Там же. С. 56–57. Как известно, большевики заняли Владивосток не в 1920, а в 1922 году. Видимо, «дружеские проводы» американцам были устроены в другом месте.

[7] *Саттон Энтони.* Иллюзия выбора. Кто управляет Америкой. М.: Родина, 2021. С. 124.

[8] Как Орден организует... С. 67–72.

[9] В русский перевод вкралась ошибка: 3 млрд. В английском оригинале речь идет о $ 3 млн.

[10] Там же. С. 39.

[11] В русском переводе та же ошибка, что и несколькими строками выше: 3 млрд долларов.

[12] Журнал Look от 3 октября 1967 г.

[13] Правда. 1922. 21 сентября.

[14] Как Орден организует... С. 65.

[15] *Хаггер Николас.* Синдикат. М.: Алгоритм, 2017.

[16] *Хаггер Николас.* Указ соч. С. 34–35.

[17] Там же.

[18] *Саттон Энтони.* Иллюзия выбора... С. 125.

[19] https://news.rambler.ru/other/44009000-kak-albert-kan-postroil-sovetskuyu-promyshlennost/
Меерович М., Хмельницкий Д. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1.

[20] О нем более подробно см. в первой главе.

[21] По мнению ряда экономистов, в частности **В. Ю. Катасонова**, во многом спровоцированная спекулятивной игрой на бирже «хозяев денег».

[22] Хотя бы поэтому некоторые сегодняшние спекуляции на имени Генри Форда, про которого говорят, что его участие в помощи также и нацистской Германии (что правда) объясняется якобы его «антисемитизмом», ни с какой стороны не выдерживают самой снисходительной критики. Что касается якобы антисемитских убеждений этого великого промышленника, то данные инсинуации базируются на том факте, что Форд в свое время активно противостоял засилью банковско-финансовой олигархии, уже тогда хорошо понимая, что излишняя зависимость от «хозяев денег» в перспективе станет путем к деиндустриализации, остановке реального сектора экономики. Сегодня уже всем очевидно, что данный процесс носит общемировой характер, далеко выходя за пределы США. Здесь Форд проявил немалую проницательность!

[23] Данные взяты из книги: *Галушка Александр, Ниязметов Артур, Окулов Максим.* Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2021.

[24] Как Орден организует... С. 40.

Гонения на Церковь в Советской России: подлинная картина

Для уничтожения храмов взрывчатки не жалели...

Теория

В свое время нам уже пришлось достаточно подробно прокомментировать некоторые стереотипные предрассудки неосоветского сознания, касающиеся важней-

ших разделов истории России, в частности связанных с эпохой правления нашего святого Царя-Мученика Николая Александровича, чье злодейское убийство положило начало «красному террору», унесшему в последующие десятилетия миллионы жизней лучших русских людей. Как представляется, мы весьма доказательно разобрали полнейшую ложность и несостоятельность этих стереотипов, в очередной раз показав, что Царская Россия была могучим, процветающим государством, для которого революция стала срывом, а не подъемом, и лишь беспощадная и очень затратная эксплуатация традиционных ресурсов и энергий исторической России обусловила, в свою очередь, достижения последующего, советского периода. (Данные материалы см. в следующих главах книги.)

Теперь пришло время поговорить и о других стереотипах. Ибо необольшевики наших дней, что уже без тени смущения порой заявляют о своей внутренней, моральной готовности к новым репрессиям, склонны отрицать не только очевидные факты, связанные с достижениями традиционной, исторической России, но и не менее очевидные факты, связанные с эпохой богоборческого террора. Однако даже и это можно делать более или менее тонко, а можно буквально в лоб, с упорством, достойным лучшего применения, подставляясь буквально по каждому пункту своих наукообразных построений. Ярким примером такого рода является статья Н.Сапелкина «Церковь и революция»[1], в которой автор, по сути, отрицает тот очевидный для серьезных историков факт, что преследование религии и Церкви со стороны богоборческого большевистского режима носило **сознательный, планомерный и системный характер**.

Статья имеет подзаголовок «Двенадцать устойчивых и опасных мифов о Русской православной церкви в XX веке». Между тем сам автор выступает как самый типичный мифотворец. Поскольку любое изложение имеет свою собственную логику, мы не станем комментировать

все пункты, в которых Сапелкин перечисляет те ложные «мифы», с которыми он борется, а постараемся вычленить в его статье, так сказать краеугольные камни, на которых зиждется его попытка обеления большевиков и их террора против Православия и Церкви. При этом мы, разумеется, не станем действовать в стиле самого Сапелкина, пытаясь своими словами сформулировать ту позицию, которая якобы присуща оппоненту, а предоставим слово ему самому (как это и положено делать в корректной полемике). Вот, например, что он пишет о ключевом декрете новой власти — об отделении Церкви от государства и школы от Церкви.

«*Задолго до 1917-го* ***внутри Церкви звучали голоса о необходимости избавиться от того подчиненного положения, которое сложилось в синодальный период*** *управления Церковью со стороны государства.* ***Большевики выполнили чаяния Церкви***, ***заявив, что религия является частным делом гражданина и что Церковь свободна в устроении своей жизни в соответствии с российским законодательством****. При этом государство отказывалось финансировать Церковь <...> В этих условиях наиболее разумные священники, помнящие о своем христианском пастырском долге, продолжили работать на приходах со своей паствой. И это позволило им иметь некий доход для того, чтобы пусть и не богато, но достойно жить. Но среди священнослужителей, как и во всех слоях общества тогда, были и политиканы. Они предпочли решать вопрос финансирования по-другому и начали: кто* ***давить на власть протестными крестными ходами, кто активно искать выходы на представителей новой власти****<...> Издав Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, государство сложило с себя ответственность за деятельность священнослужителей и священноначалия.* ***Государство интересовали лишь лояльность этих людей и их поведение*** (?!). *У советского государства были основания подозревать некоторых архиереев в работе на иностранные спецслужбы, полагая,*

что завербованы они были еще до начала Первой мировой войны».

Какие там голоса звучали внутри Церкви и как поплатились сами архиереи и священники, на протяжении долгого времени желавшие избавиться от «опеки» со стороны православной монархии, получив в ответ на свои «чаяния» свирепый репрессивный режим, — это вопрос совершенно отдельный, к которому мы когда-нибудь обратимся. Сейчас нужно разобраться с самим большевистским декретом. Был ли он на самом деле реализацией идеи европейской «светскости» государства или же обоснованием жестоких гонений?

Внимательное, беспристрастное изучение декрета, принятого СНК 20 января 1918 года и опубликованного в «Известиях» 23 января, показывает, что под маской светскости в нем таилось нечто совершенно иное. Для того чтобы убедиться в этом, нужно от общих слов перейти к конкретному анализу. Им занимается целый ряд исследователей, в частности **дьякон Владимир Степанов (Русак)**, автор трехтомной монографии **«Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе»**. Так, например, он и другие авторы указывают, что в декрете, помимо прочего, «были такие положения, которые вообще не стояли в неразрывной связи с его основными началами. Это такие пункты, как запрещение церковным религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация ***всего*** церковного имущества.

Этих ограничений не знает ни одно соответствующее законодательство европейских государств. **Не знает его даже самый радикальный закон об отделении Церкви от государства — французский 1905 года.** Он только ограничивал право церковных учреждений накоплять капиталы, но самого права владеть имуществом их не лишал, равно как не лишал и других прав юридического лица»[2]. Дьякон Владимир Русак поясняет, что французский закон 1905 года лишал церковные учреждения только тех

имуществ, которые **были получены ими от государства** (при том, что **государство во Франции к тому моменту уже более ста лет было светским**, в отличие от России), но собственно церковных не тронуло и передало их культовым ассоциациям — юридически преемникам прежних церковных учреждений.

«Не вытекают отмеченные ограничения большевистского декрета и из того принципа, что религия есть частное дело граждан. Частные общества ведь имеют право юридического лица, владеют собственностью»[3].

Крайне важно и то, что в новом декрете **не устанавливалось никакого переходного периода между старым и новым способом существования Церкви**. (В то время как, добавим, в той же либерально-масонской Франции таким переходом был, по сути, **весь XIX век**.) Там закон об отделении Церкви от государства, например, назначал пенсии всем духовным лицам, получавшим раньше жалованье из казны. Тот же закон, передавая государству жилые церковные здания, предоставлял пятилетний срок бесплатного пользования ими старым владельцам. У нас же распоряжением власти от 20 января 1918 года предписывалось немедленное прекращение государственных ассигнований в пользу Церкви, с выдачей содержания священнослужителям лишь **за месяц вперед**.

Однако главное здесь заключается в том, что декрет, при своей небывалой в истории революционности, **не делал никаких указаний и о порядке осуществления нового закона**, и в этом все дело. Церкви не оставлялось вообще никакой возможности и никакого времени, чтобы «перестроиться» в соответствии с требованиями новой власти.

Неясно было все. Например, вопрос о духовном образовании. Запрещалось обучение религии в школах. Но на каких основаниях могло теперь существовать специальное богословское образование, если принять в соображение факт изъятия из ведения Церкви всех ее бывших школ, в том числе и специальных? И т. д. и т. п.

Как же осуществлялся декрет на практике? Восьмой отдел Наркомюста по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства назывался **ликвидационным**. При этом инструкция о порядке осуществления декрета была утверждена лишь **24 августа 1918 года**, а до этого практическая работа строилась на основе чистейшего правового произвола и беззакония. Руководил отделом ученик и соратник Ленина, живший с ним еще в красноярской ссылке, ярый антицерковник, зам. наркома юстиции **П. А. Красиков**, бывший на начальном этапе главным идеологом и организатором погрома Церкви в молодой советской республике.

Ему принадлежат, в частности, следующие вполне недвусмысленные размышления: «**Мы *разбили и уничтожили*** *в октябре всю старую государственную машину, мы уничтожили старую армию, старые суды, школы, административные и другие учреждения и создаем свои, новые... Однако оказывается, что, сломав всю старую машину классового угнетения тружеников, всю эту помещичью жандармерию и т. д., мы Церковь, которая составляет часть этой старой эксплуататорской машины,* ***не уничтожили***. *Мы лишь лишили ее государственного содержания, государственной власти. Но все же этот обломок старой государственной помещичье-капиталистической машины сохранился, существуют эти десятки тысяч священников, монахов, митрополитов, архиереев. Почему же с такой не заслуженной ею осторожностью отнеслась советская власть к этому обломку старой машины*?»[4] Вот вам и «отделение Церкви от государства»! Как там изящно формулирует Сапелкин? «Большевики выполнили чаяния Церкви»? Ну-ну...

Эта позиция Красикова не была только его личным мнением, но **выражала подход, типичный для партии в целом**. Например, достаточно широко известен целый ряд высказываний самого Ленина на тему фундаментальной несовместимости религии, и особенно православного христианства, и большевизма, революции.

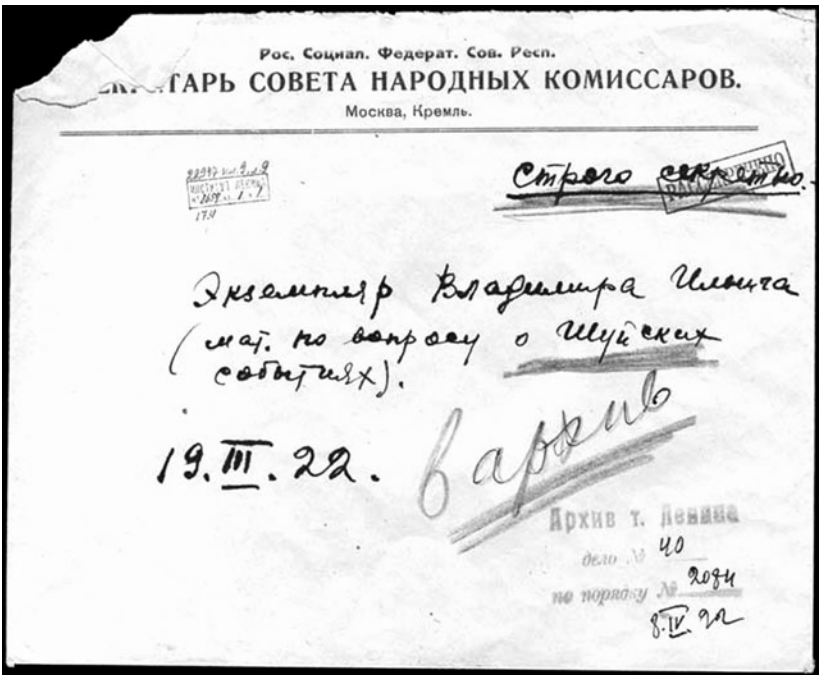
Ленин считал религию одной из самых гнусных вещей на свете. Еще в письме к Горькому в середине ноября 1913 года он написал свои теперь знаменитые строки: «***Всякий боженька есть труположество****... всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная "зараза"*». Самые страшные грехи, с точки зрения Ленина, не столь «гнусны», как религиозные устремления сознания: «*Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой (?) и потому гораздо менее опасны, чем такая, духовная, приодетая в самые нарядные идейные костюмы идея боженьки*»[5]. Хрестоматийными являются также претензии вождя к Л. Н. Толстому за его якобы «стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, то есть культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины» (ПСС. Т. 17. С. 209–210). То есть **отнюдь не погрязший в мирских грехах клир является фундаментальным врагом Ленина, а сама религия, сама вера как таковая**. Принципиальная вражда к любой традиционной религии, и особенно к Православию, была не ситуативным всплеском неконтролируемых эмоций, а самым что ни на есть фундаментальным принципом, который Ленин исповедовал всю сознательную жизнь, например, в статье «Об отношении рабочей партии к религии»: «*Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма, и, следовательно, марксизма*» (17, 418). Как справедливо констатирует А. Г. Латышев, стремление Ленина к разрушению своего главного врага — Православной Церкви проводилось им в жизнь с ни с чем не сравнимой жестокостью и бескомпромиссностью[6]. Вождь не жалел самых жестких негативных эпитетов, чтобы хулить Православие, которое, например, называл «полицейской религией», а Церковь — «ведомством полицейско-казенного пра-

вославия». Служителей ее он причислял к «подлому сословию», архиереев называл «крепостниками в рясах», а деревенских священников — «урядниками казенного православия».

При этом к другим религиям и конфессиям отношение Ленина было, конечно, тоже негативным, но не до такой степени, как к Православной Церкви. А вот к сектам Ильич был склонен относиться несколько иначе, довольно прагматично. Так, еще в 1897 году он писал, что в борьбе с самодержавием «*рядом с пролетариатом стоят... и оппозиционно настроенные элементы... преследуемых абсолютизмом... религий и сект*». И советовал воспитывать в рядах социал-демократии таких политических руководителей, которые умели бы в нужную минуту «*продиктовать положительную программу действий*» «*и возмущенным сектантам*» (5, 398).

Здесь необходимо сразу пояснить, какой смысл мы вслед за авторитетными историками — специалистами по излагаемой теме вкладываем в понятие «гонения». Это отнюдь не только закрытие храмов и физическое истребление православных людей — клириков и мирян (ему мы при дальнейшем изложении уделим главное внимание). Как справедливо указывает А. Г. Латышев, «Ленин явился прямым инициатором четырех массовых кампаний, направленных против православия. **Первая** — ноябрь 1917 года — 1919 год: начало закрытия монастырей, некоторых храмов, реквизиция их имущества, лишение Церкви прав юридического лица и др. **Вторая** — 1919–1920 годы: вскрытие святых мощей, лишение духовенства политических прав. **Третья** — начиная с конца 1920 года: раскол Православной Церкви, ее "разложение" изнутри. И **четвертая** — с начала 1922 года: разграбление, или, употребляя ленинский термин, "очищение" всех церквей и расстрел при этом максимального числа священнослужителей»[7].

Надо сказать, что все приведенные выше высказывания вождя меркнут по сравнению со знаменитым


Рос. Социал. Федерат. Сов. Респ.
ГАРЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.
Москва, Кремль.
Строго секретно
Экземпляр Владимира Ильича
(маг. по вопросу о Шуйских
событиях).
19. III. 22.
в архив
Архив т. Ленина
дело № 40
по порядку № 2084
8. IV. 22

Автограф Ленина на втором экземпляре письма к Молотову

письмом Ленина к Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года.

В современной необольшевистской среде бытует мнение[8] о том, что данный документ является подделкой. Между тем в, так сказать, противоположном лагере порой (это надо признать) не уделяется должного внимания «доказательной базе», от критиков «красной ориентации» часто просто отмахиваются, считая их выступления проявлением глубокого маргиналитета, недостойного серьезной полемики. По нашему убеждению, такая позиция никак не может быть признана конструктивной. Считаем своим научным долгом решительно согласиться с мнением А. К. Сорокина в предисловии к очень ценному сборнику, содержащему ранее не изданные тексты Ленина: «*Должен восторжествовать позитивист-*

ский подход к анализу и репрезентации исторического прошлого. ***Научно установленный факт, архивные документы — вот что должно, наконец, лечь в основу обращения к сложным страницам исторического прошлого****, предварять любые попытки его интерпретаций. В этом смысле архив с большой буквы, хранящий национальную историю во всей ее полноте, со всеми ее взлетами и падениями,* ***способен сыграть роль доктора исторической памяти***»[9] (выделено нами. — *В.С.*). Для того чтобы разобраться в проблеме, нам пришлось самостоятельно вникнуть в подробности.

История публикации письма к Молотову следующая. Упоминание о нем содержится в ПСС Ленина. В т. 45, на с. 666, где помещена ссылка следующего содержания: «Март 19. Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом». Однако само письмо в ПСС опубликовано не было.

Самая первая публикация текста письма была сделана в **«Вестнике РСХД», № 97, 1970, с. 54–57** и процитирована оттуда в 1-м издании книги **Л. Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 гг.» (Париж. 1977)**. Согласно свидетельству самого Л. Л. Регельсона (ныне здравствующего), к которому мы обратились за разъяснениями, письмо было передано за границу **Глебом Якуниным,** который получил его от одного из сотрудников архива, причем имя этого человека он не раскрыл даже на допросах в КГБ, прекрасно понимая, что могло бы ожидать того в случае разоблачения. В апреле–мае 1990 года эта же версия была перепечатана в журнале **«Наш Современник» (1990. № 4)** и в газете «**Собеседник»**. Редакция «Собеседника» сообщила о своих настойчивых попытках получить информацию от партийных научных организаций о степени достоверности этого документа. В ответ на это был наконец опубликован подлинный текст

из партийных архивов в журнале **«Известия ЦК КПСС» (1990, № 4. С. 191–193).** ***На сегодняшний день именно эта версия текста считается эталонной всеми «лениноведами», и никто из них не подвергает сомнению ее аутентичность, при том что среди этих ученых (что понятно) немало людей вполне «левых» убеждений***. Все «альтернативщики» принадлежат к числу разного рода блогеров, никогда не работавших в архивах. Именно с публикации в «Известиях ЦК КПСС» делались все последующие, в частности в упомянутом выше сборнике «Ленин. Неизвестные документы 1891–1922».

«Сопоставляя первую версию с публикацией "Известий ЦК КПСС", — пишет Л. Л. Регельсон, — мы обнаружили **большое количество (около сорока) мелких ошибок — пропуски слов, нарушены знаки препинания и т. п.** В частности, в первой версии неточно указан номер единицы хранения в архиве ЦПА ИМЛ (дело 22954 — вместо 22947). Все это позволяет сделать вывод, что **текст был заучен наизусть и воспроизводился по памяти с небольшими ошибками, однако при полном сохранении смысла**»[10].

Обратимся теперь к историческому контексту. Тов. Сапелкин считает «мифом» утверждение о том, что при начале гонений «Церковь была со своим народом, а народ был с Церковью». Конечно, бывало по-разному: ведь гонители Церкви, низовые исполнители антирелигиозных декретов большевистской власти, тоже, в конечном счете, чаще всего происходили из народа, а не приехали с Лениным и Троцким из-за границы. Но фактом является и то, что сопротивление гонениям со стороны православного народа было массовым и порой принимало довольно жесткие формы (особенно в начальные годы новой власти, когда воля православных людей была еще не сломлена). Ярким примером этого являются **события в Шуе**, которые и послужили непосредственным поводом для написания данного письма. 3 марта 1922 года постановлением Шуйского уездного исполкома была со-

здана уездная комиссия согласно декрету ВЦИК от 23 февраля «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» и инструкции к декрету ВЦИК и Наркомюста от того же числа[11]. То есть здесь важно то, что **местные товарищи не занимались никаким самоуправством (такое тогда тоже случалось), а всего лишь послушно выполняли распоряжения центральных властей**. Когда 13 марта эта комиссия явилась в собор для исполнения своих намерений, то встретила ожесточенное сопротивление весьма значительной толпы народа, собравшейся на площади. На колокольне ударили в набат. Позорно ретировавшаяся конная милиция была вынуждена вызвать воинскую часть. Прибыла полурота 146-го пехотного полка и два автомобиля с пулеметами (!). Поскольку сопротивление не ослабевало и выстрелы в воздух не принесли результата, красноармейцы по приказу своих командиров начали стрелять в народ, в результате чего несколько человек было убито и ранено. Лишь после этого толпа рассеялась. К вечеру были произведены аресты. В итоге из собора было конфисковано около 10 пудов серебра, а также драгоценные камни, жемчужные ризы и другие ценности. А на 20 марта было назначено заседание Политбюро ЦК, на котором одной из главных тем должно было стать обсуждение хода изъятия церковных ценностей, причем непосредственным поводом для включения этой темы в повестку стали именно события в Шуе[12]. (Надо сказать, что данная тема вообще обходится в статье Н.Сапелкина!)

Письмо Ленина было написано накануне для членов Политбюро. Подробно история этого и других ленинских документов на «церковную» тему раскрывается в специальной работе **С. Г. Петрова**[13]. Писать письмо Ленину потребовалось потому, что сам он к тому времени был уже настолько болен, что не мог присутствовать на заседании, а тема представлялась ему «архиважной». После приема письма по телефону М. Володичевой, которая стенографировала его, расшифрованный текст был

отпечатан одной машинописной закладкой в количестве двух экземпляров. Один из них был отправлен в конверте с бланком секретаря СНК РСФСР автору. На конверте рукой сотрудника секретариата председателя СНК был проставлен гриф «Строго секретно» и сделана запись: «Экземпляр Владимира Ильича (мат[ериалы] по вопросу о шуйских событиях). 19.III.22». Ленин, получив свой экземпляр продиктованного документа, подчеркнул карандашом на конверте гриф, слово «шуйских» и написал, вновь подчеркнув, помету: «в архив». (То есть **на «ленинском» экземпляре имеется собственноручный автограф самого автора —** *В.С.*) Другой экземпляр письма был направлен адресату в ЦК РКП(б) — Молотову. В конце полученного документа, поверх машинописной пометы «19.III.22. Принято по телефону[,] М. Володичева», ответственный секретарь ЦК РКП(б), исполняя требование Ленина, написал своей собственной рукой другую помету: «Согласен. Однако предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии. 19/III. В. Молотов». На сегодня эти два подлинных экземпляра одной машинописной закладки письма председателя СНК от 19 марта 1922 года вместе с конвертом составляют одно архивное дело фонда ленинских подлинников в РГАСПИ. **Архивный номер дела — Фонд 2. Оп. 1. Д. 22947.**

Все эти и другие подробности, связанные с письмом Ленина В. Молотову, которые читатель может найти, в частности, в упомянутой работе С. Г. Петрова, нужны нам исключительно как доказательство подлинности текста, реальной принадлежности его перу Ленина. Косвенным доказательством является также наличие текста «Вестника РСХД», с его мелкими «рабочими» неточностями, происхождение которых невозможно объяснить, если придерживаться ненаучной версии о фальсификации.

Обратимся теперь к содержанию письма. В первой части его Ленин проделал теоретический анализ поступившей к нему информации в связи с изъятием церковных ценностей и пришел к выводу о наличии тайного плана борьбы с властью у «черносотенного духовенства», возглавляемого патриархом Тихоном. «Происшествие в Шуе» и другие инциденты, по мнению председателя СНК, без сомнения, были свидетельством осуществления «реакционным духовенством» данного «общего плана», его «решающего сражения». Однако, считал Ленин, «противник» допустил в этом плане «громадную стратегическую ошибку»: то, что он якобы считал наиболее благоприятными, определяющими успех начатой борьбы факторами (в первую очередь — массовый голод), на самом деле было исключительно на руку правящему режиму. По мнению Ленина, именно массовый голод, нейтрализуя крестьян, предоставлял большевикам единственный шанс в истории, когда под прикрытием помощи голодающим можно было изъять церковные ценности и «раз и навсегда» расправиться с Русской Церковью, отбив всякое желание когда-либо сопротивляться новой власти.

«*Именно теперь и только теперь*, — откровенно писал Ленин, — ***когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов****, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей* ***с самой бешеной и беспощадной энергией*** *и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».* Поскольку письмо обладало повышенной степенью секретности, вождь со всей откровенностью не скрывал, что главной целью ограбления Церкви была отнюдь не помощь голодающим, как это декларировалось официально: «*Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом,* ***чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей****... Без этого фонда никакая государственная*

работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже нам сделать этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне»[14].

Итак, подчеркнем еще раз: Ленин в этом секретном документе вполне откровенно говорит, что **настоящая цель ограбления Церкви — отнюдь не помощь голодающим (последняя была лишь удобным предлогом), а создание материального фонда для реализации далеко идущих целей молодого советского государства**; ситуацию же, связанную с голодом, он, как необычайно циничный и в своем роде гениальный политический тактик, предлагает **просто использовать, чтобы сломить волю сопротивляющихся**. В дальнейшем мы увидим, как это реализовывалось на практике. Дальше Ленин, ссылаясь на Макиавелли (и не называя при этом его прямо по имени) вполне прагматично напоминает, что «*если необходимо* (?!) *для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут*»[15]. Кроме того, по мысли Ленина, противодействие эмигрантских кругов и иностранных держав будет ослаблено из-за голода в России. Ведь для «внешнего пользования» «народная власть» таким образом заботилась о голодающих! Отсюда и его вывод:

«*Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать* ***самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий… Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше***»[16].

Один из итогов первых лет большевизма. Трупы умерших от голода, собранные за несколько дней на кладбище в Бузулуке (Поволжье). 1921 г.

Дальше Ленин дает указание, согласно которому для этого самого «внешнего пользования» официально должен по означенной проблеме выступать только «тов. Калинин», а вот роль Троцкого, реально руководившего на

тот момент всей работой по данному направлению, должна остаться тайной. Вождь требовал, чтобы после расследования дела «шуйских мятежников» процесс против них «*был поведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также... и Москвы и нескольких других духовных центров*». Патриарха Тихона Ленин, справедливо опасаясь негативной реакции слишком широких кругов общественности, как российской, так и зарубежной, предлагает пока «не трогать», но подвергнуть самой тщательной слежке, вскрывая все его связи. В заключение автор письма предлагает ни много ни мало как съезду партии (!) провести решение о том, «*что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено* ***с беспощадной решительностью****, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок.* ***Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать***»[17].

Так что, как видим, в этом секретном (и потому вполне откровенном) письме Ленин предельно далеко ушел от высказанного в статье «Социализм и религия» и предназначенного **для широкой публики** раннего своего тезиса (1905 года) о том, что «бороться с религиозным туманом» следует «чисто идейно и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом» (12, 145). Это пока они не были у власти, борьба с религией была «чисто идейной». А когда получили власть, то свою богоборческую идейность стали реализовывать на практике. По заветам Макиавелли, которого сто раз переплюнули.

Один из главных тезисов Н. Сапелкина заключается в том, что основные гонения на Церковь в СССР имели место уже в 1930-е годы и были связаны с экономическими причинами, а в 1920-е годы, особенно во время правления Ленина, они были минимальны. Он пишет:

«***В 1920-е годы не было массового закрытия храмов и преследования духовенства****... Но в 1930-е годы церковь оказалась в новой ситуации. Страна готовилась*

Обложка журнала «Безбожник»

к большой войне... Надо было развивать промышленность, совершенствовать сельское хозяйство, укреплять армию с тем, чтобы мы смогли защитить свою страну. Начался процесс закрытия православных храмов с тем, чтобы использовать их под культурные, образовательные и хозяйственные нужды. Храмы большие, основательные, а в колхозах амбары еще не построены, поэтому посчитали разумным использовать храмы под зерновые склады. Если не было в сельской местности школы либо клуба, то можно было переоборудовать церковное здание. А если нужны были ангары и гаражи для машинно-тракторной станции, то можно и в храме ее разместить. Такие мысли в обществе бродили, и нужно сказать, что ***эти мысли не были инспирированы государством****. Тем более храмы в большинстве мест пустовали, долгое время находились без ремонта. Таким образом, начался процесс закрытия храмов»*. И проч.

Конкретный исторический анализ начисто опровергает эту дистиллированную картину. Свирепое и массовое, часто весьма изощренное по своей жестокости физическое истребление духовенства и простых православных мирян началось сразу после Октября и бушевало все годы так называемого военного коммунизма. Прежде чем обратиться к цифрам, приведем описание нескольких типичных эпизодов, имевших место уже во время работы Поместного собора 1917–1918 годов.

Эти эпизоды собраны с использованием аутентичных источников того времени в ряде монографий, в частности в упомянутом у нас выше трехтомнике диакона В. Степанова (Русака). Ниже мы будем опираться в том числе на проделанную им работу.

В дни работы Поместного собора, указывает исследователь, сведения о чрезвычайных происшествиях в связи с осуществлением декрета об отделении Церкви от государства на практике получали и рассматривали на самом высоком уровне. Но в материалах Собора сохранилось не так уж много случаев ареста клириков и епи-

скопов. Зато в сведениях об убийстве священнослужителей недостатка не было.

В дни революции в Севастополе был убит священник Михаил Чефранов[18]. Его вывели из храма и тут же, на паперти, расстреляли. Тело священника не было найдено. Вероятно, его выбросили в море. Отец Михаил был убит матросами только за то, что, что он напутствовал Святыми Тайнами (причащал) приговоренного к смерти[19]. Уже в первые месяцы революции в Царском Селе был убит протоиерей Иоанн Кочуров. Соборный совет по этому случаю постановил особой грамотой известить православное население о подвиге отца Иоанна и других, «во дни междоусобицы претерпевших мученическую смерть»[20]. 3 ноября расстрелян священник в г. Вытегре. 11 декабря 1917 года, как сообщали «Курские епархиальные ведомости», в Белогорской мужской пустыни был убит иеромонах Серафим[21].

В Александро-Невской лавре 19 января 1918 года красногвардейцами был убит священник Петр Скипетров. Это убийство было отнюдь не единственным, совершенным в это время в Петрограде. (К событиям вокруг Александро-Невской лавры мы еще вернемся.) В Москве во время одной из манифестаций вооруженные пулеметами и бронеавтомобилями красногвардейцы и солдаты открыли беспорядочный огонь по направлению к Иверским воротам. Публика бросилась бежать в разные стороны, многие ложились на землю, другие бежали по их телам. Стрельба перекинулась на соседние кварталы. Красногвардейцы стреляли в народ, по окнам домов, особенно гостиниц. Пострадало несколько сот человек, убито было свыше 30 человек[22].

«Голос духовенства и мирян Черниговской епархии» сообщал, что сведения о грабежах и насилии поступали буквально со всех концов епархии. В начале января три грабителя ворвались в дом священника с. Янжуловки Новозыбковского уезда, отца Неаронова. Требуя денег, они изрубили священника саблями до полусмерти, отрубили

руку матушке, а ребенка на глазах родителей закололи штыками. Один из грабителей был схвачен местными крестьянами и убит. Другие скрылись[23].

В Калининской (Тверской) епархии в начале апреля 1918 года на волостном сходе прихожане стали упрекать красногвардейцев в том, что они незаконно захватывают имущество церквей. Наиболее активно выступали Петр Жуков и Прохор Михайлов. Красногвардейцы тут же, на сходе, арестовали около тридцати человек, жестоко избили их и повели в уездный город Вышний Волочек. Дорогой десять арестованных они замучили до смерти. С особо изощренной, садистской жестокостью были убиты Петр Жуков и Прохор Михайлов. Последнего беспрерывно били два дня, по дороге в уездный город ему нанесли восемь штыковых ран и застрелили на 9-й версте. Тела этих исповедников были торжественно погребены в их приходе при огромном стечении народа[24].

Тысячи людей пришли проститься и с почтенным старцем, необычайно любимым всеми прихожанами, — костромским протоиереем Алексеем Васильевичем Андрониковым, настоятелем Борисо-Глебской церкви, 87 лет, который прослужил в этом храме 63 года. Убийцы ворвались в спальню, нанесли ему смертельную рану в голову, кинжалом ударили в сердце[25]. Здесь нужно обязательно подчеркнуть, что и эта и другие, столь же жестокие бессудные расправы вызывали живейший отклик в народе, похороны страдальцев проходили при огромном стечении народа, с участием немалого числа клириков и даже архиереев. Многие из этих людей в свою очередь вскоре становились мучениками.

Мы привели отнюдь не самые яркие случаи, а просто первые попавшиеся, имевшие место еще во время работы Поместного собора 1917–1918 годов. Подобного рода эпизоды в первые послереволюционные годы исчисляются сотнями. (К статистике гонений мы еще обратимся специально.) Никакими «рациональными» причинами объяснить все эти свирепые, изощренные жестокости

невозможно. Поэтому для всех объективных, непредвзято настроенных исследователей очевидно, что **это была просто волна беснования, охватившая тех, кто в душе своей отрекся от Бога и Царя и «пошел в революцию»**.

Собор принял несколько предложений своей особой комиссии в связи с небывалыми гонениями на Церковь, из которых первое определяло назначить особый день для соборной молитвы об убиенных за веру. Таких было очень много, но документальные данные к тому моменту были получены лишь из семи епархий. А 19 января 1918 года сам Святейший Патриарх Тихон в своем послании провозгласил анафему безбожникам, повинным в пролитии христианской крови, отлучив всех виновных от причастия и прямо назвав их деяния «сатанинскими».

31 марта 1918 года в храме Московской духовной семинарии патриархом Тихоном в сослужении сонма духовенства были отслужены заупокойная литургия и панихида по невинным жертвам совсем недавних гонений. Поминальный синодик выглядел следующим образом:

«О упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных:

Митрополита	Владимира,
Протоиереев:	Иоанна, Петра, Иосифа,
	Павла и чад его,
Игумена	Гервасия,
Иереев:	Павла, Петра, Феодора, Михаила,
	Владимира, Василия, Константина,
Иеромонаха	Герасима,
Диакона	Иоанна,
Послушника	Антония,
Раба Божия	Иоанна

и многих священного, иноческого и мирского чина, их же имена Ты, Господи, Сам веси»[26].

С момента прихода большевиков к власти прошли считаные месяцы, много меньше года. Программу дальнейших действий в направлении «борьбы с религией»

лапидарно выразил будущий соратник Дзержинского чекист Рогов: «*Одного не пойму: красная столица и церковный звон? Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церкви под клуб — и крышка религии!*»[27]

Вакханалия бессудных расправ продолжалась и после закрытия собора, при этом все усиливаясь и сопровождаясь еще и прямыми кощунствами. В «Очерках русской смуты» генерала **А. И. Деникина** приводится такой эпизод. «Особая комиссия» после занятия Харькова деникинскими войсками установила: «Забравшись в храм под предводительством Дыбенко (тогдашнего сожителя известной феминистки, соратницы Ленина А. Коллонтай), красноармейцы вместе с приехавшими любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали сквернословно Иисуса Христа и Матерь Божью, похитили занавес от Царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты»[28].

Лукавый «аргумент», используемый Сапелкиным и ему подобными, заключается в том, что многие эпизоды, подобные описанным выше, — это все стихия, самосуд, а большевистская власть ко всему этому якобы непричастна. Такая «наивность» многого стоит. Если мысль наших уважаемых оппонентов сводится к тому, что столь негативное отношение к религии и Церкви якобы всегда жило в русском народе, во всяком случае в известной его части, то можно спросить: почему же при царской власти ничего подобного не было? Так боялись царей? Ведь то, что режим большевиков по степени жестокости, свирепости многократно превосходил все, что было раньше в России, сегодня может оспаривать лишь совсем отъявленный лжец или полный безумец! Ясно, что реальный ответ лежит на поверхности. Все описанные выше и многие другие случаи самосу-

да лежали «в тренде» новой власти, которая в первые годы революции и Гражданской войны как раз делала все, чтобы как можно сильнее разнуздать в народе самые темные инстинкты, канализировав их в «нужном» направлении. Когда же в интересах режима нужно было кого-нибудь решительно подавить, то «народная» власть не останавливалась ни перед какими жестокостями для водворения «порядка». (Как было, например, в случае с Тамбовским и Кронштадтским восстаниями, где уже отнюдь не белогвардейцы, а самые что ни на есть народные массы выступили против большевиков.) Так что нарочито «наивные» разговоры о том, что первомученика митрополита Владимира (Богоявленского) убили «не большевики, а бандиты», совершенно не идут к делу. Бандиты-то откуда взялись? Что-то мы не припоминаем, чтобы при царской власти было столько бандитов или чтобы имевшиеся тогда уголовники вели себя подобным образом по отношению к духовенству. Все же разговоры о том, что революционная стихия была разнуздана Февральской революцией, а большевики-де лишь навели порядок, для всякого, кто хорошо знаком с историей, выглядят совсем уж примитивной манипуляцией. То, что отдельные антицерковные эксцессы имели место уже после Февраля 1917-го, еще до Октябрьского переворота, это, конечно, правда. Но, во-первых, масштабы и степень жестокости их несопоставимы. Во-вторых, у Временного правительства все же не было сознательной программы уничтожения Церкви. Наконец, в-третьих, само «абсолютное» противопоставление Февраля и Октября является откровенной манипуляцией. Это были **этапы единой революции, единого разрушительного процесса**, и никакие противоречия между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, между разными социалистами и большевиками, между «ленинской гвардией» и последующими выдвиженцами Сталина (хотя, конечно, все эти противоречия были порой довольно острыми, доходя до смертельного антагонизма) этого

общего единства разрушительной революции, растянувшейся на годы и десятилетия, отнюдь не нарушают. Не следует постижение реальной истории заменять накручиванием все новых и новых мифов.

Теперь от описания «спонтанных» гонений самых первых лет и даже месяцев революции обратимся уже к тем, которые были прямо санкционированы новой властью. Как указывает дьякон Владимир Степанов (Русак), «самосуд гулял по Советской России до середины 1919 года... В 1919 году эти "самосуды" перешли в руки состоявших на месячном жаловании членов Чрезвычайных комиссий... "мировой пожар", "мировой оркестр" все заметнее начинали подчиняться коммунистическим пожарным и дирижерам; приобретение мира стало превращаться в организованное и директированное разрушение»[29].

Ярким примером такого рода является начало разгрома Александро-Невской лавры.

Разграбление Александро-Невской лавры

13 января 1918 года по приказу комиссара призрения **Александры Коллонтай** Лавра была занята красногвардейцами и матросами. Это (вопреки ложной модели истории, предлагаемой Н. Сапелкиным, Е. Спицыным и другими современными фантазерами) вызвало **массовое, ненасильственное сопротивление православного народа**, явившее собою пример колоссальной силы молитвенного энтузиазма и духовной солидарности право-

славных христиан, достойных древних патериков, времен гонений Нерона и Диоклетиана. В пять часов вечера, рассказывает В. Степанов (Русак), 14 января в главном соборе Лавры совершался акафист. Митрополит Петроградский Вениамин возглавлял богослужение. Собор был переполнен как в пасхальную ночь. Многие богомольцы рыдали. Богослужение продолжалось несколько часов. По окончании его они обратились к митрополиту с предложением немедленно организовать особую охрану Лавры и заявили, что они здесь же, в церкви, умрут, но не допустят разорения святыни: «Пусть нас кормят мякиной, пусть над нами издеваются, пусть окончательно лишат всего, но Бога отнять мы не допустим», — заявили они[30]. Затем богомольцы обратились к владыке с просьбой, чтобы в случае вторичного прибытия незваных гостей он распорядился ударить в большой колокол, что послужит сигналом, по которому все дорожащие своей верой и святынями устремятся в Лавру.

17 января в Петрограде, в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения состоялось многолюдное собрание духовенства и представителей приходов. Громадный зал не смог вместить всех желающих. Собрание решило провести крестный ход из всех храмов столицы к Александро-Невской лавре, а также приняло резолюцию протеста против захвата Лавры и духовно-учебных заведений.

19 января, около часу дня, в Лавру, по распоряжению любвеобильной комиссарши А. Коллонтай, прибыл отряд красногвардейцев и матросов во главе с комиссаром Иловайским. Иловайский прошел к митрополиту Вениамину и потребовал «очистить помещение». В ответ владыка заявил, что может протестовать только христианскими мерами, но подчиниться отказался. Иловайский также потребовал от наместника Лавры преосвященного Прокопия сдать все монастырское имущество, угрожая применить силу, и также получил отказ. Комиссар объявил всех арестованными.

В это время с колокольни раздался набат. Оказалось, что находившиеся в Лавре богомольцы, узнав о появлении здесь красногвардейцев, по собственной инициативе бросились на колокольню и забили тревогу. К Лавре стали быстро стекаться толпы народа. Слышались крики: «Православные, спасайте церкви!» К толпе вышел Иловайский с матросами, которые стали угрожать оружием. Их окружили со всех сторон. Затем толпа обезоружила матросов, а комиссара сбили с ног, отобрали револьвер. Дело могло закончиться самосудом, однако монахи спасли комиссара, сумев вывести его через задние ворота и сдав на руки солдатам. Красногвардейцы, побросав оружие, разбежались. **Караульные же, приставленные к арестованным членам духовного собора, стали умолять тех спасти их от разъяренного народа** (!). В итоге их также вывели через запасной выход в безопасное место.

Вскоре к красногвардейцам прибыла подмога с пулеметами. Дали несколько залпов. Протоиерей Петр Скипетров обратился к красногвардейцам с увещанием не производить насилий над верующими, не глумиться над святынями и был застрелен. Монахи с большим трудом смогли удержать прихожан от ответного насилия. Затем в покоях митрополита был созван Духовный собор Лавры, на котором было постановлено **поручить охрану Лавры воинской части, расквартированной в самой же Лавре** (!).

С утра 20 января Лавру стали заполнять толпы богомольцев. Митрополита Вениамина посетили делегации с нескольких крупных заводов. Рабочие выразили полную готовность защищать имущество и святыни Лавры.

В результате вышеописанных событий управделами Совнаркома Бонч-Бруевич от имени советского правительства попросил наместника Лавры преосвященного Прокопия успокоить богомольцев, поскольку те, по его словам, все неправильно поняли. Просто-де в помещениях Лавры хотели с самого начала разместить инвалидов (!). А в советских газетах были опубликованы

сообщения, в которых коренным образом искажалась реальная картина событий, полностью умалчивалось о действиях комиссара Иловайского, о стрельбе красногвардейцев по безоружным людям, а говорилось лишь о «зверствах толпы, подстрекаемой монахами». Столь же **лживо утверждалось, что отец Петр Скипетров (безоружный) якобы сам напал на вооруженный отряд** (!), и стрельба со стороны красногвардейцев носила лишь ответный характер. Так что, как видим, фантазии Сапелкина и К° широко применялись большевистскими пропагандистами уже тогда, при начале гонений.

Похороны мученика на лаврском кладбище вылились в массовое молитвенное действо. Проститься с ним пришли многие тысячи православных людей.

Даже эсеровская «Воля страны» в те дни писала: «*Теперь, при диктатуре большевизма, в церквах появляются вооруженные отряды с пулеметами. Ими фабрикуются новые святые, они создают мучеников на почве религиозной так же, как создают они их во всех других областях русской жизни. Борьба, предпринятая Смольным для проведения в жизнь своих декретов, в той форме, в которую она вылилась в Лавре, ничего, кроме взрыва ненависти, не может вызвать. Убийство несчастного священника Скипетрова так же отвратительно, как расстрел манифестации 5 января* (речь идет о подавлении выступлений в поддержку Учредительного собрания. — *В.С.*) *и убийство Шингарева и Кокошкина. Большевики возвращают Россию к Средневековью. Ко всем ужасам войны классовой, национальной, партийной, областной и внешней они прибавляют еще войну религиозную, быть может, самую страшную и самую нелепую из всех*»[31].

21 января, в виде протеста против действий большевиков, был проведен грандиозный крестный ход в Лавру из петроградских храмов, в котором участвовало около **500 тысяч человек**. (То есть город на какое-то время был просто парализован.) В нем люди разных сословий объединились для отстаивания веры. В защиту

Лавры и ее наместника принимались массовые петиции. Еще не закрытые газеты всех направлений, кроме, естественно, большевистских, дружно осуждали действия властей. В итоге красногвардейцам пришлось оставить монастырь[32]. В конце января было организовано из мирян и монашествующих **Александро-Невское братство** для отстаивания интересов обители и охраны церковного достояния. События января 1918 года в Лавре стали первым открытым столкновением новой власти и Русской Церкви, причем здесь Церкви удалось одержать единственную крупную победу (хотя, как понятно, и вре́менную) над большевистским правительством[33].

Данный важнейший эпизод наглядно демонстрирует всю лживость излюбленного тезиса большевиков и их нынешних последователей о том, что преследование Церкви-де носило классовый характер и осуществлялось в интересах народа. Вопреки лжи Сапелкина и К° народ, как показали события вокруг Александро-Невской лавры, был как раз на стороне Церкви. Собственно, Церковь и народ в России всегда были нераздельны.

При всех сложных перипетиях в дальнейшей судьбе Лавры, включая временный (в 1922 году) переход ее в руки обновленцев, изъятие и осквернение мощей святого Александра Невского и т. д., монастырь продолжал существовать вплоть до 17 февраля 1932 года, когда **в ночь на 18 февраля в Ленинграде были арестованы все монашествующие**. В распоряжении Церкви осталось два храма в качестве приходских, один из которых был окончательно отобран в 1933 году, а другой «продержался» аж до января 1936 года.

События, аналогичные тем, что произошли в связи с нападением на Александро-Невскую лавру, коснулись в те дни и в скором времени многих храмов и монастырей. Одно перечисление их заняло бы немало страниц.

Лживый тезис необольшевиков о том, что большевики совсем не преследовали Церковь как именно религиозную организацию, вне какого-либо экономического

аспекта или даже просто политической целесообразности, начисто опровергается страшными страницами нашей новейшей истории, связанными **с прямыми кощунствами, глумлением над самой верой,** а именно — так называемым **вскрытием мощей**. Ведь никакой материальной ценности останки святых не представляли! Также очевидным образом в защите поругаемых святынь никак нельзя было усмотреть никакой «контрреволюции», то есть политического заговора против большевистского режима. Тем не менее, когда православные люди начинали протестовать, защищая свои святыни, их подавляли со всей жестокостью именно как политических заговорщиков, так как если бы они выступили против «народной власти», используя силу оружия. Впрочем, если православные люди не препятствовали прямо надругательству над святынями, а ограничивались лишь петициями, то реакция властей бывала поначалу довольно «мягкой». Так, например, когда на имя председателя ВЦИК поступило ходатайство группы граждан села Троицкого Большого об отмене постановления Тверского губисполкома о передаче мощей (без указания, чьих) в музей церковной старины, то жалоба эта в лучшем бюрократическом стиле была спущена вниз по инстанциям и в итоге Тверскому губисполкому было предложено «выслать в село Троицкое Большое толкового лектора-агитатора на предмет разъяснения крестьянам смысла мотивов решения Тверского исполкома по содержанию возбужденного вопроса, равно и декрета об отделении Церкви от государства и о вышеуказанных действиях и о настроении трудящихся масс поставить в известность»[34] вышестоящие инстанции. Оцените стиль. И при этом, оправдывая кампанию по изъятию мощей, большевики часто ссылались на мифическое «волеизъявление народа»!

Такое упорство было свойственно прежде всего самому Ленину и людям из его ближайшего окружения. Так, когда в марте 1919 года член Братства святителя Алексия М. Свет обратился к нему с письмом, в котором

содержалась просьба отдать членам братства мощи святителя, находившиеся в Чудовом монастыре в Кремле, то Ленин наложил резолюцию наркому юстиции: «Т. Курский! Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях»[35]. Именно эта ленинская резолюция, не включенная в Полное собрание сочинений вождя, легла в основу всей последующей кампании. Для новой власти было абсолютно принципиальным не просто лишить верующих возможности поклонения почитаемым святыням, но именно надругаться над ними. Поэтому процесс «изъятия» (который часто происходил втайне от народа) любили снимать на пленку и, согласно распоряжению Ленина, «показывать это кино» по всей России. (50, 279). Именно такая участь, вопреки слезным мольбам святого патриарха Тихона, постигла, в частности, мощи «игумена Русской земли» преподобного Сергия Радонежского, преподобного Саввы Сторожевского и многих других великих русских святых.

До **осени 1920 года** по России было произведено **63 вскрытия мощей** святых[36]. Останки четырех святых были помещены в музеи. И только **в восьми случаях** при вскрытии мощей присутствовал народ[37].

Под предлогом подавления сопротивления изъятию церковных ценностей и вскрытию мощей святых большевистская власть начала новую широкую волну судебных процессов над священнослужителями и активными мирянами. Приведем лишь один из множества примеров.

26 апреля в помещении Политехнического музея в Москве начался громкий процесс по одному из таких дел. Дело разбирал революционный трибунал Москвы под председательством Бека. На скамье подсудимых — 17 человек самого разного сословного происхождения. Рядом с известными священниками — инженер и декадентский поэт, старый профессор-юрист и 22-летняя девушка. Приговор был объявлен в воскресенье 7 мая. Трое маститых протоиереев и семеро мирян были приговорены к расстрелу. В отношении четверых приговор

Вскрытие мощей святого благоверного князя Александра Невского

был вскоре приведен в исполнение. Трое подсудимых оправданы, трое — приговорены к различным срокам заключения.

Полное или хотя бы выборочное перечисление подобного рода случаев заняло бы немало места, превратившись в отдельную длинную статью. Вряд ли имеет смысл здесь переписывать научные монографии, в которых обо всем этом рассказывается, но ведь те, кто всерьез полагает, что Н. Сапелкин или Е. Спицын — настоящие историки, их, как правило, не читают! И что с этим делать?

Обратимся теперь к одной из самых известных страниц в истории гонений на Церковь со стороны большевистского режима (также начисто проигнорированной в статье Н. Сапелкина) — к **судебному процессу над митрополитом Петроградским Вениамином**. Здесь, как и в вышеописанных событиях вокруг Александро-Невской лавры, также не могло быть и речи о каком-либо местном самоуправстве. Все было санкционировано центральной властью, имевшей одной из целей продемонстрировать видимость законности в преследовании Церкви. Подобного рода сфабрикованных процессов, имевших

лишь формальный вид законного судебного разбирательства, в 1920-е годы в Советской России было немало. Но именно этот вошел в историю как одна из первых, совершенно одиозных и откровенных судебных расправ над людьми, абсолютно чуждыми какой-либо политической деятельности, вся вина которых перед новой властью заключалась лишь в том, что они «осмелились» отстаивать свою веру, не захотели предать Христа.

Необходимо особо подчеркнуть, что сам митрополит Вениамин никогда не выступал как какой-то политический враг советской власти. В контексте разобранного у нас в первой части знаменитого письма Ленина к Молотову по поводу изъятия церковных ценностей якобы для помощи голодающим (в действительности для этих целей была использована лишь ничтожная часть изъятого) особенно характерно звучат слова известного обращения митрополита по этому именно поводу: «Я сам во главе молящихся сниму ризы с Казанской иконы Божьей Матери, сладкими слезами опла́чу их и отдам»[38]. Однако еще в середине января 1918 года он же направил Ленину письмо, в котором доказывал, что осуществление планируемого проекта декрета «Об отделении Церкви от государства» вызовет массовые стихийные волнения. Владыка оказался абсолютно прав, но тогда ни он, ни другие будущие мученики не представляли, насколько далеко готова зайти новая власть в осуществлении своих намерений.

Позиция митрополита касательно изъятия церковных ценностей была изложена им в заявлении, направленном в комиссию Помгола, и заключалась в следующих пунктах:

1. Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние.

2. Для успокоения верующих необходимо, однако, чтобы они сознавали жертвенный, добровольный характер этого акта.

3. Для этой же цели нужно, чтобы в контроле над расходованием церковных ценностей участвовали представители верующих.

При этом митрополит подчеркивал неприемлемость насильственного изъятия церковных ценностей, ссылаясь на соответствующие каноны.

В комиссии Помгола такая покладистость владыки поначалу встретила полное понимание и весьма радушный прием. Однако руководящих «товарищей» совсем не устраивала такая ситуация, в которой кампания по изъятию могла привести лишь к укреплению престижа и морального авторитета Церкви. Поэтому после консультации с вышестоящими инстанциями позиция комиссии коренным образом изменилась. Посланцам митрополита было сухо объявлено, что ни о каких «пожертвованиях», ни о каком участии представителей Церкви в контроле не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в административном порядке. Удивляться тут не приходится, если вспомнить то, что писал Ленин в письме к Молотову, которое мы разобрали выше: ведь из него непреложно следует, что в действительности Церковь подвергалась ограблению вовсе не для помощи голодающим, а в решающей степени для создания «фонда», необходимого большевикам для достижения их политических целей!

Возмущение в связи с такой позицией властей не переходило в массовое ожесточенное сопротивление, пока кампания касалась небольших приходских храмов. Однако на очереди были главные, крупные соборы. И здесь в дело вступили обновленцы.

24 марта 1922 года в «Петроградской правде» появилось письмо за подписью 12 лиц, среди которых были будущие лидеры так называемой «Живой церкви»: священники **Красницкий, Введенский, Белков, Боярский** и др. Авторы письма решительно отмежевывались от остального духовенства, укоряли его в контрреволюции, требо-

вали немедленной и безусловной отдачи всех церковных ценностей. Но даже эти несколько иуд были вынуждены сквозь зубы признать, что, во избежание оскорбления религиозных чувств православных, участие их в контроле за изъятием все же необходимо.

На состоявшемся многолюдном собрании духовенства авторы письма получили дружный и жесткий отпор.

Пытаясь предотвратить кровавую развязку, митрополит приложил все силы к тому, чтобы компромиссное соглашение с властями было заключено. Обратившись к верующим с воззванием, он умолял их не сопротивляться насилию. В итоге изъятие ценностей было проведено повсеместно без особых эксцессов так, что это были вынуждены признать даже представители властей. Иными словами, спровоцировать внутрицерковный конфликт под предлогом сопротивления изъятию ценностей не удалось. Однако дальнейшие события сполна выявили подлинные цели безбожников и немногих предателей в самих церковных рядах: было образовано обновленческое ВЦУ (Высшее церковное управление) во главе с Введенским. И всегда кроткий владыка в полном соответствии с канонами применил свою духовную власть и выпустил постановление, в котором Введенский был объявлен находящимся «вне православной Церкви». Это постановление и было напечатано во всех газетах.

И тут, в злобной растерянности от такого шага владыки, «осмелившегося» отлучить от Церкви предателя и раскольника, богоборцы, что называется, прокололись и выдали себя с головой. Заголовки советских газет запестрели заголовками типа: «Карающий меч пролетариата тяжело обрушится на голову митрополита!» Как там формулирует Сапелкин? «Большевики никогда не вмешивались в жизнь Церкви»? Ну-ну... Из вышеизложенного, на наш взгляд, совершенно понятно, что изъятие ценностей здесь было лишь предлогом для поддержки обновленческого раскола с целью сменить церковное руководство. Так что вмешательство в жизнь Церкви, во

внутрицерковные вопросы со стороны большевистского режима было ничуть не меньшим, чем со стороны нынешней политической власти на «незалэжной» Украине.

Через несколько дней Введенский и петроградский комендант, чекист Бакаев явились к митрополиту Вениамину и поставили ему ультиматум: либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и других духовных лиц под предлогом сопротивления изъятию церковных ценностей будет возбуждено уголовное дело, которое ничем хорошим для них не кончится. Митрополит ответил отказом и, предчувствуя трагическую развязку, отдал наиболее важные распоряжения по епархии, а также повидался с близкими друзьями и простился с ними. Вскоре он был арестован. Кроме владыки, по делу было привлечено 87 человек[39] — настоятели некоторых приходов, члены различных причтов, члены правления Общества православных приходов и др. Защищал владыку известный в городе адвокат Я. С. Гуревич.

Процесс начался 10 июня 1922 года. Огромная толпа с раннего утра запрудила ближайшие улицы. Несколько десятков человек, сосредоточенно молча́, в благоговейной тишине стояли вокруг здания, в котором проходил процесс. Милиция поначалу не решалась их разогнать. При появлении митрополита почти все опустились на колени и запели молитву: «Спаси, Господи, люди твоя...» Помимо владыки Вениамина, другой замечательной личностью среди подсудимых был настоятель Троице-Сергиева подворья архимандрит Сергий (Шеин). Выделялись также председатель правления Общества православных приходов Петрограда профессор Ю. П. Новицкий, епископ Ладожский Венедикт (Плотников), настоятели почти всех главных церквей города, профессора Духовной академии, Богословского института, даже Военно-юридической академии и др. Были и просто случайные люди, подвернувшиеся милиции под руку во время облав или слишком громко протестовавшие при изъятии ценностей.

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский

Зал вмещал около трех тысяч человек и почти всегда во время процесса был полон.

Митрополита обвиняли в создании «преступного сообщества», которое представляли в роли организатора всех многочисленных беспорядков на почве насильственного изъятия церковных ценностей. Конкретно обвинение состояло из следующих пунктов:

1. Митрополит вступил в сношения и переговоры с Советом в Петрограде, имея целью добиться аннулирования или смягчения декретов об изъятии ценностей.

2. Он и его сообщники находились при этом в сговоре со всемирной буржуазией.
3. В качестве средства для возбуждения верующих против власти те же обвиняемые избрали распространение среди населения копий заявлений митрополита в комиссию Помгола.

Иными словами, ***обвинение считало преступлением со стороны владыки даже контакты с советскими органами власти, а также распространение материалов, опубликованных в советских газетах!*** Абсурдность обвинений была очевидна всем, даже обывателям, не сведущим в тонкостях юриспруденции.

Целью обвинителей, как можно понять, не было физическое уничтожение митрополита. На допросах они стремились выяснить, кто помогал ему распространять заявление в комиссию Помгола, а также кто был реальным вдохновителем и автором текста. Если бы владыка стал называть имена, сдавать своих, каяться перед властями, его бы, конечно, «простили», удовольствовавшись его моральным унижением. Но он спокойно и с достоинством отвечал на все вопросы, приписывая главную роль себе, как оно, собственно, и было на самом деле. При всем хамстве обвинителей и явной надуманности обвинений, если бы суд был объективен, это была бы необычайно выигрышная позиция. Так же вели себя и другие обвиняемые. Явно заказное дело начинало разваливаться как карточный домик. Тем более что вызванные «свидетели» постоянно путались в показаниях, отвечая на вопросы адвоката. Более того: один из них, обновленец Боярский, один из подписавших заявление в «Петроградской правде» от 24 марта, впоследствии перешедший-таки в раскол, вместо того чтобы свидетельствовать против митрополита, неожиданно выступил с его горячей апологией, окончательно спутав все карты следствия. А другой свидетель — профессор Егоров — подробно изложил всю историю переговоров с Помго-

лом, после чего стало ясно, что обвинению вообще не на чем основываться. (По инициативе обвинения Егоров после этого был **переведен из свидетелей в обвиняемые** — случай абсолютно беспрецедентный в мировой судебной практике»!) Но не таково было большевистское «правосудие», чтобы вместо запланированного морального унижения «церковников» смириться с собственным поражением.

Главную, убийственную для митрополита, роль среди «свидетелей» сыграл обновленец Красницкий, решительно подтвердив все лживые наветы так называемого обвинения.

«***Вы спрашиваете, где преступная организация?*** — восклицал в прениях один из обвинителей. — ***Да ведь она перед вами! Эта организация — сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, принципом подчинения низших духовных лиц высшим, с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями»***. Комментарии излишни.

«*Допрос его* (митрополита. — *В.С.*) у всех в памяти, — говорил защитник Я. С. Гуревич. — *Ни для кого не секрет, что в сущности в тяжелые часы этого допроса дальнейшая участь митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признав хоть немногое из того, что так жаждало установить обвинение, и митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисовки, он отказался от такого спасения. Есть ли среди присутствующих способные на такой подвиг? Вы можете уничтожить митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков».*

О лживых «свидетелях»-обновленцах защитник сказал: «*Принуждение не создает и не уничтожает убеждений. "Обновленческая" церковь, происшедшая с разрешения и при "благословении" атеистического начальства, искренних христиан, даже из фрондирующих элементов, привлечь не может. Народ еще может поверить богато-*

му и властному Савлу после того, как, превратившись в Павла, по своей охоте променяет он свое богатство и положение на рубище нищего, на тюрьму и муки гонения. Обратные превращения не только не создают популярности, но клеймятся. Люди, ушедшие из "стана погибающих" в лагерь ликующих, да еще готовящие узы и смерть своим недавним собратьям, — кто пойдет за ними из истинно верующих? Не сбудутся ожидания гражданской власти найти такого "союзника"»...

О самом обвинении: «*Митрополиту вменяют в вину факт ведения переговоров с гражданской властью... Но если это — преступление, то подумали ли обвинители, какую роль они должны отвести при этом Петроградскому совету, по почину которого эти переговоры начались, по желанию которого продолжались и к удовольствию которого закончились?..*

Если ради вашего торжества надо устранить подсудимого — он погиб, даже независимо от объективной оценки предъявленного к нему обвинения. Да, я знаю, таков лозунг. Но решитесь ли вы провести его в жизнь в этом огромном по значению деле? ***Решитесь ли вы признать этим самым перед лицом всего мира, что этот судебный процесс является всего лишь кошмарным лицедейством?***»

После завершения речи адвоката Гуревича раздались громкие, долго не смолкавшие овации. Аплодировала не только «вольная» публика, но даже и рядовые коммунисты, согнанные в зал по разнарядке для поддержки обвинения. Такова была сила правды, моральной правоты, которая всеми ощущалась на стороне митрополита.

В коротком последнем слове митрополит Вениамин сразу отреагировал на то, что обвинители в своих речах именовали его «врагом народа». «*Я — верный сын своего народа*, — говорил владыка, — *я люблю и всегда любил его! Я жизнь свою ему отдал, и я счастлив тем, что народ, вернее простой народ, платит мне той же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я зани-*

маю в Православной Церкви». Остальное отпущенное ему время митрополит потратил на доказательства полной невиновности своих собратьев. Одно из его утверждений показалось ему недоказанным. По этому поводу он с тихой улыбкой заметил*: «Думаю, что в этом отношении вы поверите мне без доказательств. Ведь я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в жизни. Человеку же, находящемуся в таком положении, принято верить на слово!*» Весь зал благоговейно молчал, потрясенный необычайно нравственной мощью обреченного архипастыря. Последними словами митрополита были: «Слава Тебе, Боже! Слава за всё!» В аналогичном ключе выступали и другие подсудимые.

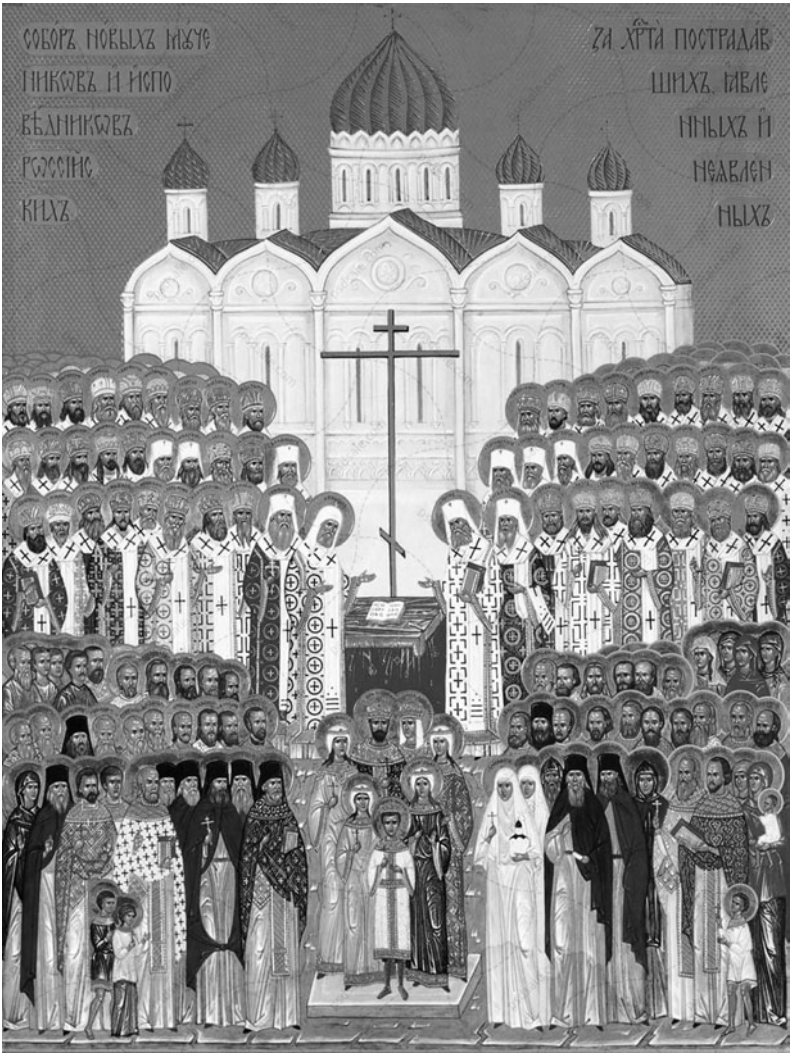
Приговор был оглашен 5 июля вечером. Десять человек были приговорены к расстрелу. Остальные — к различным срокам заключения. По результатам «судебного расследования» в отношении патриарха Тихона было решено возбудить уголовное дело. Шести подсудимым кассационный суд заменил смертный приговор долгосрочным заключением. В ночь с 12 на 13 августа 1922 года четверо — митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Новицкий и Кошкаров — были вывезены в пригород Петрограда и расстреляны.

Процесс над митрополитом Вениамином и другими православными непреложно выявил, во-первых, полную ложность и надуманность обвинений, необычайную слабость доказательной базы. Вынесенный, несмотря на это, смертный приговор ясно продемонстрировал заказной характер процесса. Во-вторых, стало совершенно ясно, что обновленческий раскол напрямую инспирирован и поддерживается большевистской властью, которая (вопреки новой лжи нынешних необольшевиков) грубо вмешивалась во внутреннюю жизнь Церкви. Власти, по сути, продемонстрировали (это было прямо продекларировано во время процесса), что **именно Церковь как таковая является для них заклятым врагом**, а изъятие ценностей было лишь предлогом для преследований. **«Вина»**

Церкви заключалась уже в самом ее существовании. Эта «невольная» проговорка, демонстрация на суде подлинных, скрытых пружин обвинения неопровержимо продемонстрировала **воинствующе богоборческий характер большевистского режима.** В-третьих, всем (даже рядовым коммунистам) было очевидно, что новые мученики за дело Христово в моральном плане несоизмеримо выше своих гонителей.

* * *

Перейдем теперь к вопросу о статистике репрессий против Православной Церкви. При всех расхождениях, которые всегда бывают среди исследователей, здесь, в общем и целом, к настоящему времени наблюдается все же некое единообразие. Результаты многочисленных исследований прошлых лет сведены воедино в наиболее авторитетном современном источнике — базе данных по новомученикам[40], ведущейся в течение ряда лет в ПСТГУ (Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете). Согласно этой базе, общее число православных людей (клириков и активных мирян, а также родственников священнослужителей), **репрессированных за все годы гонений,** исчисляется **сотнями тысяч**, а **убитых** (расстрелянных по приговору суда либо ОСО (Особого совещания), при котором приговор выносился заочно вне всякой судебной процедуры), ставших жертвами бессудной расправы в годы Гражданской войны и «военного коммунизма», замученных в застенках ЧК-ОГПУ-НКВД и т. д. — **десятками тысяч**. В целом ряде случаев точно установить судьбу человека не так просто, так что работа будет вестись еще долго. Сейчас можно с уверенностью говорить лишь о примерном числе, о порядке жертв богоборческого террора, а не о точных цифрах. Пик репрессий приходится, как известно, на **1937–1938 годы**. Согласно графику[41], приведенному в базе данных ПСТГУ, число **арестов** православных священнослужителей и мирян



Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. Современная икона

в эти годы — **30 585 человек**, а число **расстрелянных** — **17 494 человек**. Интересно, что помимо 1943–1946 годов, когда в связи с войной Сталин инициировал существенные послабления в отношении Церкви, резкий спад репрессий наблюдается в моменты смены руководства со-

ветских карательных органов (Ягоду сменяет Ежов, Ежова Берия и т. д.). Более или менее точные данные есть по архиереям. Исследователи ПСТГУ утверждают, что всего за годы гонений репрессиям подверглись около **четырехсот епископов**, из них были расстреляны или скончались в заключении **не менее трехсот**. Приводимые нами цифры берутся по самой нижней планке, ибо среди исследователей нет абсолютного единства по данному вопросу. **На свободе к 1941 году оставалось всего четыре архиерея**. Подробное исследование по вопросу об изменениях в составе русского епископата[42] читатель может найти в книге **Л. Л. Регельсона «Трагедия русской Церкви».**

Источниками информации для базы являются:

- архивные документы: документы из Центрального архива ФСБ РФ, ГА РФ, а также документы местных городских архивов и краеведческих музеев, других государственных и частных хранилищ;
- письма и записанные устные воспоминания родственников погибших;
- ранее опубликованные печатные материалы (статьи, научные сборники, монографии и т. д.);
- неопубликованные рукописи; аудио- и видеозаписи; материалы, собранные сотрудниками ПСТГУ и присланные отдельными исследователямиэнтузиастами.

О некоторых источниках следует сказать отдельно. Во-первых, это многотомный труд **игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия»**. В нем собраны бесценные документальные свидетельства о жизни и смерти конкретных подвижников, павших жертвами большевистского террора. Во-вторых, знаковый трехтомник **Петра Паламарчука «Сорок сороков»**[43], содержащий практически исчерпывающие сведения о судьбе московских храмов и монастырей. В нем

автор, в частности, приводит такие характерные цифры. В **29 монастырях**, находившихся внутри современных границ Москвы (данные берутся по состоянию на середину 1990-х годов. — *В.С.*), было **145 церквей с 241 престолом и 16 часовен**. Все эти монастыри были православными. К началу 1930-х годов все они были закрыты. К 1990 году действовал один монастырь (Свято-Даниловский, открыт к празднованию Тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. — *В.С.*); всего же были открыты для богослужения в московских монастырях (считая храмы Даниловского и бывшие монастырские, ставшие приходскими) **47 храмов с 96 престолами. 33 церкви с 67 престолами** были **закрыты** (в том числе **две часовни**). **66 церквей с 88 престолами разрушены** (в том числе **13 часовен**). **Полностью разрушено четыре монастыря.** Напомним, это данные лишь по московским монастырям и монастырским храмам. Из приходских же храмов **только в Кремле** за годы большевистского режима было **разрушено девять храмов**, **закрыто десять**. **Общее же число московских храмов**, закрытых в советские годы, приближается к **четыремстам**.

Таким образом, вся совокупность научных трудов и первичных источников по данной проблеме начисто опровергает антиисторические построения современных необольшевистских мифотворцев, рассчитанные на полных невежд.

Святые новомученики и исповедники Российские, молите Бога о нас!

Примечания

1 http://zavtra.ru/blogs/tcerkov_i_revolyutciya

2 *Владимир Степанов (Русак)*. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. I. 1980. С. 47.

3 Там же.

4 Революция и Церковь. 1919. № 1. С. 3.

[5] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 48. С. 226–227. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

[6] *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 146.

[7] *Латышев А.Г.* Указ. соч. С. 147.

[8] См., напр.: https://aloban75.livejournal.com/1593606.html

[9] См.: Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. (2-е изд.). М.: Росспэн. 2017. С. 4.

[10] http://www.regels.org/1922janvar-mart.htm

[11] См.: Известия ВЦИК, № 46, 26 февраля 1922 г; 28 февраля 1922 г.

[12] Подробное изложение исторического контекста письма к Молотову см. в кн.: Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. (2-е изд.). С. 519–523.

[13] *Петров С.Г.* «Церковные» документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) X созыва (16 марта 1921 г. — 2 апреля 1922 г.): http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/ istXX/?id=1711&txt=1

[14] Ленин. Неизвестные документы... С. 516–517.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 517.

[17] Там же. С. 518–519.

[18] *Кандидов Б.* Церковь и гражданская война на юге. Изд. «Безбожник». М., 1931. С. 18. См. также: Церковные ведомости. 1918. № 3–4. С. 159.

[19] Церковные ведомости. 1918. № 23–24. С. 683–685.

[20] Там же. № 2. С. 87; № 13–14. С. 434.

[21] Там же. № 2. С. 102–104.

[22] Там же. С. 51.

[23] Там же. № 9–10. С. 372–377.

[24] Церковные ведомости. 1918. № 19–20. С. 626–627.

[25] Там же. № 23–24. С. 711–713.

[26] Там же. № 15–16. С. 518–519.

[27] *Алехин Г.* Белая тьма. Лениздат, 1971. С. 319.

[28] Цит. по: *Латышев А.Г.* Указ. соч. С. 150.

[29] *Степанов (Русак) Владимир*. Указ. соч. С. 73.

[30] Там же. С. 93.

[31] Церковные ведомости. 1918. № 2. С. 91.

[32] Данные об этом содержатся, в частности, в кн.: *Шкаровский М.* Русская Православная Церковь в XX веке. 1. Кризис синодальной системы Русской Церкви в начале XX века (https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya- cerkov-v-xx-veke/).

[33] Подробно об истории Александро-Невской лавры см., в частности, в кн.: *Шкаровский М.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в 1918–1922 гг. Ч. 1, 2.

[34] Революция и Церковь. 1920. № 9. С. 61.

[35] Ленинский сборник. XXXIII. С. 248.

[36] Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет 1917–1932. М., 1932. С. 320. См. также: *Ярославский Емельян.* 10 лет на антирелигиозном фронте. Акц. изд-во «Безбожник». 1927. С. 5.

[37] Там же. С. 323.

[38] Цит. по: *Латышев А.Г.* Указ. соч. С. 169.

[39] *Трифонов И.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1927). М.: ГИЗ «Политическая литература», 1930. С. 34.

[40] http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans

[41] http://martyrs.pstbi.ru/frames/m/graphView.html

[42] http://www.apocalyptism.ru/Russian-Episkopat-.htm

[43] *Паламарчук Петр*. Сорок сороков. М.: Астрель, 2007. Т. 1–2.

Россия, которую мы оболгали

Книга Андрея Борисюка разоблачает либерально-большевистские мифы о великой империи

Один из пролетов старого Амурского моста Транссиба. При замене новым в 1990-е гг. сохранен как памятник инженерному гению царской России

Новая книга Андрея Борисюка «**История, которую приказали забыть. Николай II и его время**» (М.: Вече, 2018) — без сомнения, знаковое явление в современной исторической литературе. Главная ценность ее отнюдь не в оригинальности научного метода, а в фактуре. Будучи средней по объему, она содержит **772 ссылки** и огромный список литературы. Причем, что крайне важно, автора никак нельзя упрекнуть во вторичности его ценнейшего исследования, то есть в использовании преимущественно трудов своих предшественников-историков, хотя и этот момент в его монографии, разумеется, присутствует. Он принципиально работает с первоисточниками!

Молодой ученый опирается главным образом на дореволюционные и советские статистические сборники и редкие архивные данные (в том числе из тех архивов, которые ранее были недоступны) и, как ни странно, именно этим производит настоящую революцию в российской исторической науке. Точнее сказать, в известном смысле завершает позитивное переосмысление истории и жизни Российской империи в те несколько десятилетий, что непосредственно предшествовали революционной катастрофе 1917 года, — переосмысление, начатое целым рядом более известных современных историков, таких, как, например, **Владимир Лавров, Борис Галенин**[1] **или Петр Мультатули**, не говоря уже о ранее трудившихся в условиях академической и политической свободы эмигрантских исследователях.

Последовательно и скрупулезно, слой за слоем он снимает многочисленные напластования лжи и клеветы на великого Государя, Царя-мученика Николая Александровича, это печальное наследие недавних времен, когда русофобия и богоборчество были, по сути, основой официальной государственной идеологии в нашей стране.

В короткой статье, разумеется, невозможно сделать подробный обзор всех или хотя бы основных разделов книги. Приведем лишь несколько самых характерных примеров.

Обложка книги Андрея Борисюка

Одним из главных негативных мифов об императорской России, что усиленно культивировались в советское время, был миф о ее **безграмотности**, якобы в течение буквально десятилетия преодоленной большевиками. Часто приводились, например, данные из статистического сборника **1915 года**, в котором говорилось, что в стране всего **20 процентов грамотных**. Такой справочник действительно существует, и данные эти в нем приводятся, только относятся они... к **1894 году**, то есть к началу царствования святого Царя, за 21 год до выхода из печати самого источника! Между тем в действительности, как убедительно, с фактами в руках, показывает автор, пресловутая ликвидация массовой безграмотности, которой до сих пор кичатся большевики, в полной мере была начата в благословенные времена правления святого Царя Николая Александровича, причем темпы роста числа школ и другие показатели, относящиеся к образованию, в то время были существенно выше, чем в первые советские десятилетия, когда блестящие плоды николаев-

ской реформы образовательной сферы были, напротив, отчасти подорваны и рост грамотности замедлился! Так, например, **с 1894 по 1914 год** число школ (согласно ныне открытым статистическим данным) **выросло в 2 раза**, а в результате революционных потрясений, когда происходил последовательный погром всех сфер жизни исторической России, с **1914 по 1928 год** оно **сократилось на 10 процентов.** Число же учеников **с 1894 по 1914 год** выросло в **2,9 раза**, а **с 1914 по 1928 год упало на 2 процента.** То есть мы видим, что никакой позитивной революции в образовании большевики не произвели, а просто дореволюционная система образования царской России продолжала действовать, несколько сократившись. Развитие высшего образования в советское время не ускоряется, как нас долго уверяли, а, напротив, замедляется. **В 1890–1917 годах рост в 10,8 раза, в 1917–1940 годах рост в 6 раз, в 1940–1987 годах рост в 6,2 раза.** Автор справедливо указывает, что, вопреки привычным для нас расхожим мифам, «*революция не принесла народу никакого прорыва в образовательной сфере. Как и в промышленности, видим лишь сокращение темпов и неэффективные эксперименты, хотя все это сопровождается бурной пропагандой и громкими лозунгами*» (С. 55)[2].

Похожую картину видим и в других областях — в науке, технике, промышленности, социальной политике и т. д. и т. п.

Не можем не остановиться на еще одном, пожалуй, самом устойчивом мифе об «отсталой России» (отсталой в сравнении с СССР), который касается такой всем известной сферы, как **электрификация и производство электроэнергии**.

Факты (которые, кстати, можно почерпнуть из советского сборника «Народное хозяйство в 1960 году») заключаются в следующем. В **1913 году** в России вырабатывалось **2 039 млрд кВт·ч;** в **1916 году** — уже **2 575 млрд кВт·ч**, а к **1924 году** выработка электроэнергии в стране **упала до 1 562 млрд кВт·ч**. Так что, когда Ленин

произносил свою знаменитую фразу про Советскую власть и электрификацию всей страны, он знал, о чем говорил. Он говорил о том, что возглавляемая им партия за годы его правления едва не пустила под откос. При этом многие авторитетные специалисты, например доктор исторических наук Н. С. Симонов, полагают, что реальное соотношение в советских статсборниках сильно подкорректировано в советскую же сторону, так что в действительности к 1924 году отставание от показателей 1916 года носило еще более существенные масштабы. (По сведениям группы разработчиков плана ГОЭЛРО, датированным 1920 годом, в **1916 году** вырабатывалось **4,7 млрд кВт·ч** электроэнергии.) Так что нашумевший советский план ГОЭЛРО носил исключительно догоняющий характер! При Ульянове (Ленине) наблюдается разруха, прикрытая громкими лозунгами, а пресловутые сталинские темпы индустриализации, добытые необычайно дорогой ценой, объясняются не в последнюю очередь тем, что приходилось преодолевать последствия ленинской разрухи...

«*История*, — подчеркивает автор, — *ясно показывает, что Империя гораздо больше связана с прогрессом и внедрением новых технологий, чем СССР. Именно будучи империей, Россия встала на путь электрификации. Советский Союз лишь продолжил этот путь, причем спустя почти десятилетие разрухи*» (С. 24).

Практически во всех основных сферах — промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, в науке и технике большевики беззастенчиво присваивали достижения империи, приписывая их себе, а саму историческую императорскую Россию подвергали постоянным поношениям и клевете. Факты, однако, заключаются в том, что «отсталая и нищая Россия» в действительности была передовой, процветающей страной, находившейся на уровне лучших достижений того времени, а в ряде областей даже опережая так называемые развитые страны. Одно лишь перечисление беспрецедентных строек нико-

лаевского времени и поставленных в то время промышленных рекордов занимает у автора несколько страниц. Среди них, например, такие, как завершение Транссиба (до сих пор остающегося самой длинной железной дорогой в мире), освоение Донбасса, Кузбасса и множества других месторождений, создание нефтяной промышленности Северного Кавказа и Азии (при этом экспортировалась не сырая нефть, как сегодня, что считалось недопустимым расточительством, а преимущественно продукты нефтепереработки), судостроительные заводы, первые шлюзовые системы, осушение болот Центрального региона и Западной Сибири, орошение пустынь Средней Азии, создание энергетических систем и т. д. и т. п. Приводить весь поток цифр просто невозможно, надо брать и читать книгу, при желании сверяя ссылки на первоисточники. К примеру, общее число угольных шахт только Донбасса превышало **1 200**, а количество новопостроенных мостов исчислялось сотнями. Таких объемов строительства, как при святом Царе Николае Александровиче, прежде в истории нашей страны не было никогда.

Именно в последние годы николаевской России было начато осуществление ранее подготовленных и утвержденных технических проектов, которые для массового сознания современного российского обывателя накрепко связываются с советским периодом и которые были прерваны революцией и Гражданской войной и осуществлены уже много лет спустя, — **метро и электропоездов**. Сюда же следует отнести и строительство городов-садов в Сибири и Центральном регионе, то есть населенных пунктов, где «*жизнь, приближенная к природе, обеспечена благоустройством и удобствами городского уровня*». В полной мере, в изначально задуманном виде эти проекты впоследствии не осуществились никогда.

Невозможно не отметить разоблачения еще одного мифа об императорской России — о «рабском труде» на николаевских стройках. Использование **труда**

заключенных по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с советским временем. «*Так, например, крупнейшей дореволюционной стройкой с использованием заключенных и каторжников было создание Амурской магистрали — заключительного участка Транссиба. В* ***1913 году*** *там работало около* ***5 тыс****. арестантов, но это в* ***38 (!) раз меньше****, чем* ***в 1936 году*** *в Дмитлаге на стройке канала им. Москвы (****188,8 тыс. человек****). Интересно и то, что на Амурской магистрали в 1913 году всего* ***работало в 4 раза меньше*** *заключенных, чем погибло на строительстве канала им. Москвы (и это по самым скромным подсчетам*)» (С. 12–13). Отсюда видно, что использование труда заключенных на николаевских стройках и то, что в советское время мы имели в ГУЛАГе, — явления абсолютно несопоставимого масштаба.

Крайне важно то, что автор пишет о принципах экономической организации Империи, которые нельзя свести ни к чисто рыночным, ни только к государственному регулированию. «*Имперская экономическая модель,* – указывает он, – *позволяла сочетать приоритет государственных интересов с интенсивностью развития рыночной экономики, основанной на конкуренции*» (С. 34). **Конкуренция государственных и частных компаний под контролем властей** была серьезным стимулом для развития экономики, способствовала тому, чтобы заказы попадали именно к тем компаниям, которые были способны выполнить их в оптимальные сроки и с наилучшим качеством.

Невозможно не упомянуть и о такой важнейшей сфере, как **развитие науки и новейших технологий**. В этой важнейшей области, как и во многих других, мы видим, что основы многих научных и технических достижений позднейшего времени, которые большевики безосновательно приписывали себе, также заложены во времена Царской России. Сюда следует отнести, в частности, освоение космоса и атомные технологии. Так, в 1911 году **Константин Циолковский** уже публикует формулы для преодоления земного притяжения, разрабатывает прин-

ципы реактивных ракет. Его книга «Исследование мировых пространств реактивными приборами» содержит научный аппарат, который используется и сегодня. Среди других российских ученых, трудившихся в данной области, следует в первую очередь назвать имена **Якова Перельмана** и **Юрия Шаргея (Кондратюка)**. В 1916 году им была рассчитана так называемая трасса Кондратюка — траектория полета на Луну, позже использованная американцами в рамках программы «Аполлон». Научный потенциал, заложенный в России при Николае II, используется в космической отрасли до сих пор. Это огромное наследие, которое начинается от конкретных математических формул, выведенных Циолковским и успешно используемых и сегодня, до теоретических моделей летательных аппаратов, воплощенных уже в середине XX века.

В николаевские годы в России был также начат поиск радиоактивных руд и основан целый ряд лабораторий для изучения радиоактивных металлов, оборудованных по последнему слову техники. В 1914 году сразу в трех чтениях (ввиду важности) принимается законопроект (сразу же утвержденный Государем) о дальнейшем государственном финансировании исследования радиоактивных металлов.

Царская власть последовательно поддерживала инициативы выдающихся русских ученых, ведя с ними постоянный диалог. **Менделеев, Жуковский, Вернадский** получали все возможности для реализации своих проектов, будучи при этом непосредственно причастны к высшим органам государственной власти (так, например, Владимир Вернадский был членом Государственного совета, Дмитрий Менделеев лично переписывался с Государем и министрами и т.д.) (С. 39).

Не имея возможности подробно излагать все нюансы, например в области развития сельского хозяйства (для чего отсылаем читателя к самой книге), остановимся лишь на важнейших аспектах. В книге приводятся

конкретные данные, касающиеся, например, бурного роста его механизации (начало которой также совершенно безосновательно приписано себе большевиками). Крайне важно, что в ней опровергается и другой популярный миф, лежавший в основе одного из главных лозунгов революции («Землю — крестьянам!»).

«*В 1906 году были до конца ликвидированы последствия крепостного права — выкупные платежи. Крестьяне стали полностью свободными; кроме того, с них списали все задолженности перед государством. В том же 1906 году начинается реализация госпрограммы поддержки крестьян землей — за счет госбюджета скупались земли помещиков и выставлялись для продажи крестьянам на льготных условиях и/или в кредит на срок до 55 лет... С 1906 по 1915 год за счет бюджета скуплено* ***4,3 млн десятин*** *помещичьих земель, или* ***3,25 тыс. имений****. К 1916 году около* ***80 процентов*** *этой земли уже было передано крестьянам*». В среднем в 1916 году доля личных крестьянских хозяйств в сельском хозяйстве России составляла **93,3 процента**. «*Сельское хозяйство перед революцией*, — подводит итог автор, — *хозяйство свободных крестьян. Помещики лишились крепостных и больше не играли в хозяйстве серьезной роли*» (С. 43). Это и был тот самый, с любовью и тщанием укрепленный Государем становой хребет России — личные крестьянские хозяйства, что вскоре попал под каток так называемой коллективизации, фактически приведшей к новому закрепощению крестьянства и в конечном счете уничтожившей русскую деревню.

При этом существовала **специальная государственная программа борьбы с неурожаями**. Помимо организованной системы накопления продуктов на местах, развития внутреннего грузооборота сельскохозяйственных грузов и проч. была создана система государственного снабжения пострадавших от голода регионов. С **1891 по 1908 год** в урожайных губерниях было за государственный счет скуплено продуктов на сумму не менее чем **488 млн руб**.

(**0,7 трлн** по современному курсу), которые были переданы в пострадавшие от неурожая регионы, причем детям и старикам эти продукты передавались безвозмездно, а работающие крестьяне эти государственные расходы возмещали после нормализации ситуации. Следует особо подчеркнуть, что такого рода долги крестьянам регулярно прощались. Характернейший контраст с абсолютно безжалостным отношением к миллионам голодающих во времена советского «голодомора»!

Автор просто и убедительно опровергает еще один расхожий миф большевистской пропаганды о «миллионах душ», якобы умерших от голода в Российской империи. Никаких **ссылок на первоисточники** авторы подобных мифов не приводят. Между тем источники эти существуют. Это в первую очередь данные о ежегодном количестве смертей от всех причин из **статистических ежегодников**. (В Империи ежегодный учет рождений и смертей велся самым тщательным образом.) За предреволюционное двадцатилетие пиков смертности нет вообще. В то время как по **20–30-м годам XX века** пики смертности наглядно отражаются в статистике (до недавнего времени эти данные были тщательно засекречены). Никакие «миллионы православных душ» от голода в Империи не умирали. Об этом нагло и беспардонно врали.

Что касается экспорта сельскохозяйственной продукции (якобы за счет недоедания собственного населения), то этот миф опровергается совсем просто. До революции у народа никто и никогда ничего не забирал насильно. Экспорт осуществлялся за счет той продукции, которую крестьяне сами, добровольно продавали закупочным компаниям. Что касается налогов, то на них крестьяне тратили намного меньше, чем на спиртные напитки, при том, что, вопреки другому распространенному мифу, Россия была одной из самых непьющих стран мира.

Согласно приведенным в книге данным, на экспорт шло **3,5 процента** выращиваемой в Империи ржи,

24,3 процента пшеницы и **7,6 процента** овса. И при этом по той же ржи мы были мировым лидером экспорта!

К этому добавим от себя, что идея продразверстки, как это любят часто повторять, действительно принадлежит не большевикам, а последнему царскому министру земледелия **Александру Риттиху**. Только при этом предполагалось обязывать крестьян и помещиков **продавать** зерно государственным закупочным компаниям по твердым ценам. О том, чтобы просто отбирать у земледельца продукт его труда (к чему вскоре решительно перешли большевики), даже во время Мировой войны в царской России никто не мог и помыслить! При этом из всех воюющих стран Россия до революции единственная не перешла к карточной системе!

Невозможно обойти вниманием и такую важнейшую сторону жизни (особенно актуальную в наше время), как **социальное положение широких масс народа**. Приведем лишь некоторые важнейшие цифры, касающиеся реальных доходов и уровня жизни. Например, у фабричных рабочих всех групп производств с 1901 по 1913 год годовой доход растет с **202** до **264 руб**. (без учета «квартирного довольствия натурой») (по современному курсу — **33 тыс. руб**. в месяц, не считая обеспечения жильем). В сфере обработки металлов — рост до **402 руб**. (по современному курсу — **50 тыс. руб. в месяц**). У квалифицированных рабочих зарплаты были существенно выше. При этом основные продукты питания стоили много меньше, чем 1 рубль за килограмм. Исключение составлял лишь такой деликатес, как черная икра, фунт которой стоил 1 руб. 20 коп. Цены на съемное жилье колебались от **50 тыс. в месяц** по современному курсу за **4-комнатную квартиру в центре Москвы** до сумм в **2–3 раза меньше** за квартиры меньшей площади ближе к окраинам и в промышленных районах, при том что размеры города в то время были естественным образом много меньше, чем теперь. Это делало съемное жилье вполне доступным даже для рабочих и студентов; жи-

лищной проблемы в духе 1920-х годов тогда не существовало вовсе.

Главы книги, посвященные войне и революции, производят менее сильное впечатление; здесь автор в основном следует наработкам своих старших коллег, таких как, например, В. Лавров или П. Мультатули. Мы коснемся лишь некоторых основных моментов. Крайне важно, например, сопоставление численности жертв революционного террора до 1917 года (то есть до того момента, когда революционеры захватили верховную власть в стране) и ответных мер правительства. «*Жертвами революционеров стали не только тысячи рядовых граждан, но и лучшие люди самого высокого статуса. Было убито **732** государственных чиновника из **17 тысяч** убитых и раненых в целом*». Революционный террор буквально выкосил ряды[3] верных слуг престола. Были убиты, в частности, Государь Александр Николаевич, премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин, министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин, прямой родственник Царя, московский градоначальник Великий князь Сергей Александрович, министр народного просвещения Николай Павлович Боголепов, шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцов, министр внутренних дел В. К. Плеве и многие, многие другие. Революционеры-террористы убивали не только высших лиц государства, но и простых людей, сохранявших верность престолу, тех же рабочих-патриотов, не желавших участвовать в забастовках. Что же касается ответных мер правительства, направленных на подавление прямого антигосударственного революционного террора, то **с 1905 по 1908 год** было казнено **2,2 тысячи** террористов, причем подавляющее большинство из них были взяты прямо на месте преступления и вина их была несомненной. Таким образом, число казненных террористов много меньше, чем число жертв их преступлений, а сравнение с государственным террором советского времени настолько показательно, что вообще не нуждается в комментариях. Так,

пиковый год так называемых столыпинских казней — **1908** — по числу казненных отстает от **1937 года в 270 раз** (**1,3 тыс**. казненных в **1908 году** против **353 тыс. казней в 1937-м**). Причем, добавим, речь идет лишь об официальных смертных приговорах, вынесенных судом. Данные по ОСО (Особому совещанию), активно действовавшему в советские годы, до сих пор засекречены.

Не будем лишний раз поднимать вполне ясный вопрос о других распространенных фальшивках либеральной и советской пропаганды типа так называемого «Кровавого воскресенья», бывшего прямой провокацией революционеров. На эту тему сейчас материалов более чем достаточно[4], и здесь автор, в общем, повторяет общеизвестное.

Но никак нельзя, хотя бы очень кратко, не остановиться на некоторых статистических данных, касающихся Первой мировой войны. Если, например, говорить о потерях, то сопоставление здесь, как и везде, явно не в пользу «эффективного менеджерства» 1930–40-х годов. По максимальным из существующих и явно завышенным данным, Россия в Первой мировой войне потеряла около **2 млн человек** (на самом деле — **не более 800 тысяч**), и это включая пропавших без вести, в то время как потери СССР в Великой Отечественной войне, согласно официально признаваемым сейчас цифрам, — **около 27 млн**. Что же касается Германии и ее союзников, то ее потери в двух войнах вполне сопоставимы[5].

Необходимо также упомянуть и о развитии **производства вооружения и боеприпасов** в России в годы войны. Не намереваясь перегружать читателя цифрами, которые он может самостоятельно изучить при внимательном чтении книги, скажем, что и этот раздел таит в себе немало неожиданностей для тех, кто воспитан в духе лживой русофобской пропаганды последних десятилетий. Производство вооружения в годы войны достигло в Империи необычайно высокого уровня. Достаточно напомнить, что после снарядного голода начала 1915 года

производство боеприпасов было выведено на такой уровень, что их с избытком хватило на все последующие войны **вплоть до 1942 года**! В годы войны продолжается бурный промышленный рост, а численность населения, даже с учетом военных потерь, увеличилась на **2 млн человек**!

Что же касается **общего уровня жизни** в стране во время войны, то Россия не испытывала таких бедствий, какие постигли другие воюющие страны. Достаточно привести такой пример. В конце 1916 года Брусилов (после революции перешедший на службу к большевикам) сетует, что норма по хлебу сократилась до **1 кг в день**! Кроме того, он негодует, что «пришлось ввести два постных дня в неделю, когда вместо мяса в котел клали рыбу». И это при том, что в Германии в то же самое время норма выдачи хлеба была **2 кг в неделю**! Немцы в это время кормились в основном лепешками из брюквы, а от голода во время войны там умерло более **750 тыс**. человек! Избавим читателя от сравнения со временем Великой Отечественной войны, например, Ленинградской блокады и не только ее...

Общепризнано, что Германия накануне Февраля 1917 года стояла перед лицом неминуемого поражения и смогла протянуть еще больше года исключительно благодаря революции в России.

В анализе истоков и причин революции автор, как мы уже сказали, не открывает ничего нового, в основном повторяя правильные тезисы о полном отсутствии каких-либо объективных предпосылок к свержению монархии, признаков революционной ситуации, как они определяются в «научном» марксизме, указывая прежде всего на **духовно-нравственный кризис** «элит» и всего так называемого образованного общества. Это должно быть темой отдельного исследования и совсем не входит сейчас в нашу задачу. Цветущая, бурно развивающаяся страна в одночасье была повергнута в прах в первую очередь из-за отступления от веры, измены Богу

и Царю, знаково повторив судьбу богоизбранного еврейского народа.

В заключение еще раз подчеркнем: главная ценность книги — отнюдь не в оригинальности ее историософской концепции или принципиальной новизне выводов, а в богатейшей фактуре, строгой корректности, соблюдаемой автором в работе с первоисточниками. Книга занимает хотя и не уникальное, но весьма достойное место в ряду работ, разоблачающих многолетнюю клевету на святого Царя-Мученика — Государя, приведшего Россию к небывалому процветанию и порогу победы в величайшей из войн и павшего жертвой лжи, обмана и предательства тех, кто утерял религиозное, библейское представление о власти как служении и «хождении перед Лицом Божиим». Не ценя и не любя России, страстно желая «порулить», они ввергли страну в пучину небывалых бед и страданий, из которых она до сих пор пытается мучительно выбраться, и желаемого просвета здесь пока еще, увы, не видно.

Читайте хорошие книги, уважаемые коллеги!

Примечания

[1] См., напр.: *Галенин Б.Г.* Царская школа. Государь Николай II и имперское русское образование. М.: РИЦ, 2014.

[2] Эти данные, по-видимому, заимствованы автором из вышеупомянутой книги. Что, впрочем, ничуть не отменяет наличия первоисточников.

[3] См.: Хронология террористических актов. Россия 1866–1911 гг. http://maxpark.com/community/politic/content/1847620

[4] См., напр.: Миф о «Кровавом воскресенье». https://masterok. livejournal.com/ 855046.html

[5] Подробнее об этом см.: *Галенин Б.Г.* Главком Николай II. Часть третья. https://likorg.ru/post/glavkom-nikolay-ii-chast-tretya-boris-galenin. *Его же*: Потери Русской армии в Первую мировую войну // Русский Исторический Сборник. 2013 г. №6. С. 126–172.

«Пятая империя» или красный реванш?

Об исторической правде, идеологической борьбе и объективности оценок

Стройные колонны «новых красных» вряд ли движутся к общенациональному консенсусу...

Относясь с самым искренним уважением к медиахолдингу «Завтра» и много лет сотрудничая с ним, я всегда старательно избегал, так сказать, внутренней полемики (то есть с авторами самого ТВ «День», а также газеты и сайта), обоснованно, на мой взгляд, полагая, что, как отдельно взятый автор, никак не могу нести ответственность за редакционную политику, при том что целый ряд публикаций вызывал и вызывает у меня решительное

несогласие. Тем более что принципы блог-сообщества запрещают в статьях критиковать публикации коллег. Моя попытка вступить в содержательную полемику[1] с коллегой Душеновым привела к тому, что поначалу размещенный на сайте текст был после удален не только с главной страницы, но даже и из самого блога, что является беспрецедентным случаем! Такая принципиальность редакции могла бы только радовать, если бы носила единый и неотменяемый характер и всегда применялась в ее работе. Это, однако, не так: непременным условием для публикации сокращенного (!) варианта моей рецензии на книгу Андрея Борисюка в газете «Завтра»[2] была публикация в том же номере ответа коллеги Винникова[3]! И поскольку, как видим на этом примере, правила сообщества «Завтра» носят отнюдь не универсальный характер, надеюсь, Уважаемая Редакция в данном случае не лишит и меня права на ответ.

Должен сразу сказать, что позиция Винникова не что-то исключительное в неосоветской среде, а выражает весьма характерные для нее общие тренды. Надо отдать должное автору: он очень емко и доходчиво формулирует тот методологический тупик, к которому устремлено мировоззрение подавляющего большинства сегодняшних «новых красных».

В том-то и дело, что хотя уважаемый коллега пытается по видимости апеллировать к фактам, его возражения мне носят в первую очередь **методологический характер**. Главный посыл товарища Винникова (употребляя здесь это традиционное советское обращение, исхожу из того, что слово «господин» его, как идейного коммуниста, могло бы обидеть, а мне менее всего хочется кого-то лично обижать) заключается в том, что в неприятии сегодняшнего развала и деградации всех сторон жизни России (такое неприятие всех нас объединяет) можно опираться в качестве альтернативы либо на советское наследство, советский период, либо на дореволюционную Россию. Где, когда, в какой исторический момент

произошел трагический слом, в 1917 или в 1991 году, вопрошает он. От выбора роковой «точки бифуркации», по его мнению, зависит принципиальная¸ так сказать экзистенциальная, позиция сегодняшнего исследователя. «*Где и когда была сделана та роковая, главная ошибка, которая и предопределила нынешнюю... нетерпимую ситуацию?*» При этом автор заведомо оставляет в стороне вопрос об обоснованности данного противопоставления, считая на сегодняшний день его просто «*мировоззренческой данностью*». Из этого следует и дальнейший посыл: необходимо возвращение либо в СССР, либо к монархии, и тогда, стало быть, весь советский период должен быть объявлен некой «черной дырой» в истории, от которого происходят все наши беды.

Должен сказать, что, по моему мнению, такой подход представляется в методологическом плане абсолютно неубедительным, прямо скажем, беспомощным и в конечном счете безусловно проигрышным, и это вполне очевидно. Во-первых, никакой возврат к прошлому в истории, как известно, невозможен. Во-вторых, такая «наивная» убежденность в абсолютной несовместимости советского наследия и исторической России начисто перечеркивает многолетние усилия главного создателя проекта «Завтра» Александра Андреевича Проханова и его ближайших соратников и единомышленников. Ведь Проханов-то как раз много лет подряд утверждает, что СССР, по его мнению, был как раз развитием «в правильном направлении» дореволюционной России, а не ее полным отрицанием. В этом и заключается подлинный смысл творимого им мифа о Сталине как «красном монархе», который продолжил дело других русских царей, своих предшественников. Этим, по мнению сегодняшних неосоветских идеологов прохановского типа, Сталин и его проект «СССР» отличается от всякого рода «троцкистов» и прочих разрушителей, абсолютно чуждых имперской идее, развивавшейся Россией на протяжении многих столетий. Россия, учат они, развивалась

от «империи» Киевской Руси через Русь Московскую, эту империю Рюриковичей, Петербургскую империю Романовых к своей исторической вершине — СССР. А мы призваны к строительству «пятой империи», к продолжению этого имперского вектора в развитии исторической России.

В нашу задачу сейчас не входит критический разбор этой модели, в которой присутствует как историческая правда, так и мифология, что всегда неизбежно в столь отвлеченных и схематичных историософских построениях. Для нас важно другое. Как ни относиться к этой прохановской теории, но факт в том, что в ней хотя бы присутствует понимание главного: без исторической преемственности невозможно говорить и о сохранении национально-государственной идентичности субъекта под названием «Россия», а без идентичности никакая историософия, никакая надежда на будущее невозможна вообще. Либо русский субъект в истории есть, либо его нет. Если его нет, то все наши рассуждения бессмысленны. Если он есть (то есть этот факт хотя бы просто признается), тогда можно разговаривать о чем-то дальше. Проект «Завтра», как он был задуман, построен в первую очередь на отрицании непримиримого антагонизма, на примирении «красных» и «белых», а нынешний ответственный секретарь газеты начинает свою статью с утверждения, что этот антагонизм в принципе непреодолим! Хороши же в богоспасаемой газете сотрудники, которые столь явно отрицают главный идейный посыл своего главного редактора!

Крайне важно, что в моей рецензии на книгу Андрея Борисюка не было нападок на СССР как исторический проект, который, как понятно, сложился не сразу. Главная мысль была отнюдь не в этом, а в защите Царской России от многочисленных клеветнических мифов, точнее сказать, злобных, полных ненависти сказок, которыми нас снабжали в советские годы и которыми полна сегодняшняя «либеральная» эпоха. Книга Борисюка — это

совсем не «Архипелаг ГУЛАГ», хотя и в этом последнем разоблачительный пафос отнюдь не единственное, что там есть. Если посмотреть на дело достаточно широко, то Борисюк и те современные историки, которые с ним солидарны, говорят не о том, что необходимо произвести очередную революцию, отказавшись вовсе от советского наследства, а о том, что нельзя строить будущее на революционных основах, нельзя клеветать и мазать грязью собственное прошлое. То есть он-то как раз отрицает именно то, в чем «новые красные» по обыкновению склонны обвинять своих оппонентов. (Винников так прямо и пишет: «Не стреляйте в прошлое собственной страны, уважаемые монархисты!») Но если в применении к СССР такой посыл ими активно отрицается, то в применении к Царской России, напротив, поднимается на щит. Выставляя себя в качестве защитников великой империи, они по большей части по-прежнему воспринимают историю в терминах гражданской войны. Подчеркну еще раз крайне важный, на мой взгляд, ключевой момент: **предельно спокойная, академичная и аргументированная защита исторической России воспринимается «новыми красными» исключительно как идеологическая война против СССР**! С нашей точки зрения, здесь они полностью изобличают себя, поскольку таким образом по факту демонстрируют: **в самом проекте СССР для них главным является не созидание, а революция**, «разрушительный до основанья» пафос! Так что отнюдь не созидательный и творческий «сталинизм» (как он понимается Прохановым) руководит вами, дорогие товарищи, а самый что ни на есть погромный большевизм, во всей своей красе! Для того чтобы убедиться в этом, а также в полной «разрухе в головах» уважаемых оппонентов, достаточно почитать совершенно очаровательные реплики в мой адрес и в адрес Андрея Борисюка на форуме богоспасаемого сайта.

Помнится, С. Е. Кургинян высказывал мысль, что в борьбе за наше гипотетическое будущее следует от-

бросить крайние точки зрения, то есть полное и безоговорочное отрицание либо советского наследства, либо Царской России, и сосредоточиться на творческом, конструктивном диалоге двух умеренных групп, каждая из которых признаёт достоинства и достижения обеих этих эпох, а различие между двумя умеренными группами заключается в том, что именно, какое наследие стремятся положить **в основу** будущего проекта. Сам Сергей Ервандович, как нам представляется, много раз нарушил данный подход, методологически, по сути, вполне правильный. Но мысль-то, в общем, верная! И почему вместо непреодолимого антагонизма «красных» и «белых», представляемого как аксиоматически заданная реальность («мировоззренческая данность») нельзя патриотический консенсус, ради которого, собственно, в свое время и создавалась газета «Завтра», представить в виде простой и доходчивой формулы: ***«Россия, обладающая исторической субъектностью, национальной и государственной идентичностью, должна и может развиваться только на основе усвоения всего лучшего, что создано во все исторические периоды ее существования»***? Почему вместо бессмысленного с методологической точки зрения противопоставления двух роковых «точек бифуркации» в истории России просто не констатировать очевидное? А именно, что между двумя упомянутыми ситуациями имеется фундаментальная общность: в обоих случаях была осуществлена революция, то **есть слом, попрание жизненной органики**, этого **плода естественного, поступательного развития народного духа в угоду утопии**, что привело к многочисленным жертвам и породило труднопреодолимые противоречия? Но нет, «новых красных» это никак не может устроить. Ибо в основе их пафоса — не созидание, а именно революционность, горячечное возбуждение «комиссаров в пыльных шлемах», а вовсе не спокойная обстоятельность и профессионализм любящих свое творческое дело работников. Чем и как бы это ни прикрывалось. И именно более или менее сознатель-

ное желание оправдать погромный большевизм профессиональных революционеров, ваших предшественников, руководит вами, дорогие товарищи, а вовсе не защита поруганного Отечества. Так конструктивные дискуссии не ведутся.

Методологическая беспомощность уважаемого коллеги проявляется также в его посыле касательно соотношения опоры в историческом исследовании на статистику, архивные данные и использования всевозможных частных свидетельств. Мало ли, говорит он, что Борисюк опирается на статистику и архивы, ведь есть немало частных свидетельств, которые все это опровергают! (Правда, ни одно из таких свидетельств не приводится, но это спишем на издержки полемического жанра, как его понимает уважаемый коллега.) Здесь остается лишь развести руками. Все-таки, товарищи коммунисты, неплохо бы вам определиться, так сказать, с единством методологии. Ведь столь ненавидимый вами «Архипелаг ГУЛАГ», наряду с немногочисленными фактическими ссылками (которые были доступны автору на тот момент) построен в основном именно на частных свидетельствах! (Это было обусловлено недоступностью архивов для автора, а отнюдь не нежеланием в них работать. В «Красном колесе», при работе над которым подобные обстоятельства отсутствовали, с использованием архивных данных все было в порядке.)

Здесь, правда, есть нюансы. Одно дело — свидетельства очевидцев, бывших **прямыми участниками** тех событий, о которых они свидетельствуют. Например, если человек побывал в местах не столь отдаленных и рассказывает об этом. Другое дело — выдумки, сплетни, лишь имеющие вид свидетельств. Например, известная ложь о том, что якобы в Царской России за определенный период «умерло от голода два миллиона православных душ», кочующий из статьи в статью, который спокойно и доказательно, со всеми необходимыми научными ссылками на первоисточники опровергается

в книге Борисюка. Но это следующий вопрос. Для нас сейчас важно другое. Предположим, для чистоты эксперимента, что Солженицын (будучи не ученым историком, а писателем и назвавший свой труд «опытом *художественного* исследования») опирался бы исключительно на частные свидетельства. В этом случае «новые красные» ожесточенно кричат: «Так нельзя, дайте точную статистику!» Но ведь в применении к развитию России при святом Царе-Мученике Николае Александровиче Андрей Борисюк именно так и поступает! И что же? Наши уважаемые оппоненты на сей раз позволяют себе иронизировать над «вновь открытыми архивными данными», коими оперирует исследователь, апеллируя именно к частным свидетельствам! Которые, впрочем, не приводятся... Нет, дорогие товарищи, так нельзя. Нельзя, как один мой знакомый журналист, в одних случаях говорить, что «необходимо тщательно разобраться во всех деталях», а в других заявлять, что никакие исследования ему не интересны, поскольку у него, видите ли, есть «метаисторический взгляд». **Фантомные боли сознания, на всю оставшуюся жизнь травмированного развалом страны,** — плохая основа для содержательной дискуссии и исторического творчества. Поскольку мы не хотим здесь никого лично обижать, от дальнейших эпитетов воздержимся.

Что же предлагает нам уважаемый коллега Винников в качестве, так сказать, конкретных, фактических аргументов? По нашему мнению, они столь же беспомощны, как и общий методологический посыл. Так, он иронизирует над вырванным из контекста утверждением Андрея Борисюка, что «революция не принесла народу никакого прорыва в образовательной сфере», аргументируя свою позицию тем, что уровень образования его родителей выше, чем тот же уровень у бабушек и дедушек. С таким беспомощным, прямо скажем, смешным подходом вряд ли стоит браться за полемику с научной монографией. Совершенно понятно, что любое явление выглядит более

развитым и совершенным на более поздних этапах своего развития. Если поезд едет из пункта А в пункт Б, то естественным образом завтра он будет ближе к цели своего движения, чем сегодня, а сегодня ближе, чем вчера. Автотранспорт и авиация в наше время значительно более совершенны, чем в начале XX века. А что, разве кто-то утверждает обратное? Вряд ли правильно столь нарочито оглуплять позицию оппонентов, не вдумываясь в смысл предмета.

О чем на самом деле говорит Андрей Борисюк? Он исследует **тренды, динамику развития**. И показывает, что миф об отсталости России не имеет с реальностью ничего общего, что темпы развития во всех областях жизни (в том числе и в области ликвидации массовой неграмотности) были таковы, что, не будь срыва в революцию, позитивные достижения советского (то бишь сталинского и последующего) времени могли бы стать реальностью ***гораздо быстрее и с гораздо меньшими людскими затратами***. ***Революция не является источником этих достижений,*** **поскольку и темпы, и качество, и направленность развития в полной мере были заложены в Царской России**, — такова главная мысль автора монографии. Вместо признания этой преемственности «новые красные», эти достойные наследники погромного большевизма, склонны продолжать использовать старый миф о некоем «рывке» из мира темноты и отсталости в мир прогресса и процветания, якобы совершенном революцией, и тем продолжают линию своих предшественников. **Шаблонная клевета на Царскую Россию сочетается здесь с беззастенчивым присвоением ее достижений**. Это краеугольный камень большевистского и необольшевистского мифа. Его обоснованное научное опровержение понятным образом вызывает у наших уважаемых оппонентов яростное неприятие.

Сравнение начала XX века с его серединой в плане абсолютных достижений, абсолютного уровня развития с научной точки зрения является методологическим

шулерством. Корректно можно сравнивать вещи сопоставимые. Например, российский автопром николаевского времени был на уровне высших достижений других стран в то же самое время. После революции мы отстали навсегда и до сих пор не можем конкурировать с ведущими производителями. Когда оружие победы, знаменитые «катюши», сегодня демонстрируются размещенными на ЗИСах производства 1950-х годов, то у специалистов это не может вызвать ничего, кроме грустной ухмылки и брезгливого отвращения. Ибо в годы Великой Отечественной войны они, согласно приказу самого Сталина, размещались главным образом на американских «студебеккерах», не считая тех немногих, что базировались на танковых платформах. Советский автопром вплоть до самой войны не удосужился произвести грузовик на полном приводе, а попытки размещать «катюши» на заднеприводных грузовиках отечественного производства (таковые тоже имели место) чаще всего плохо кончались. В силу понятных причин, вызванных особенностями наших дорог и климата.

Если вернуться к образованию, то нельзя не признать, что заведомо бóльшая общая грамотность мамы и папы товарища Винникова по сравнению с его дедушками и бабушками вряд ли может быть признана серьезным аргументом. Охотно верим, что в данном конкретном случае так и было. Но и здесь не обойтись без нюансов. **Б. Г. Галенин** в монографии «Царская школа»[4] наглядно показал, насколько советская «семилетка» 1930-х годов по своему уровню уступала, например, дореволюционной гимназии. В данном же случае речь идет совсем о другом — о **качестве и потенциальных возможностях** как дореволюционной массовой школы, так и элитного образования. И здесь, помимо фактов, приводимых в книге Борисюка, также есть целый ряд нюансов. Не станем говорить о том, что все шедевры великой русской литературы XIX века созданы в условиях массо-

вой неграмотности простонародья, а крестьянская, народная культура при всем том сама по себе — достаточно сложное явление, канувшее в Лету в ходе исторических перипетий века двадцатого. Упомянем другое: «взлет просвещения», приписываемый большевикам, сопровождался, например, попыткой «сбросить с корабля современности» целый ряд русских классиков, что стало отчасти преодолеваться лишь начиная примерно с середины 1930-х годов, а некоторые из научных дисциплин, необычайно развитых в «лапотной России» (например, классическая филология), в 1920-е годы также попали под запрет. Последующий пример с третированием генетики как «буржуазной лженауки» слишком одиозен, чтобы лишний раз останавливаться на нем, сыпя соль на раны нынешних необольшевиков. А репрессии в отношении выдающихся ученых, насильственная высылка из страны ведущих философов и других гуманитариев ныне уже оправдывается в необольшевистской среде в привычных для нее терминах борьбы с «врагами народа».

Главный конкретный аргумент, которым, видимо, очень гордится товарищ Винников, — то, что он пишет по поводу электрификации в Царской России и в последующий период коммунистической власти. При этом для начала он сам же признает, казалось бы, полную правоту Андрея Борисюка: «*Даже можно допустить, что производство электроэнергии в Российской империи было еще выше приведенных цифр*». (Напомним, в монографии последнего приводятся, причем со ссылкой на советские источники, данные о том, что в 1924 году, то есть к исходу правления Ленина, производство электроэнергии в России по сравнению с 1916 (!) годом упало примерно в 2,5 раза.) Однако затем предлагает, как ему, видимо, кажется, совершенно убойную критику дореволюционной системы электроснабжения. Она-де была и маломощная, и децентрализованная, и основана преимущественно на постоянном токе, и т. д. и т. п. А вот в ходе реализации «ленинского плана ГОЭЛРО» все эти изъяны были

исправлены. Более того, мой уважаемый оппонент в качестве совсем уж сногсшибательного аргумента пишет, что, оказывается, самым передовым и мощным предприятием электроснабжения, которое вырабатывало электроэнергию для Москвы и Московской области, руководил «*будущий председатель ГОЭЛРО Глеб Максимилианович Кржижановский, большевик и друг Леонида Борисовича Красина, который, кстати, тоже будучи крупным специалистом-электроэнергетиком, заведовал сначала Петербургской кабельной сетью, а затем возглавлял российское представительство немецкой электротехнической фирмы Siemens*». (А еще занимался «эксами», то есть откровенным грабежом «для нужд революции» и изготовлял бомбы для терактов. — *В.С.*) Все вышеозначенные недостатки российской системы электроснабжения, по мнению Винникова и его единомышленников, были преодолены (ну конечно!) «благодаря революции и плану ГОЭЛРО».

Право же, не устаешь поражаться тому, с какими странными товарищами порой приходится иметь дело. Как известно, к разработке плана ГОЭЛРО были привлечены около двухсот ученых и специалистов. Решится ли уважаемый коллега утверждать, что все они были если не членами партии, то убежденными, идейными большевиками? Технические специалисты, инженеры во все эпохи в большинстве своем люди аполитичные и сотрудничают с той властью, которая есть, для блага страны, будучи увлечены в основном своим прямым делом. Общепризнано, что российская электротехническая школа была одной из лучших в мире, наши ученые и инженеры формулировали свои идеи задолго до революции 1917 года, проведя с 1900 по 1913 год семь электротехнических съездов. Свой известный доклад Кржижановский сделал еще в 1915 году. В этом докладе уже содержались все те главные принципы энергостроительства, которые через пять лет стали основой будущего плана ГОЭЛРО. Готов ли товарищ Винников утверждать, что решающим фак-

тором при создании и реализации плана был не высокий профессионализм и научные достижения его разработчиков, а именно принадлежность к партии большевиков некоторых из руководителей рабочей группы? Разве не сама по себе электротехническая школа, зародившаяся, сформировавшаяся и развившаяся в Царской России, а политические убеждения Кржижановского и некоторых других стали основой будущего плана? И на каком основании уважаемый коллега полагает, что все те издержки дореволюционной системы электроснабжения, на которые он указывает, не были бы преодолены без революции, которая-то как раз и привела к разрухе, к тому, что производство электроэнергии в России упало в несколько раз (что, в свою очередь, и побудило Ленина и других задуматься о необходимости как можно быстрее и качественнее исправить эту ситуацию)? Ведь сам же Винников, к примеру, пишет (приводя конкретные цифры), что доля участия иностранного капитала в российской системе электроснабжения довольно быстро снижалась еще до всякой революции.

Не говоря уже о том, что ссылка на Красина, отметившегося, как мы указали выше, **участием в уголовно-террористической деятельности**, вообще не идет здесь к делу.

Вся вкратце обрисованная нами выше картина — типичный и весьма характерный пример большевистских методов: сначала тотальное разрушение в ходе революционного эксперимента, затем, когда стало ясно, что методы военного коммунизма в русле созидания работать не могут, — использование ресурсов Царской России, включая массовое привлечение специалистов, грамотных и высокообразованных профессионалов. (Аналогичная картина имела место и, например, при создании Красной армии.) Затем же, когда «спецы» уже сделали свое дело, от них стали постепенно избавляться, как путем репрессий, так и просто отодвигая от руководящих должностей, заменяя партийными выдвиженцами. Так, **из одного**

только руководящего ядра Комиссии ГОЭЛРО пять человек были репрессированы: **Н. Н. Вашков, Г. Д. Дубеллир, Г. К. Ризенкамф, Б. Э. Стюнкель, Б. И. Угримов**. А давший признательные показания на процессе Промпартии **Л. К. Рамзин** (благодаря этим показаниям другие обвиняемые оказались в лагерях, где и погибли) впоследствии, вплоть до 1936 года, трудился на благо страны уже на «шарашке». Как, кстати, и другие выдающиеся созидатели советской эпохи: **Туполев, Королев, Тимофеев-Ресовский** и тысячи других с именами не столь известными. Так режим обращался с теми, кто, не занимаясь никакой политикой, творил материальное могущество Родины. Что же касается темпов индустриализации, и в частности электрификации, то, помимо прочего, достигались они за счет массового использования дармового, по сути рабского, труда заключенных, чего не знала в сопоставимых масштабах Царская Россия (конкретные цифры на эту тему также приводятся в монографии Андрея Борисюка)[5]. И при этом отталкивались от разрухи, порожденной именно революцией и Гражданской войной. Не говоря уже о том, что без западных, в основном американских, технологий, покупавшихся за счет бессовестного ограбления ресурсов собственной страны, никакая индустриализация была бы в принципе невозможна!

Так кто же из нас стреляет в собственное прошлое, дорогие товарищи?

Примечания

[1] См. нашу статью «Кому служит Душенов? http://amin.su/content/kolonka-redaktora/5220/

[2] См. предыдущую главу.

[3] *Винников В.* Красный взлет. http://zavtra.ru/blogs/krasnij_vzlyot

[4] *Галенин Б.Г.* Царская школа. Государь Николай II и имперское русское образование. М.: РИЦ, 2014.

[5] См. предыдущую главу.

Так надо ли хоронить Ленина?

Нет ничего более далекого от реальности, чем попытки христианизировать тот сатанинский культ, что выражен в Мавзолее

«Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»?

Время от времени среди политиков, журналистов, вообще в информационном пространстве нет-нет, да и оживляются разговоры о том, что Мавзолей Ленина — разновидность христианского культа. Поскольку почитание мощей святых — известная традиция Церкви. Казалось бы, аналогия очевидна?

Однако в серьезном анализе следует задаться главным вопросом: какова та религиозная глубина, то, так сказать, метафизическое содержание, которое стоит за этим внешним подобием? Собственно, здесь происходит то, что обычно имеет место при сравнении разных религий: на поверхности (например, в сфере тех же «заповедей») все очень похоже, но чем глубже мы погружаемся в ту или иную религиозную традицию, тем серьезнее, фундаментальнее расхождение религий именно на уровне духовных практик, то есть: самого понимания абсолюта (а без него какая же религия?!) и способа связи человека с абсолютом, того, что богословы назвали бы способом богообщения.

Общеизвестно, что все большевики были заведомыми материалистами и, таким образом, с фундаментально-мировоззренческой точки зрения никак не могли быть христианами в собственном смысле. Стало быть, и почитание человеческих бренных останков («мощей») у них в принципиальном, содержательном смысле было и есть совсем иное, нежели в христианстве, при всем внешнем сходстве.

И поскольку вполне очевидно, что в действительности Мавзолей есть наиболее полное и законченное выражение отнюдь не христианского, а именно материалистического сознания, здесь следует все же поговорить на ключевую тему — о материализме.

Материализм есть в конечном счете отнюдь не чисто «научное» мировоззрение (философы знают, что такое в принципе невозможно), а именно **вера** в то, что все в мире есть материя и управляется ею, что все принципиально выводимо из материи. Любой мыслящий человек, обладающий элементарной философской грамотностью и не пребывающий в рабстве у какой-либо идеологии, знает, что «материя» отнюдь не есть нечто реальное, эмпирическое. Это такая же философская категория, как и все прочие (время, пространство, движение, причинность и т. д.), то есть абстракция нашего ума.

И то, что именно одна эта категория ставится в основание всего мироздания, есть самый настоящий произвол материалиста, проявление его **веры в определенный миф**. Будучи интерпретированной личностно (что неизбежно, поскольку речь идет именно о вере, о коренном самоопределении человека в жизни), вера во всеобщность и первичность материи означает, что все в мире есть мертвое тело и выводимо из него. Причем, если мы последовательные материалисты, то мы уже не можем отговориться тем, что верим не просто в материю, но в одушевленную материю, ибо в таком случае это уже не будет последовательный материализм и придется-таки, логически рассуждая, прийти к бессмертию души, что для материалиста невозможно. Личностная интерпретация материалистической веры в «первичность» материи, неизбежная в условиях жизни, а не просто отвлеченной игры ума, с железной необходимостью приводит **к обожествлению трупа и возведению его в ранг абсолюта**. «*Материя, в условиях личностной ее интерпретации, уже перестает быть невинной логической категорией*, — пишет А. Ф. Лосев. — *Она становится безглазым, черным, мертвым, тяжелым чудищем, которое, несмотря на свою смерть, все же управляет всем миром. Материю нельзя одушевлять* (согласно последовательному материализму. — *В.С.*). *Но вероучение заставляет утверждать, что нет ничего вообще, кроме материи. Если так, то ясно, что материя есть смерть*»[1].

Разумеется, сама по себе материя, материя как философская категория, такая же, как и все прочие, вовсе не есть смерть. Но абсолютизированная материя, материя как предмет веры последовательного материалиста, есть именно смерть, ибо если перед нами подлинный абсолют, то ничего, кроме него, и не существует, и все многообразие реального мира выводимо только из этого абсолюта. С философской точки зрения (если уж говорить о мышлении) это элементарно. Если никакой души нет и все есть материя, то, значит, нет и никакой

жизни и все существующее есть **гигантский механизм**, подчиненный некоему отвлеченному разуму, точнее говоря рассудку. Сведение всего к механизму — это как раз и есть наиболее законченное выражение материалистического понимания мира, отрицающего первичность духовного начала. (В своем практическом проявлении такое мировоззрение приводит к постоянному **насилию над реальностью**, основанному на **ненависти к органичным формам жизнеустройства**.) Выражением иного понимания, противоположного материализму, является **организм**, который, в отличие от механизма, одушевлен, содержит в себе некое высшее, иррациональное начало, несводимое к механической сумме своих частей. Механизм в основе своей мертв, лишен жизни, бездушен, есть произвольный набор своих элементов и может управляться только извне. Организм есть воплощение жизни, обладает душой, и гибель каких-то его частей или даже всего организма в целом не означает гибели души, того первопринципа, который делает его живой целостностью, той идеи, которая первична по отношению к самому организму, Божественного замысла о нем. Безусловно, выбор одного из этих мировоззрений определяется отнюдь не рациональными доводами. Он абсолютно произволен, определяется соображением веры, а не разума.

Материалист просто верует в то, что все реальные вещи мира возникли из слепой и глухой материи, подобно тому как и христианин верует в то, что реальный мир сотворен Пресвятой Троицей и в человека — царя земли — Самим Богом вдунуто дыхание жизни, «душа живая».

Оба мировоззрения, подчеркивал Лосев, суть в своей последней глубине **плод некоего откровения**, только откровение это исходит из разных источников. В одном случае оно дано Богом, в другом — сатаной. «*Единственное и исключительное оригинальное творчество новоевропейского материализма заключается именно в мифе*

о вселенском мертвом Левиафане, который, и в этом заключается материалистическое исповедание чуда, воплощается в реальные вещи мира, умирает в них, чтобы потом опять воскреснуть и вознестись на черное небо мертвого и тупого сна без сновидений и без всяких признаков жизни»[2]. И в этом тот, кто дает людям свое сатанинское откровение, инспирируя подобного рода мировоззрение и подобного рода миф, проявляет себя как «обезьяна Бога», будучи неспособным на собственное оригинальное творчество и лишь пародируя творчество Бога, Божественный замысел о мире.

Думается, для короткой статьи сказанного вполне достаточно, чтобы понять, что Мавзолей на Красной площади отнюдь не является продуктом ни христианского, ни общерелигиозного сознания, признающего примат духовного начала. Это есть последнее слово **последовательного материализма**, желающего осуществиться до конца в реальной жизни, а не только лишь в отвлеченном мышлении. И то, что материализм достигает здесь ужасающе конкретного и, если угодно, религиозного выражения, есть закономерный вывод из самого материализма, а вовсе не искажение «естественного» и «разумного» научного мировоззрения мистически и религиозно настроенными людьми.

Большевизм есть последовательный материализм, ставший «руководством к действию», а не просто отвлеченной философией. Поэтому то, что находится в Мавзолее, неизбежно стало объектом поклонения при тотальном господстве большевизма. Это вожделенная цель большевиков, тот предел, к которому они не только подсознательно стремятся сами, но также хотят привести все человечество. Некрофил нуждается во все новых трупах для удовлетворения своей страсти, достигающей степени религиозного экстаза. Это «религия», но такая, которая стремится уничтожить дело Христово на земле, а значит, и весь мир привести к небытию. Поэтому гора трупов, которая сопровождала власть большевиков, —

абсолютно неизбежный практический вывод из их фундаментальных мировоззренческих постулатов, основанных на принципиальном материализме, практическая реализация этой философии.

Итак, если ставить вопрос в принципиальном плане, то разновидность культа, которую мы имеем в Мавзолее (и других мавзолеях подобного рода), есть не что иное, как **культ смерти, возникающий в результате сатанинского откровения**, философским обоснованием коего является так называемый диалектический материализм. **Мертвое тело искусственно сохраняется здесь от тления средствами науки.** Православное же почитание мощей святых есть отнюдь не поклонение бренным останкам как таковым. Здесь, во-первых, мы часто имеем дело **с реальным нетлением, с чудесным нарушением законов природы** по произволению Божию. Праведник своей жизнью и своим духовным подвигом стяжал благодать Духа Святого, достиг святости. Это высшая реальность, и она гораздо реальнее тех обезьяньих подделок, на которые пускаются темные силы в своем стремлении опошлить, спародировать Божественный замысел о мире. Но дело даже и не в нетлении тел святых угодников Божиих (которого может и не быть и часто не бывает). Веруя в бессмертие души, христиане веруют и в воскресение плоти. Поэтому почитание мощей святых есть не просто преклонение перед духовной высотой их подвига, который они совершили в своей земной жизни, но упование на всеобщее **воскресение людей в целостном составе их существа**, которое, по нашей вере, совершится в конце времен **силою благодати Божией**. Для нас «там», за чертой смерти, не темное марево, не страшное чудище «материи», но просветленный Духом Божиим мир, в котором обитают Силы Небесные и святые, с радостью и молитвой ожидающие окончательного суда Божия над миром и его делами. Поэтому мы и обращаемся к ним, ко Христу и к Матери Божией с мольбой о заступниче-

стве, о благодатной помощи, без которой ничто все наши земные усилия.

Итак, если мощи святых в православном культе есть образ, через который мы восходим к первообразу, то есть к целостной человеческой личности, веруя в бессмертие души и в совершаемое благодатной силой Божией воскресение всех в конце времен, то лжемощи, составляющие содержимое Мавзолея, будучи также принадлежностью вполне определенного культа, несут в себе совершенно противоположный смысл. Ниоткуда не видно, что здесь присутствует вера в бессмертие души и в воскресение мертвых.

Есть, правда, один существенный нюанс, о котором мы не говорили раньше. Это связь Мавзолея как бесспорно культового сооружения с известной теорией русского философа **Н. Ф. Федорова** о «воскрешении отцов». Федоров учил именно о том, что когда-нибудь в будущем, по мере развития науки, станет возможным воскрешение ранее умерших поколений и заселение этими воскрешенными других планет. Именно федоровская теория, в числе прочего, стимулировала мысль тех, кто задумался над техническими возможностями развития космической техники и воздухоплавания. Некоторые специалисты по проблеме полагают, что философия Федорова могла быть одним из интеллектуальных и «духовных» стимулов для создателей Мавзолея. Разговор о таком сложном и специфическом мыслителе, как Н. Ф. Федоров, должен вестись, разумеется, совершенно отдельно. Но, по нашему мнению, вполне очевидно, что из всей богатой палитры федоровской философии здесь были взяты отнюдь не христианские ее элементы. ***Создатели и вдохновители Мавзолея верили в силу «разума» и науки, а не в силу Божественной благодати***. Лучше всех это выразил главный «певец» большевизма на начальном его этапе, впоследствии «канонизированный» с подачи Сталина, — **В.В. Маяковский**:

Еще старухи молятся,
в богомольном изгорбясь иге,
но уже
шаги комсомольцев
гремят о **новой религии**.
О религии,
в которой
нам
не бог начертал бег,
а, взгудев электромоторы,
миром правит сам
человек.

Не нам
писанья священные
изучать
из-под попьей палки.
Мы земле
дадим освящение
лучом космографии
и алгебр.

Вырывай у бога вожжи!
Что морочить мир чудесами!
Человечьи законы
— не божьи! —
на земле
установим сами.
Пусть их,
свернувшись в кольца,
бьют церквами поклон старухи.
Шагайте,
да так,
комсомольцы,
чтоб у неба звенело в ухе!

(«***Наше воскресенье***»)

Не менее определенно выражался поэт и в связи с «бессмертием» Ленина:

Неужели
про Ленина тоже:

«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я **бросал бы**
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
ДОЛОЙ!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека...

Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью
сердце холодей.

Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.

(«***Владимир Ильич Ленин***»).

Здесь можно было бы приводить и другие, весьма многочисленные, выдержки из Маяковского и других поэтов и публицистов его времени, но думается, что и приведенного достаточно, чтобы понять: культ ленинского «бессмертия», невозможный без поддержания в приемлемой форме его трупа, — это классическое богоборчество; выражаясь хрестоматийными словами Достоевского, ***«не Богочеловечество, а человекобожие»***, последовательное отрицание той веры, что составляет основу и сокровенную суть христианства и выражена в Символе веры, который мы поем за литургией. (Если прав один публицист, на полном серьезе уверявший меня, что Мавзолей и по архитектуре есть не что иное, как Голгофа, то ведь, сам того не понимая, он изрек истину, напрочь убивающую всякие попытки искусственной христианизации главного большевистского культа, ибо всем очевидно, что на этой «горé-Голгофе» нет самого главного, то есть Распятия, орудия нашего спасения.) Ветхий человек (тело Ленина) остается без какой-либо надежды на будущее воскресение и спасение.

Сам Маяковский, как типичный фанатик-неофит, какое-то время исступленно верил в то, что Ильич скоро как-нибудь «воскреснет» сам, без всякого Бога, что как-то реализуется идея Н. Федорова. Он буквально истязал себя бесконечными заклинаниями, по смыслу и интонации полностью противоположными христианской молитве: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Когда эта вера поэта не оправдалась, он покончил с собой, в строгом соответствии с духом исповедуемой им «новой

религии». Именно рухнувшая вера в основе его самоубийства, а любовная история была приплетена лишь как удобное оправдание. На это обратила внимание еще **М. Розанова** в своей известной статье «Маяковский и Ленин»[3].

Итак, на наш взгляд, вполне очевидно, что искусственная христианизация «мавзолейного» культа абсолютно ненаучна и некорректна с мировоззренческой точки зрения. Тогда, естественно, снова встает главный вопрос: что делать с содержимым главного храма коммунистов и с ним самим? Думается, здесь мы не откроем Америки, если скажем, что вопрос некорректно поставлен, ибо в самой постановке содержится искусственное выведение гипотетического субъекта действия за рамки социального контекста. Мавзолей ныне снова популярен, а идея национального покаяния, включающая в себя и изживание, преодоление ложных культов недавнего прошлого, — как раз наоборот. (По нашему глубокому убеждению, данное обстоятельство отнюдь не свидетельствует о возрождении и духовном здоровье нации.) Тот субъект, который, руководствуясь энергией Божественного Откровения, во времена древнего христианства сокрушал языческие капища, по большей части отсутствует. В РПЦ есть, конечно, некая пассионарная часть[4], готовая в этом вопросе идти до конца, но не она определяет ход событий, не она «делает мейнстрим». Высшее священноначалие или его представители высказываются в основном в духе «лишь бы чего не вышло»[5]. Высшая политическая власть по понятным причинам сейчас эту тему тем более трогать не хочет. Так что каждый, конечно, может иметь по этому вопросу сколь угодно обоснованную и выстраданную позицию, но к реальности все эти разговоры не имеют прямого отношения в силу отсутствия готового на решительные шаги субъекта действия. Сакралитет нации едва тлеет, а кто-то продолжает звать на подвиги. Так что христианам, по самой своей природе, разумеется, не склонным одобрять культы,

столь чуждые их вере, остается лишь молиться, занимаясь в первую очередь собой, делом своего спасения. А мертвым, по слову Писания, *предоставить погребать своих мертвецов* (Мф. 8: 22).

Примечания

[1] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990. С. 509.

[2] Указ. соч. С. 510.

[3] http://www.litkarta.ru/world/france/persons/rozanova-m/ mayakovsky-i-lenin

[4] См., напр.: Прекратить безнравственное и аморальное святотатство! Руководители православных общественных организаций направили Обращение к депутатам Государственной Думы РФ (http://amin.su/content/analitika/9/5326/).

[5] См., напр.: Московский патриархат выступил против перезахоронения Ленина (http://www.newsru.com/religy/16mar2017/churchlenin.html).

Содержание

Предисловие 3

Назад в 1917-й?
Революция в России как проект Фининтерна 6
Клаус Шваб и Ленин: очевидные параллели 7
Карл Маркс и Ротшильды: начало «всепобеждающего учения» 15
Большевики и международные банкиры: малоизвестные страницы истории революции в России 18
Фальшивка-«громоотвод» 44
Подлинные цели «Фининтерна» 51
Заключение. Воспоминание о будущем? 61

Неизвестный Ленин
В своей практической революционной деятельности вождь во многом опирался на профессиональных военных 70

Ленин и национальный вопрос
Корни национальной политики большевиков — в прямом сговоре с врагами России 114

Прорабы коммуны
Как капиталисты «проклятого Запада» создавали советскую промышленность 127

Гонения на Церковь в Советской России: подлинная картина
Теория 151
Практика 168

Россия, которую мы оболгали
Книга Андрея Борисюка разоблачает либерально-большевистские мифы о великой империи 198

«Пятая империя» или красный реванш?
Об исторической правде, идеологической борьбе и объективности оценок 213

Так надо ли хоронить Ленина?
Нет ничего более далекого от реальности, чем попытки христианизировать тот сатанинский культ, что выражен в Мавзолее 227

Владимир Петрович Семенко

ВОЙНА С РОССИЕЙ
Большевики на службе у мировой закулисы

Научный консультант *Б. Г. Галенин*

Художник *Д. Е. Бикашов*

Компьютерная верстка *В. В. Иванов*

Корректор *Г. А. Островская*

Тираж 1000 экз.